

Избранное

О любви

М. ВЕЛЛЕР

М. ВЕЛЛЕР

Михаил Веллер
О любви (сборник)

«АСТ»

Веллер М. И.

О любви (сборник) / М. И. Веллер — «АСТ»,

ISBN 5-17-038335-5

Все знают, что она есть, и никто не знает, что это такое. Или еще: все знают, что это такое, но никто не знает, как это сказать. Хотя практики-эмпирики, профессиональные соблазнитель и многоженцы по этим путям ходят, как по тротуару возле собственного дома. Зная все повороты наизусть. Удивительные вещи происходили вечно по причине ея. Чем сильнее любовь – тем больше наломано дров. Вечно какие-то препятствия, вечно какие-то страдания, и чем трагичнее страдания – тем более прекрасные и проникновенные песни слагают поэты. «Жестока, как ад, ревность», – пожаловался Соломон, и через некоторое время Отелло задушил Дездемону, Хозе зарезал Кармен, а Российский уголовный кодекс признал ревность смягчающим обстоятельством.

ISBN 5-17-038335-5

© Веллер М. И.

© АСТ

Содержание

Она	6
«Чуча-муча, пегий ослик!—	6
Любит – не любит	10
1. Соблюдайте правила пользования метрополитеном.	10
2. Вот так встречается волшебник.	11
3. Сердце мальчика и боль мужчины.	13
4. Скулящему не сочувствуют.	17
5. Что такое камелек?	18
6. Так что же такое любовь, в конце концов?	19
7. Чем крепче нервы, тем ближе цель.	21
8. Как слегка попортить личную жизнь.	22
9. Информация – безусловно основа интуиции.	25
10. Что думает медицина о несчастных влюбленных.	25
11. Как устранить соперника?	27
12. Я вас насквозь вижу!	28
13. Знакомые бывают крайне некстати.	29
14. Если друг оказался вдруг...?	30
15. Еще пара таких друзей – и врагов не понадобится.	31
16. Вещественные доказательства оспаривать трудно.	32
17. Не ищите женщину – она найдется сама.	33
18. Вот поживешь с мое в этой проклятой стране, сынок, тогда узнаешь, что Рождество бывает только раз в году.	35
19. А не ходи в наш садик, очаровашечка.	36
20.	38
21. Умными мы считаем тех, кто с нами согласен.	39
22. Меценат в кругу семьи.	40
23. Последствия женских советов.	41
24. Уехать в Эстонию не так просто.	43
25. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.	46
26. Не имей сто рублей.	48
27. Женские преимущества.	49
28. Как теряют батальон.	51
29. Напоминать о себе надо своевременно.	52
30. Обходите цель с фланга.	54
31. И если ты своей владеешь страстью, а не тобою властвует она.	55
32.	57
33. День рождения.	57
34. Есть лишний билетик.	60
35. Мороз и солнце – день чудесный.	62
36. Из всех искусств для нас важнейшим является кино.	64
37. Если к вам пришли гости – радуйтесь, что не госбезопасность.	66
38. Рыцарский турнир и венец победителю – в наше время.	68
39. Бойцы вспоминают минувшие дни.	74
40. Неужели это конец?	74

41. О чем не говорят, чему не учат в школе.	75
42. Раз в жизни сбывается несбыточное.	75
43. Джентльмены не опаздывают к завтраку.	82
Небо над головой	85
Колечко	89
1	89
2	89
3	90
4	91
5	92
6	93
7	95
8	99
9	100
10	100
11	101
Осуждение	102
Разбиватель сердец	105
1	105
2	105
3	106
4	107
5	107
6	109
Мимоходом	112
О ней	114
Любовь	114
Ревность	134
Страдание	141
Секс	145
Мужчина и женщина	171
Несовпадение вершин	177
Дон-Жуан	181

Михаил Веллер

О любви (сборник)

Она

«Чуча-муча, пегий ослик!—

Вот видишь, все-таки я написал тебе письмо. Много-много лет я собирался это сделать. С тех самых пор, как мы с тобой расстались, и навсегда. Чтоб никогда больше не увидеться.

Меня нет больше на свете, милая. То, что еще осталось – совсем не тот я, которого ты любила и помнишь. Только вместилище – память и чувство. Прошло много лет, и я понял это. И ты тоже поняла, правда? Потому что тебя, той, что была, тоже нет больше. Мы стали другими, по отдельности друг от друга, без смирения и сроднения с переменами любимого, на разных дорогах, в разных жизнях.

Время обточило нас на разных станках, и наши миры стали разными.

Если даже предположить сумасшедшее, невозможное, что мы встретимся – это не будет иметь никакого значения. Мы будем искать и желать друг в друге то прежнее, что знали и чувствовали когда-то. Стараться увидеть и обрести то родное, чем мы были.

Это странное ощущение. Как будто не было всех этих огромных прошедших лет, прожитых вдаль и по-разному, как будто годы и годы прошли в некоем параллельном, другом, нереальном измерении, не имеющем отношения к тому, что жило внутри нас и между нами, и вот сейчас мы встретились – и продолжаем жить вместе с того самого момента, когда расстались. Словно расстались совсем недавно, вчера, неделю назад.

И когда мы расстанемся вновь, то в памяти друг друга снова будем теми, что когда-то, молодыми, здоровыми, красивыми и веселыми, в полете и силе жизни, даже когда она боль, потому что еще огромность впереди, – а эта встреча, она останется так, сбоку, маленьким боковым ответвлением, ничего не меняющим.

У меня было когда-то так много слов для тебя, так много, что я не мог остановиться говорить их. Это не от болтливости, и не от того, что мне было легко и неважно, бездумно, говорить их – а от того, что мы были вместе так мало, так мало, считанные дни, милая, а я думал о тебе так много, всю жизнь, и разговаривал с тобой – без тебя – всю жизнь, и при встречах мне не хватало времени сказать тебе все, что так хотелось, так надо было.

Не было дня, когда я не разговаривал бы с тобой. Вся моя жизнь состоит из двух половин: первую я тебя ждал, вторую я тебя помнил.

Я писал это письмо много лет, очень много. Ночами, глядя в темноту, и в поездах, курия в тамбуре, и в толчее улиц, и просто в свободную минуту. Так странно: и пел гондольер в Венеции, и играл скрипач в Иерусалиме, и светилась Эйфелева башня, и в бессонницу в тундре под храп бригады доносил разбитый транзистор: „Лишь о том, что все пройдет, вспоминать не надо“. Тогда еще я умел плакать.

Ты плачешь по мне, милая? Ты меня помнишь?

Всю жизнь я пытался понять тебя, и понять себя, и в тысячный раз вспоминая давние события находил в них новые детали, открывал новые мотивы и тайные причины.

Я очень любил тебя, милая. Я и теперь люблю тебя. Но теперь это уже точно не имеет никакого значения. Вот уж теперь-то точно поздно.

Когда-то, в той жизни, ты сказала – лето, и Ленинград, и тополиный пух: „Поезд ушел“. И я ответил: „Ну, такой поезд я на пальце потащу за веревочку“.

Когда-то – лето, комнатуха, простынь, плед на окне завязан сыромятным ремешком скотогона на калмыцкий узел – ты спросила: „А тебе надо, чтоб я тебя любила? Или – тебе и так... устраивает?“ Я не нашел ответа, было слишком много верных и все про одно, они промелькнули мгновенно, каждый главный и единственный, не выбрать, так больно, и печально, и быстро колотилось сердце, и я сумел только на выдохе: „Господи, дай мне любви этой девочки, и больше мне от жизни ничего не надо“.

С тех пор я всю жизнь отвечал на этот вопрос. Из всех в мире вариантов „да“ я искал один, чтоб ты поняла, как мне это было надо.

Я сказал тебе: „Ты любишь меня. Когда ты сходишь по мне с ума, и прибегаешь, бросив все, и обнимаешь, прижимаясь в отчаянье, и глаза твои сияют, и ты моя, и ты стонешь со мной, и ты делаешь каждым касанием навстречу то же, что делаю я, и чувствуешь то же, что чувствую я, – ты любишь меня, и знаешь это, всем естеством, и я это знаю и чувствую всем собой, потому что нет этого иначе“.

Ты боялась попасть в плен. Ты боялась поверить до конца, до последнего дюйма. Ты не могла жить в мире ни с кем, потому что никогда не жила в мире с собой. Жизнь кипела, искрилась, брызгала в тебе, и всего хотелось, и всего было мало. Ты была такая светлая и радостная. С тобой было светло.

Никого в жизни я не понимал так, как тебя; не чувствовал так, как тебя; не читал, как открытую – для меня одного! – как тебя.

– Какие у тебя сияющие глазищи!..

– Это только для тебя...

В унисон, в фазу, в масть. Я оборачивался и открывал рот, и ты говорила: „Ага, какая весна, да?“

Ты жутко боялась остаться одна, состариться без мужа, без семьи, и поэтому произносила речи о скуке и однообразии семейной жизни, в защиту свободы и приключений. Ты предчувствовала свое будущее и боялась признать поражение хоть в чем-то. И так ясно слышались в твоём голосе слабость и желание, чтоб тебя опровергли, уверили, успокоили, что ты будешь надежно и спокойно любима всю жизнь, и при этом будет все, что только можно придумать прекрасного, интересного, необычайного, и ни при каких условиях ты не будешь брошена – даже если сама из самолюбия, противоречия, злости сделаешь все, чтоб – наперекор себе же – остаться одна: не останешься, тебя всегда сумеют понять, принять, примирить, сделать так хорошо и оставить с собой, как в глубине души ты сама больше всего хочешь.

Я научился понимать, правда? А это единственное, что у меня осталось, главное мое занятие, это вся моя жизнь: помнить, знать, понимать. И это – огромная, огромная, неохватная жизнь! уверяю тебя...

В полях под снегом и дождем, мой милый друг, мой верный друг, тебя укрыл бы я плащом от зимних выюг, от зимних выюг, и если б дали мне в удел весь шар земной, весь шар земной, с каким бы счастьем я владел тобой одной, тобой одной... вельветовые джинсы, латунный подсвечник, водка от ночного таксиста, гитара, оленья шкура, рукопись и беломор... Письма пишут разные, слезные, болезненные, иногда прекрасные, чаще бесполезные, в письмах все не скажется, и не все услышится, в письмах все нам кажется, что не так напишется.

Мы были очень похожи. Мы были молоды, красивы, самолюбивы, любимы многими, жадны до жизни и веселья, мы мечтали о морях-океанах, собирались напрямиком на Гаваи, в пампасы... мэм-сагиб.

„Между нами всегда оставался ну самый последний миллиметр?“ – сказала ты. Через много лет я ответил: „Он оставался внутри тебя“. Его ты так никогда в жизни и не преодолела, не бросилась в омут очертя голову, не отдала себя всю безоглядно и без остатка, и поэтому не обрела взамен и одновременно все, совсем все, что тебе так надо было, без чего ты так никогда и не стала счастлива.

Теперь этот миллиметр растянулся в неведомые тысячи километров, в другое измерение. И твой голос, низкий, нежный, грудной: „Здравствуй, заяц. Ну, как живешь?“

Живу.

Твои попытки журналистики, литературы, кино – какая ерунда... Но я так любил, так трялся, так видел в тебе только все самое лучшее, что подыгрывал тебе, подлаживался, льстил – и удивительно, в этом было больше правды, и мы оба, как всегда, точно чувствовали меру правды и фальши в моих словах, и в твоих тоже.

Ах, как просто: тебя устраивала твоя жизнь. Ты сказала честно. Так хотела: и приключения, и надежный базовый аэродром, и свобода маневра, и романтическая любовь с разлукой...

О черт, но ведь главное, на что я купился, главное, что было мне дороже всего в тебе – потрясающая чуткость, отзывчивость, чистота тона: на каждое мое движение, каждое слово, каждый жест – ты поступала именно так, как было истинно, как я хотел больше всего, мечтал. До тебя – я полагал, что чувство никогда не может быть полностью взаимно. И вдруг оказалось – может... В резонанс, в такт, в один стук сердца.

Все в тебе – ерунда по сравнению с главным, потрясающим, данным от Бога: ты женщина, каких почти не бывает. Ты рядом – уже свет праздника, радости, любви, счастья. Взглядом, улыбкой, жестом, интонацией, беглым поступком – ты дарила мужчине полное ощущение того, что он – желанен, значителен, интересен, достоин, что он – тебе и всем! – единственный такой, мужественный, сильный, красивый, замечательный. Это не было сознательным воздействием – это шло от твоей сущности, от жадного и радостного приятия жизни, веры в нее, и эту радость и веру ты естественно, как дыхание, разделяла с тем, кого встречала.

Но я – не первый встречный, верно, малыш? Ты меня помнишь? Тоска тебя грызет?

И я раскрылся весь – в изумлении приходящего счастья, которое возможно лишь единжды. И ты испугалась – порабощения собственным чувством. „Я не позволяла себе чувствовать даже тысячную часть того, что чувствовала на самом деле, чего хотела...“

И стала всаживать в меня крючья. Ты очень боялась раскрыться полностью – чтоб не смогли сделать тебе больно. А я был счастлив невыносимому для меня порабощению своим чувством. Вот где произошла нескладушка. И боялся, не мог, не хотел делать больно; мне необходимо было – оберегать тебя, а не бороться.

Это я говорил тебе, а всего все равно не скажешь, и все слова столько раз употреблялись в жизни, и что тут скажешь нового, и какой в этом смысл, нет в этом смысла, кроме одного, кроме одного: я говорю – и я с тобой, милая моя, родная, любимая, единственная моя, свет мой, и я вижу тебя, слышу тебя, чувствую тебя, счастлив с тобой, как никогда и ни с кем в жизни. Не было у меня никого ближе тебя.

Тебе было хорошо со мной? Я тебе нравился? Я тебя устраивал?

Малыш, чуча-муча, пегий ослик, чуть-чуть ты смалодушничала, чуть-чуть, и это тот последний дюйм, который решает все.

Я никогда не отделаюсь от истины, что мы были созданы друг для друга. Ты не была самой красивой, или самой умной, или самой доброй – я видел тебя глазами ясно, я не идеализировал: ты была по мне, и каждый взгляд, вздох, движение твои – были навстречу, как в зеркале.

Я видел тебя – и прочие переставали существовать, отделялись стеклянной стеной: чужие, отдельные, другие.

Я видел тебя – и был лучше, чем без тебя: был храбрее, сильнее, умнее... нет, это чушь: добрее, тоньше, благороднее... да и это не главное: я был значительнее, крупнее, чем без тебя.

Из незащитности, ранимости спохватывалась ты казаться стервой – и вдруг поступала согласно этой претензии, а под блеском глаз дрожала робость, потому что суть была доброй и хорошей, и ты боялась быть такой, чтоб не проиграть в жизни, чтоб не выглядеть слабой. А я настолько знал свою силу, что не боялся поступать как слабый, и в результате ты поступала

как сильная, а я как слабый, хотя на деле было наоборот, и на деле получилось наоборот...
Господи, милая, как я помню все...

Все кончается, жизнь на закат, финиш отмерен. Не было у меня дня без тебя. Давай
напоследок, как тогда, мизинцем к руке, ага.

Твой – Я.»

Любит – не любит

1. Соблюдайте правила пользования метрополитеном.

«Тысячу лет назад норманны сеяли пшеницу на юге Гренландии. Не изменись климат, в Ленинграде сейчас вызревали бы персики. И даже в декабре в больницах было бы не меньше двадцати градусов, что вовсе неплохо...»

Эти праздные размышления, простительные для уставшего за дежурство человека, а Звягину вообще свойственные, развития не получили. Сойдя с эскалатора, к выходу из метро двинулась перед ним молодая пара и, судя по коротким движениям голов, упакованных в шарфы и ушанки, скорее ругалась, чем ворковала. Неожиданно после особенно выразительного кивка, подкрепленного соответствующей жестикуляцией, юноша как подрубленный пал на колени и, содрав шапку, замер так с простертыми руками в позе крестьянина, пытающегося всучить челобитную спешающему по государственной нужде царю.

Девушка обернулась с презрительной усмешкой и удалилась гордо. В толпе образовалось небольшое завихрение: сдержанные ленинградцы огибали фигуру. Звягин ткнул коленом в спину отчаявшегося ходатая и осмотрел сверху русую круглую голову с недоброжелательным любопытством. В следующий миг юноше показалось, что к его воротнику приварили стрелу подъемного крана: он был поднят в воздух и, слабо соображая, что происходит, висел краткое время в руке Звягина, пока не догадался распрямить поджатые ноги и утвердиться на них.

– И давно у тебя такая слабость в коленках? – осведомился Звягин.

Тот безуспешно рванулся.

– Репетиция любительского спектакля? – глумливо продолжал Звягин. – Гимнастические упражнения для умственно отсталых?

– П-пустит-те...

– А еще жалуются, плохо у нас шьют: воротник никак не отрывается. Ты в школе учился?

– Да ч-чего вам!..

– Смирно! Тебя учили, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях?

Пойманный раздернул молнию куртки с явным намерением оставить ее в руках учителя, как ящерица оставляет хвост, но деревянной твердости пальцы сомкнулись на его запястье.

– Что вам надо? – в бессильном бешенстве процедил он.

– Чтоб ты не нарушал закон, – последовал неожиданный ответ.

– Какой?!

– Нищенство у нас запрещено. Не надо клянчить подаяние – а именно этим, судя по архаичной позе, ты занимался. Причем во цвете лет, будучи на вид вполне трудоспособным.

Не внемля отеческим увещаниям, воспитуемый оборотил перекошенное от унижения лицо и посулил Звягину много отборно нехороших вещей.

Свободной рукой Звягин порылся в висевшей через плечо сумке и протянул желтую таблетку:

– Проглоти и ступай, оратор.

– Что это? – машинально спросил юноша.

– Амтриптилин. Прекрасно успокоит твои нервы. Не волнуйся, я врач, а не торговец наркотиками.

Молниеносным движением он сунул таблетку в приоткрывшийся для ответа рот и шлепнул ладонью снизу по подбородку: рефлекторный прыжок кадыка указал, что таблетка проскочила к месту назначения.

– Свободен. И не повторяй свои фокусы часто – штаны протрешь.

Тот постоял секунду, читая лицо Звягина, но не нашел в нем ни издевки, ни сочувствия: так, легкую снисходительность.

– Я не повторю, – тихо и многозначительно молвил он. Поднырнул под плюшевый канат и поехал вниз.

На истертом бетоне осталась серая кроличья ушанка. Звягин хмыкнул, оглянулся и последовал с нею за удалившимся владельцем.

Из черноты тоннеля дунуло ветерком, поезд приблизился, слепя расставленными фарами и сияя лаковой голубизной, когда из подровнявшейся толпы выдвинулся подопечный и поставил ногу на край платформы, как отталкивающийся прыгун.

Вторично стрела крана подняла его за воротник и отнесла на безопасное расстояние. С утихающим басовитым воем проскользил тормозящий головной вагон, проплыло в кабине повернутое лицо машиниста, на котором начали с запозданием проявляться, как на фотопластинке, признаки испуга.

Мягко стукнули двери, народ повалил, несостоявшееся происшествие осталось практически незамеченным.

– Дядя Степа в этот раз утопающего спас, – мрачно похвалил себя Звягин. – Свинья ты, братец. Нагорело бы дежурной по перрону, машинисту – а чем они виноваты? И ты не представляешь, видно, как омерзительно выглядело бы то, что отскребали от рельсов. А?

– Откуда вы взялись... – выдавилось с мукой.

Звягин оценил бледность, дрожь рук, зрачок во весь глаз.

– Надень шапку. Ну, что стряслось, парень? Пошли, пошли...

2. Вот так встречается волшебник.

Декабрьский вечер резанул морозом – ресницы смерзлись; зима накатила ранняя, лютая, звенящая. Ленинград застыл в ледяном свете фонарей. Мерзлым дробным стуком отдавались шаги торопливых прохожих.

– Как тебя зовут?

– Ларион.

– А проще?

– Ларик...

Проблема поговорить по душам упирается во множество проблем. Это проблема времени: где взять его столько, чтоб никуда не торопиться. Проблема настроения: стрессовый, издергивающий ритм большого города отнюдь не способствует откровенной беседе. Проблема собеседника: не каждый в наше стремительное время терпеливо вникнет в твои беды. И далеко не в последнюю очередь это проблема места; вечерние кафе переполнены и суетны, в общежитиях бдят вахтеры и шляются знакомые, а дома ждет жена, укладываются спать дети, и соседи снизу стучат по трубе отопления, если вы топаете или гоняете музыку. Правда, Ленинград, как ни один другой город в мире, располагает к задумчивым прогулкам по набережным и паркам, стреловидным перспективам центра и тихим переулкам Петроградской стороны... Но только не при минус сорока.

– Куда мы?

– Фотографироваться...

Звягин увлек Ларика мимо заиндевелой колоннады Казанского собора в темную дугообразную траншею улицы Плеханова. Под обшарпанной аркой погромел в дверь, обитую жестью.

– Леонид Борисович? – Фотограф вытер пальцы о полотенце, перепоясывающее водолазный свитер. – Вам снимок? Или помещение?

– Или. Ненадолго. Как твой радикулит?

– Он сам по себе, я сам по себе – мирное сосуществование. Посидите пока, я последние сниму с глянцевателя.

Он воткнул кипятильник в розетку, не без некоторого изящества расположил чашки и печенье на колченогом столике.

– Ключи? – спросил Звягин, располагаясь в креслице, явно скучающем по родимой свалке.

– Бросите в почтовый ящик рядом с дверью, как обычно. – Вынул из лотка отскочившие с зеркального барабана фотографии, натянул полушубок, пожелал здравствовать и удалился.

В мятом кофейнике забурлила вода. Алые спирали электропечки волнами струили теплый воздух. Мягкие тени залегли по углам.

Звягин молчал, настраиваясь на волну собеседника, словно радиоприемник на дальнюю станцию: профессионализм хороших врачей и журналистов, умеющих чувствовать другого человека.

Молчание Ларика носило иную тональность: погруженный в себя, он пассивно соглашался, чтоб его хоть чем-то на время отвлекли от душевной боли.

– Это сделать никогда не поздно... – проговорил, наконец, Звягин. – И беда в том, что этим ничего не изменишь и ничего никому не докажешь...

– Я не хочу никому ничего доказывать... – не сразу отозвался Ларик.

– Устал?

Выдох:

– Устал...

Горячий чай обжег, чашка грела руки.

– Без нее никак?..

– Без нее незачем.

– Она того стоит?

– «Не потому, что без нее светло, а потому, что с ней не надо света».

– И нет надежды?..

Ларик застыл, медленно погружаясь в свою боль и так же медленно возвращаясь к действительности.

– Кто вы?

– Дед Мороз.

– Подарки делаете? – слабо, невесело улыбнулся.

– Такая работа.

– Что дарите? Жизнь, да? Зря...

– Уж кому чего надо.

– Что человеку действительно надо – того ему никто не подарит, – вздохнул Ларик с наивной многозначительностью юности.

– Подарит. Раз в жизни случается несбыточное. Один шанс из миллиона. Тебе выпало исключение, – тяжелым голосом сказал Звягин.

Ситуация вышла за пределы обычной. Сбивчивый взгляд Ларика фиксировал рубленое лицо, тонкий излом рта: странная сила угадывалась за вальяжной позой, сокрушительная воля – за мерной интонацией.

– Итак, ты встретил волшебника.

Звягин вынес из задней комнатки небольшой аквариум. За зеленоватым стеклом пошевеливала шелковистыми раскидистыми плавниками золотая рыбка.

– Она может выполнить только одно желание в год. Будущий – твой. Заказывай.

Ларик оцепенело уставился в выпученные глазки рыбки. Колкое тепло разлилось под ложечкой, толкнулось в мозг, в дрогнувшие пальцы. Ткань действительности распалась на миг, сказочное сияние качнулось в захлапленном подвальчике...

Звягин подхватил его, потрянул легонько:

– Ну! Решайся.

Падающая звезда, счастливый номер на билете, поезд по виадуку над головой, сесть между двумя тезками: «Загадай – желание – загадай – желание – загадай – сбудется, сбудется, сбудется!» А!..

– Хочу, чтобы ОНА меня любила, – с огромной убеждающей силой прошептал Ларик.

Рыбка вильнула хвостом-вуалью и отвернулась.

– Хорошо, – сказал Звягин и отнес аквариум.

– Сделка состоялась, – сказал он.

– Каковы условия? – спросил Ларик тем тоном на грани шутки и серьезности, который в неуверенности допускает возможность и того и другого. – Я продаю вам свою душу, распи-сываюсь кровью, иду к вам в рабство?

– Крови не люблю, – поморщился Звягин. – Мне ее и на работе хватает. А насчет души и рабства... Твое желание будет выполнено. Но ты станешь делать все, что я тебе прикажу.

– Что именно?

– Все! Не бойся – вреда никому не причиним. Согласен?

Ларик не столько колебался, сколько укреплял в себе желание поверить происходящему.

– Да!

Звягин аккуратно вырвал лист из блокнота, раскрыл старомодное золотое перо:

– Пиши. «Я, такой-то, тринадцатого числа месяца декабря сего года тысяча девятьсот восемьдесят шестого, будучи в здравом уме и твердой памяти, отдаю тело свое и душу в полное распоряжение хранителя сего, именующего себя доктором Звягиным, от настоящего часа и до того, как он в обмен на полученное дарует мне навечно любовь...» – пиши ее имя и фамилию, – диктовал Звягин, – «взяв с меня клятву, что я сохраню верность ей до гроба, и да будет воля его для меня священна». Число, подпись.

Запалил свечу, достал из сумки иглу от шприца, прожег ее, протер спиртом из пузырька:

– Коли мизинец и ставь отпечаток рядом с подписью!

Ларик испытующе помедлил и решительно всадил иглу в палец. Стекла вишневая капля.

Звягин удовлетворенно кивнул, сложил лист, спрятал в черный конверт из-под фотобу-маги, а конверт бережно убрал во внутренний карман.

3. Сердце мальчика и боль мужчины.

– А теперь, – сказал он, – теперь рассказывай все. Рассказывай, как и когда вы встрети-лись.

– В пятом классе, – сказал Ларик. – Ее родители переехали из другого города, и после летних каникул она появилась у нас...

Воспоминания были его счастьем, его неразменным капиталом:

...В пятом классе, когда мальчики еще остаются мальчиками, но девочки уже превраща-ются в юных девушек, и тайна застенчивой и горделивой женственности вносит смятение в четкий мир их сверстников.

В маленьком городке все знают друг друга наперечет. Новичков встречают настороженно. Но она была проста и весела – не задавалась. Неплохо училась и была ловка на физкультуре. Она выделялась, не стремясь к тому. Ее признали своей.

Он, Ларик, обращал на нее внимания не больше, чем на других привлекательных дево-чек. Мальчишеская дружба расцветает именно в этом возрасте. Мир вкусен, опасен, манящ! Мальчики записываются в секции, качают мышцы, занимаются боксом и каратэ, постигают моду и копят копейки на дешевые магнитофоны; долго причесываются перед зеркалом, ста-раясь узреть в полудетских лицах черты будущих мужчин. Они дети для всех – кроме себя и

своих друзей: просто возраст еще не вывел их на рубеж, за которым начинается жизнь мужчины. Только в лучшем друге можно найти понимание и отзыв всем мыслям и чувствам. О девочках думают, мечтают, говорят – гуляя вечером или сидя на солнышке в укромном углу за забором; томительная мечта еще не представляется реальной.

В каждом классе всегда выделяется своя верхушка, обычно человек восемь. Интереснее, энергичнее прочих, они безошибочно объединяются: в них больше жизни. Ум, красота, спортивные успехи, подвешенный язык, умение одеваться – сами по себе еще не определяют твой престиж: обаяние личности решает все.

Незаметно упрочилась за Вале́й роль королевы класса.

Середнячок Ларик не выделялся ничем.

В этом возрасте впервые читают «Трех мушкетеров» и придумывают себе первую любовь. Придумывают или нет – кто может отличить?..

Трудно сказать, с чего все началось всерьез. Тринадцать лет, теплый и влажный мартовский ветер, валяющийся в форточку, горячее солнце в синих лужах: весна – она весна и есть. На перемене Валя посмотрела на него (так ему показалось) особенно. Показалось ли ему это? Позднее она уверяла: да. Он ли был готов прочесть в ее взгляде то, что хотел прочесть?.. Или юная ее женственность, расцветшая потребность в любви бессознательно выразились в мимолетном взгляде? Или просто сделала глазки, следуя искушению испробовать крепнущую силу своих чар? Значит, настал ему срок полюбить, если такая неопределимая малость послужила поводом.

Через пять минут он получил двойку по химии, абсолютно не понимая, что спрашивает у него учительница. После уроков бродил, не понимая, где, оглушенный, в блаженной и испуганной растерянности, видя ее лицо, пушистую челку, печальный и ласковый блеск серых глаз: призыв? надежда? поощрение?

Несколько дней он боялся на нее взглянуть. Казалось: все сразу поймут. Только когда она отвечала у доски, он как бы имел право смотреть на нее наравне со всеми. В каждом ее жесте ему одному. От него ждали шагов навстречу.

Ночью он написал мелом на стене «Я люблю». Впервые шепотом выговорил это слово, осязая его губами. Он давал себе безумные клятвы, рисуя романтическое и трагическое будущее.

Выскакивая из школы, он кружным путем несся к ее дому, чтобы потом попасться ей на дороге. Она возвращалась с подругой. Он цепенел. Она не подавала вида, что их что-то связывает.

Он признался другу. Друг понял, проникся. Друг давал советы и поражался низости и глупости женщин. Им было по тринадцать, и они были взрослыми людьми.

Он решил писать записки: незначащие фразы, в которые вкладывалось сокровенное значение. Друг передавал ей. Ответов не было.

Он назначил ей свидание. Прождал до темноты. Она не пришла.

Но на завтра подруга сунула ему в руку записку с ее извинением.

Встреча наконец состоялась. Он не смог выдать из себя ни слова. Она терпеливо ждала, дернула плечиком и удалилась, смеясь.

В записке он признался ей в любви. Лицо его горело, тело не слушалось. Не выдержав, он сбежал с уроков.

Ответом было одно слово на клочке бумаги: «Спасибо».

Он зашел в тупик. Не знал, что предпринять дальше. Как стать интересным ей. Как сделать, чтоб они были вместе. Ее присутствие парализовало его. Он еле кончал год на тройки.

Где знают двое, там знает и свинья: секрет его раскрылся в классе. Незлые, в общем, шутки воспринимались как нестерпимые насмешки.

Поздними вечерами он шлялся под ее окнами.

Лето прошло без нее.

Он свыкся с безответностью своего чувства.

Осень принесла потрясение.

Она была красива и беспечна, и сплетни не могли миновать ее. Ревность и зависть просыпаются в людях рано. Поплыл слух.

В четырнадцать лет верят всему. Он поверил. Эта вера, вместо того, чтобы убить его любовь, сделала ее еще более пронзительной. Дикость истории не увязывалась в сознании с ее обликом: ясные глаза, чистый смех, трогательное лукавство. Душа его разрывалась от боли за ее боль. Ему грезилось посадить ее на колени, обнять, укрыть от всего зла этого мира, погладить по волосам, ласково, нежно, сказать, что она все равно самая лучшая, самая чистая, самая красивая, единственная, что он любит ее на всю жизнь, и все будет хорошо, все будет хорошо...

(Когда годы спустя он убедился в лживости навета, он был потрясен не меньше. Быть может, если бы не эта ложь и вызванные ею боль и сострадание, впервые пробужденное желание защитить и уберечь, то любовь его иссякла бы, как часто и бывает. Но оказались затронутыми такие глубины мужающего сердца, о которых он сам ранее не подозревал.)

Ей уже оказывали внимание старшекласники. Он казнил своим ничтожеством. Будущее прозревалось ясно: до смерти он будет любить ее безнадежно и сильно, и когда-нибудь она поймет, как велика его любовь; и оценит; но слишком поздно.

«Она еще пожалеет, – пророчески предсказал друг. – Жизнь накажет ее». – «Накажет? – возразил он. – За что? Разве она виновата, что она такая?..» – «Вот за то, что такая, и накажет», – повторил друг упрямо и безжалостно.

В июне класс убирал мусор в парке, потом пошли купаться на пруд. Он увидел ее в купальнике. Он не мог смотреть на нее и не мог не смотреть. Расплавленный свинец разлился в его жилах... Впервые он увидел в ней женщину, и понял, что любит женщину. Ужасало, что ее, в одном этом узеньком красном купальнике, видят все! И она не стеснялась, ей это нравилось, она знала свою красоту. О, если б он был самым широкоплечим, рослым, мускулистым, загорелым, сильным, если б он был достоин ее... Страх своей неполноценности укоренился в нем окончательно.

Осенью она приезжала с родителями с юга, приходила в школу загорелая, как мулатка, сияя глазами и зубами, потряхивая выгоревшей гривкой волос, пританцовывая на ходу от избытка жизненного веселья. Однажды она влюбилась в практиканта-физика из пединститута; отчаянно зубрила формулы и получала пятерки, явно выделяемая им. Когда оказалось, что у него есть невеста и через неделю свадьба, она два дня не ходила в школу и появилась похудевшая, с темными кругами у глаз.

Класс отреагировал беззлобной подначкой.

Ларик искренно недоумевал: как можно на ком-то жениться, если можно в свой срок жениться на ней? Разве есть на свете хоть одна лучше нее? И – что она нашла в нем: обычный, ничего особенного, склонность к развязному нахальству да еще один глаз косит на сторону?

На лето перед десятым классом его отправили в деревню к бабушке. Он вытянулся, подсох; полел огород, валялся на песке у речки, считая дни до возвращения. Не выдержав, написал ей письмо, второе, третье. Неожиданно получил ответ (она томилась скукой).

В сентябре его положение в классе изменилось. Усилиями родителей он был прилично одет, «смотрелся». Поздоровел. Полученное письмо прибавило уверенности в себе. На него «положила глаз» одноклассница; он впервые понял, что может нравиться и даже быть любим. Надежды вспыхнули и расковали его язык. Он искал сближения с ее компанией, и удостоился приглашения.

Когда в медленном танце он впервые коснулся ее руки, ее талии, ноги его мгновенно потеряли способность двигаться. Она улыбнулась и повела его сама.

Он пытался «дружить», но не умел стать ей интересным. Он оставался застенчивым, неуверенным, смертельно влюбленным и потому покорным мальчиком. В нем не было изюминки, не было мужской резкой сумасшедшинки – так она сказала.

Надежность, стойкость его чувства льстила ей и одновременно тяготила. Его придерживали при себе как ненужную сейчас, но в общем хорошую вещь, которую жалко выкидывать – при случае может пригодиться. Разве не числом поклонником и силой их страсти измеряет девушка свою значимость?..

В цветном мигании лампочек, в тягучем течении блюза, среди друзей, она сама разрешила ему поцеловать ее. Он прижался губами к теплой гладкой щеке, на секунду почти потеряв сознание.

Но больше ему «ничего не позволялось».

Ты хороший, я не виновата, что ничего такого к тебе не чувствую, – таков был подведенный ею итог их откровенного разговора.

На выпускном вечере он сделал ей предложение. Она засмеялась, взгрустнула, сказала, что они еще дети и им рано об этом думать. Мужчина должен сначала чего-то добиться в жизни. А ему еще только через год идти в армию, и кто знает, не забудет ли он ее за это время.

В ослеплении веря наивному кокетству, он клялся любить ее вечно!

Ах, отвечала она, если б ты был немного другой. Какой? Откуда я знаю...

«Бедное сердце, осаждаемое со всех сторон», – сказал друг – бывший друг. Он влюбился в нее сам в конце концов. Ларик простил предательство: можно ли не любить ее...

Она поехала поступать в Ленинград, в театральный. Он поехал с ней вместе, выбрал конкурс поменьше, верняк, и подал в инженерно-строительный. Когда она отсеялась после первого тура, он забрал документы. Проживая остатки выданных родителями денег, они бродили по Ленинграду. Она была подавлена, разуверена в себе, благодарна ему за верность... Теплая ночь, темная листва, разведенный мост над Невой: глядя в сторону, она тихо проговорила – иногда ей кажется, что она немножко любит его.

Общность судьбы вдруг сблизила их – словно подхватила одна волна. Они ощутили родство – вдвоем в огромном, чужом, прекрасном и недоступном городе.

Лучше тех дней в его жизни не было.

Они вернулись домой, встречались сначала каждый день, но потом она начала отдаляться: все чаще бывала занята, задерживалась на работе, занималась в самодеятельности. Однажды он увидел ее на улице с высоким красивым парнем.

Теперь он ждал одного – призыва в армию. Там начнется другая жизнь, и сам он станет другим. Он мечтал попасть служить подальше, туда, где опасно, откуда можно вернуться в боевых орденах, или не вернуться вообще, погибнув смертью героя.

За пять дней до отправки она позвонила ему сама. Она раскаивалась, тихая, печальная, ласковая, она обещала ждать его.

Он все понимал. Тот ее бросил. Ей опять не повезло. Ларик был счастлив. Если б с ней случилось несчастье, она стала некрасивой, инвалидом, не нужная никому, – он бы носил ее на руках, сдувал пылинки, лелеял...

На перроне, в толпе народа, стриженного, с рюкзачком, она целовала его. В вагоне команда ему завидовала.

Год она писала ему. Он показывал корешам фотографию. А потом бросила. Написала, что все кончено: она выходит замуж.

Ее родители обменяли квартиру на Ленинград. Она стала студенткой Института культуры: другое окружение, другая жизнь, другое будущее.

Демобилизовавшись, он месяц жил дома... Собрал вещи и двинул в Ленинград. Пошел на стройку, прописался по лимиту в общежитии. И явился к ней.

Она была не замужем.

Его встретили как марсианина. Ему не оказалось места в ее новой жизни. Она стеснялась его.

А он не мог без нее жить. Он просыпался утром, вспоминал: она! – и накатывала черная тоска.

Единственным прибежищем была работа. Работал он с яростью. За работой забывался. Бригадир хлопал по плечу. Ребята постарше посмеивались.

Он пригласил ее в театр. «И никогда больше меня никуда не зови... Я не пойду».

У нее есть... один. Аспирант. С машиной. С деньгами. Нравится ее родителям. Ларик видел его. Против него не потянуть...

Все свободное время он тупо валялся на койке. Ребята пробовали знакомить его с девушками. Его равнодушие сначала задевало их, вызывало желание задеть, понравиться; кончалось пренебрежительным разочарованием. Они были ненужными, чужими.

Он продолжал ходить к ней, ждал у входа после занятий. Ее подруга сказала ему в сторонке, сочувственно, по-свойски: «Да брось ты Вальку, она же стерва». Благодарный за участие, он, однако, возненавидел подругу.

Навязчиво он искал встреч – как побитый щенок, приползал на брюхе, виляя хвостом (по ее выражению). Иногда удавалось, преодолевая себя, казаться веселым и легким, циничным и беззаботным; зная истину и тяготясь, Валя терпела его несколько часов. Как-то отправилась с ним в Эрмитаж на модную выставку. Но выдержка ему изменяла, он опять срывался на мольбы, укоры, напоминания, клятвы: в такие минуты она его ненавидела. Себя тоже, видимо, ненавидела, чувствуя за ним какую-то моральную правоту, и оттого ненавидела его еще больше.

4. Скулящему не сочувствуют.

Влюбленный может говорить о предмете своей любви бесконечно. Усвоив суть и наскучив подробностями, в двенадцатом часу Звягин подавил зевок. Извинившись, вышел в туалет и с шумом спустил воду. Подобные действия неукоснительно меняют тональность беседы. Выговорившийся Ларик примолк, отрезвел, успокоился.

– И чего ты дергаешься, собственно говоря? – подытожил Звягин.

– Как это?..

– Так. Что, собственно, страшного произошло? Она вышла замуж?

– Нет... пока.

– Но у нее есть ребенок?

– Что?! Нет, откуда...

– Может быть, она смертельно больна?

– Вы о чем...

– Тоже нет? Ну тогда, возможно, она совершила преступление, и твой гражданский долг – посадить ее за решетку?

– Не надо издевок, – тихо попросил Ларик.

– А может, ты инвалид? Отвечать!

– Нет...

– Урод?

– Не блещу, как видите...

– Мужеством ты не блещешь. А, ты слабоумный? Или тебе завтра уходить на фронт? А-а – тебе приходится содержать большую семью, отнимает все силы и время. Угадал?

– Перестаньте.

– Тоже нет? – удивился Звягин. – Тогда я не понимаю – чего ты убиваешься? Какие трудности? В чем препятствия?

– Не нужен я ей...

– Стань нужен!

– Как?

– Как угодно!

– Она не любит меня, – качнул головой Ларик безнадежно, горько.

– Всего делов? Хм! Значит, надо сделать так, чтоб полюбила, – невозмутимо заключил Звягин.

Сухо, рассыпчато скрипнул под ногами снег. Стукнула дверь, звякнул ключ. Метнулась во тьме поземка и пропала. Черный прозрачный воздух обжег ноздри. Пар от дыхания индевел мохнато на шарфе.

– Что вы говорите?

– Пою. «Турецкий марш».

– Почему?

– А что же мне петь, лазаря? Боевой гимн индейцев чероки? – Звягин сплюнул: плевок затрещал на лету, стукнулся об тротуар и подпрыгнул ледышкой. – Минус сорок, – удовлетворенно констатировал Звягин. – Верная примета, так мы на Севере проверяли.

5. Что такое камелек?

Жена, разумеется, не спала. На кухне горели все газовые конфорки – отапливалась.

– Чудовищный мороз, – сообщила она, кутаясь в шерстяной платок. – Завтра у пятиклассников опять занятий не будет. Сидим в учительской и рассказываем друг другу, у кого сколько градусов дома. Где ты застрял, я волновалась? Есть будешь?

– Мне нравятся эти ленинградцы, изображающие Клондайк, – ответил Звягин.

Спустившись во двор, принес несколько деревянных ящиков из штабеля у заднего входа магазина. Разломал на кухне и растопил в спальне старинную высокую печь – настоящую кафельную голландку.

– Хорошо, что сохранили при ремонте, – оценил он. – Вот и пригодилась.

Пламя загудело в топке. Звягин оставил открытой латунную дверцу, потер руки перед огнем.

– Давненько не сиживали мы у камелька, – сказал он. – Кстати, что такое камелек?

В дверях возникла дочка, завернувшаяся в одеяло, как озябшее привидение.

– А я? – жалобно спросила она. – У меня тоже холодно.

– В Англии спальни вообще не отапливаются, – сказал Звягин.

– Вот Англия и перестала быть владычицей мира, – сказала жена.

– Поэтому у англичанок лошадиные лица, – объяснила дочка.

Желто-алые блики легли на обои, выкружились на люстре и спинке кровати. В полумраке высветилась теплая пещерка у огня, доски потрескивали и стреляли, выбрасывая трассирующие багровые искры, притухающие на лету и с тихим шорохом падающие на латунный лист перед печкой.

Жена проявила неслыханную заботу: вкатила фуршетный столик с тарелкой дымящегося рагу, бутербродами и чайником.

– А молоко? – сварливо спросил Звягин, набивая рот.

Сытый человек миролюбив – его можно брать голыми руками. В воздухе повисел и упал сакраментальный вопрос:

– Где ты был?

– Я стал рабовладельцем, – скромно сказал Звягин. И, наслаждаясь эффектом, предъявил умопомрачительную расписку.

Жена потеряла дар речи. Дочка в восторге захохотала. Потребовали объяснений. Ахнули, вздохнули, усомнились; задумались.

– Где ты его подобрал?..

– В метро.

– Ты всегда найдешь теплое местечко для своих подвигов, даже в мороз. У нас не семья, а благотворительное общество «Звягин и компания»!

– А зачем этот средневековый спектакль с мефистофельской распиской и золотой рыбкой?

– Внушение. Психотерапия. Влюбленные юноши необыкновенно впечатлительны и склонны к романтике. А такие вещи, знаешь, воздействуют на нервную систему – укрепляют надежду и веру. Полезно.

– И что будет дальше?

– Понятия не имею, – беззаботно зевнул Звягин. – Утро вечера мудреней. Есть доброе правило: важное дело спешным не бывает – если что-то стряслось, не руби сгоряча, выжди три дня, успокойся, подумай, и начинай действовать на четвертый.

За неимением в современной квартире кочерги он пошевелил угли совком и потянулся.

6. Так что же такое любовь, в конце концов?

Назавтра жена была встречена в прихожей вопросом:

– Что такое любовь?

Замедлившись в движениях, молча она повесила пальто, сняла сапоги, прошла в кухню и, глядя в замерзшее окно, проговорила:

– Видимо, любовь – это когда после двадцати лет семейной жизни ты являешься домой за полночь с лицом романтического героя.

И, поскольку ответной реплики не последовало, выдернула в комнате из стеллажа и швырнула на диван книгу Рюрикова «Три влечения».

Звягин кротко полистал страницы и рассердился:

– Почему вместо ответа на любой вопрос ты норовишь сунуть мне книгу для внеклассного чтения, будто я твой школьник, еще не созревший для беседы с учителем?

Ничто так не льстит мужчине, как обвинение в донжуанстве. Но только не тогда, когда оно регулярно исходит от законной супруги – тут нужны крепкие нервы и неиссякаемое добродушие. Обладая тем и другим, Звягин достиг примирения за каких-то два часа, прибегнув ко всем доступным способам. Сменив гнев на милость и размякнув, жена молвила задумчиво:

– Есть три вещи в мире – непостижимые для мудрецов: путь орла в небе, змеи на камне, и путь мужчины к сердцу женщины.

Профессиональная страсть учителей к цитатам неистребима.

– Любовь – это случайность в жизни, но ее достаиваются лишь высокие души, – декламировала жена, лежа на руке Звягина. – Стендаль.

– Стендаль был великим теоретиком, я слышал. Но он ошибался.

– Ты наглец и невежда.

– Помнишь, ты меня заставляла читать «Педагогическую поэму» Макаренко? Там один паренек, Чобот, тупой такой и неразвитый, влюбляется в самую передовую и красивую девочку... Наташу. Идти за него замуж она отказалась – ей рано, надо учиться, и вообще она его не любит. Он взял-таки и повесился. Наверное, любил, раз не смог без нее жить.

– Глупо и гадко! – взвилась жена. – Упрямство, эгоизм! И правильно его все осудили! Не может темный человек любить по-настоящему. Только с развитием духовной культуры человечества инстинкт продолжения рода превращается в ту любовь, о которой пели провансальские трубадуры!..

– Трубадуры тебе еще и не то спокот, – пробурчал Звягин, – за умеренную мзду. По-твоему любовь – умение красиво говорить о своем чувстве и совершать всякие изящные и бла-

городные поступки? Я понимаю: стали писать стихи о любви, посвящать рыцарские подвиги прекрасной даме, выработали манеры – пропускать женщин вперед, уступать им место, снимать шляпы и кланяться. Но разве манеры – проявление любви?

– Твой цинизм неуместен! Любовь выражается в поступках, это естественно: манеры – выражение уважительного отношения к женщине.

– А как тогда отличить любовь от притворства? Ведь любой может обучиться манерам, а если силен – насOVERшать подвигов.

– Женщина всегда отличит любящего от нелюбящего.

– Уй-й!.. То-то столько обмануных соблазнительями. Лгать можно и словами, и поступками, – увлекшаяся женщина любую мелочь трактует в свою пользу. Ответ лучше, если ты такая умная: как обстоит у водоплавающих птиц насчет одухотворенности и культуры? Почему лебедь, теряя подругу, поднимается ввысь и камнем падает на землю, разбивается? Ведь с точки зрения целесообразности и продолжения рода он может найти себе другую пару?

В затруднении жена посмотрела на часы, высунула руку из-под одеяла, потрогала еле теплую батарею.

– Любовь – это когда любимый человек становится дороже всего на свете.

– Дороже истины? Долга? Чести? Родины? Значит, любящий человек способен на любую подлость и преступление во имя любви?

– Ты вечно передегериваешь, – недовольно сказала она.

– Значит, не дороже всего?

– Дороже жизни...

– Хм... Если надо пожертвовать своей жизнью ради того, чтоб жил любимый человек, – тут, наверное, любой любящий не задумается. Но почему человек ради своей любви жертвовать при надобности жизнью готов – а пожертвовать, скажем, карьерой – часто не готов? Хотя карьеру дороже жизни не ценит.

– Ну-у!

– Э? Женятся на высокопоставленных дочках, расставаясь с любимыми. Не разводятся с постылыми женами, чтоб не подпортить карьеру и высокое назначение. Расстаются с любимыми, отправляясь в дальние края, куда те ехать не согласны. В чем дело? Ведь любят, потом всю жизнь вспоминают, жалеют, плачут, не могут найти счастья.

– Не очень любят.

– Ничего себе не очень: через двадцать лет увидит – и бледнеет! Всю жизнь снится. Нет, ты скажи: очень-очень нравится – и любит: есть разница?

– Конечно, есть.

– Какая? Ведь внешне все одинаково: те же действия, слова, ласки, подарки. Возьмем любовный треугольник: муж, жена, третий. Естественный вопрос ему: любишь ты ее или нет? И если да – это для всех его как-то оправдывает, даже внушает сочувствие, уважение.

– Это ты к чему? – с тенью настороженности спросила жена.

– К тому, что на мой взгляд все это очень просто.

– В каком смысле?!

– Любовь – это когда чувство достигает такой силы, что то и дело переходит границу и может превратиться в свою противоположность – в ненависть. Когда счастье граничит с горем, наслаждение – с болью, и одно способно мгновенно смениться на другое.

– Школьный диспут... Любовь – это желание счастья любимому.

– А сколько в истории случаев, когда любимых убивали? При чем только любимых! Возненавидеть можно только того, кого любил, а если просто очень нравился – э, что ж делать, печально, да как-нибудь станем жить дальше. Вот если нет сил перенести муку, и на собственную искалеченную жизнь уже наплевать, и то самое чувство, которое толкало жертвовать всем

ради любви, теперь дальше толкает на самый страшный шаг – вот это не подделка, не имитация, а любовь.

– Вариант Кармен?

– Кармен, Кармен.

– Мой муж феодал и дикарь, – меланхолично констатировала жена.

– И дикари лупили друг друга палицами по головам, оспаривая первую красавицу племени. Чувства всегда были у любых людей. И даже у животных. Посади собаку в клетку, дай ей подходящую пару – а потом разлучи. И собака может подохнуть от тоски. А вот если она дикая, в лесу, пропитание добывать надо, от врагов спастись – тогда не подохнет, переживет. Дело не в тонкости и культуре чувств, а в их силе. А для их силы надо, чтоб не все они расходовались на выживание. Подруга любви – праздность, как некогда говаривали. Любовь появилась тогда, по-моему, когда у человека высвободился некоторый излишек энергии, принимающий форму необязательных чувств и необязательных поступков. В народе всегда знали, что лучшее средство от несчастной любви – тяжелая работа: утомленный человек не так остро чувствует боль, легче забывается. От любви и угасали тургеневские барышни – а их крепостным чахнуть было некогда: пахать надо.

– Но большинство людей как-то переживает несчастную любовь без всяких кровопролитий!..

– Большинство людей слабо, – с безапелляционностью супермена вынес приговор Звягин. – Большинство людей должны заботиться о своих близких. Большинство людей расходует массу сил на обыденные трудности жизни. Большинство людей законопослушны, трусливы и тщеславны. Большинство людей в душе уважает свои страдания и даже испытывает от них удовольствие: несчастная любовь удовлетворяет их потребности в сильных ощущениях.

– Ты, доктор, что это ты сегодня так поносишь несчастных людей? По-твоему выходит, вообще нет разницы между влюбленным человеком и влюбленным животным.

– Принципиальной – нет, – был хладнокровный ответ. – Так же как нет принципиальной разницы между функционированием организма человека и кошки. Просто цивилизация дала рост производительности труда, высвободила силы для любви и окультурила ее, создала ее внешние формы. Тупой человек тупо домогается любимой женщины, а развитый умеет облечь все в красивые и разнообразные формы, прельстить речами, одеждами, манерами и поступками.

– Насчет ненависти ты, видимо, прав, – признала жена. – Иногда меня ужасно подмывает треснуть тебя кастрюлей по самоуверенной голове.

– Ну вот видишь.

Она зажгла свет, причесалась у столика, подперла щеку ладонью; спросила, глядя в зеркало:

– Леня, ты меня еще любишь?..

– Тьфу на тебя, – сказал Звягин. – Какой подвиг я должен посвятить тебе, чтоб ты успокоилась?

7. Чем крепче нервы, тем ближе цель.

Вечером третьего дня он принимал Ларика в знакомой фотолаборатории. Назначенный срок ничегонеделанья тот перенес с трудом, вспышка безумной надежды сменилась тоскливой апатией; он глотал чай, словно цикуту. Звягин, напротив, имел вид довольный и уверенный.

– Начинаем предварительные действия, – объявил Звягин. – На данном этапе главная трудность заключается в том, что ты ей донельзя надоел. Итак, надо все стереть и начать с чистого листа: по нулям. Последнее впечатление о тебе в ее памяти должно быть выигрышным.

Ты держался мямлей – значит, будь абсолютно тверд. Ты соглашался на все – значит, не мирись ни на чем. Ты должен достойно уйти.

Горечь на лице Ларика усугубилась до чего-то среднего между рыданием Пьеро и дозой хинина.

– Терять тебе нечего. Хуже уже не будет. Представь себе, что вы уже расстались навсегда, что она тебе совершенно чужая, что все равно ничего не светит, что ты умер, наконец! Хуже не будет – с самого низа все пути ведут вверх! И держи себя в кулаке – хоть тресни.

Он достал блокнот, раскрыл ручку:

– Соображаешь ты плохо. Давай-ка порепетируем: что может сказать тебе она и этот ее, как?.. Игорь, и что ты должен им ответить.

Вопросы-ответы перетекли на второй десяток страниц, когда вспотевший и втянувшийся в желанную игру Ларик споткнулся:

– А как я узнаю, что он у нее?

– Это твои проблемы! Карауль за углом, найми пацана из ее подъезда, попроси на улице девушку позвонить ему домой, следуй за ним после работы...

– А если скажут что-то неожиданное?

– Улыбайся многозначительно и меняй тему: гни свое.

– А если забуду?

– Вызубри, как домашнее задание! И помни: в боксе главное – хладнокровие, – тяжелой дланью хлопнул его по спине.

– Чем крепче нервы, тем ближе цель. Держи сценарий.

8. Как слегка попортить личную жизнь.

Исполняя полученный приказ, в пятницу Ларик исправно стоял перед заветной дверью на Гражданке. Он съел две таблетки седуксена, сделал вдох-выдох, постарался расслабиться, вспоминая напутствие: «Я спокоен. Мне на все наплевать. Ха-ха. Сейчас я вам немножко попорчу вечеров, голубки. Не ждали? Сейчас я вам объясню, кто такая мать Кузьмы». Давя звонок, представил себе, как выглядит упомянутая мать Кузьмы, кузькина, то есть, мать, и как он им ее покажет, и невольно улыбнулся нервной улыбкой, когда дверь отворила мать Вали.

– У Вали гости...

«Ах, кто бы мог подумать!..» Знакомая (оскорбительно чужая здесь) дубленка висела на вешалке под оленьими рогами.

Валя вышла в прихожую с досадой и неловкостью.

– Извини, я не одна. Я же просила тебя больше не приходиться.

– Ничего, один раз можно, – напористо подавал он заготовленные фразы, как снаряды из погребов. – Я разденусь, ты не возражаешь?

И раньше, чем она успела ответить, скинул куртку.

– Говори, что ты хотел, и уходи, – зло велела Валя.

– Ты не пригласишь старого друга в комнату?

– Я сейчас не могу, – повторила она, но Ларик уже ловко обогнул ее и двинулся в квартиру, не заботясь оставляемыми на паркете следами сапожек.

– Добрый вечер, – слегка поклонился он родителям, сидевшим перед телевизором. – Извините за непрошенный визит.

– Какие цветы! – сочувственно отозвался отец; как все отцы, он понимал неудачливого претендента на сердце своей дочери.

Ларик вспомнил, что в руке у него снопок белых роз, и прижал локоть к боку, чтобы рука не дрожала.

– Где ты отыскал такую прелесть, – кисло отреагировала мать.

– Конфисковал у спекулянта, – небрежно сказал Ларик и быстро проследовал в Валину комнату. Чуть растерявшейся от этого натиска, ей ничего не оставалось, как идти за ним.

В комнате, разумеется, тихо звучал магнитофон, на низком столике под неярким настенным светильником – нарезанный торт, кофе, лимон, а на диване сидел приветливый и снисходительный Игорь. Все было плохо... но все было правильно, естественно, ожидаемо, в точности так, как и предусматривалось, Ларик был к этому готов. И оттого, что события развивались по твердо намеченному плану, он вдруг почувствовал себя свободно – хозяином положения. Инициатива оказалась в его руках: он знал, что будет дальше, а они не знали, он вел партию, а они вынуждены были на ходу отыскивать защиту.

– Хлеб да соль, – приветствовал Ларик и включил верхний свет, разом разрушив интим. – Валь, где ваза?

– У тебя что-то срочное? – нетерпеливо спросила она.

– А, вот она. – Снял с полки хрустальную вазу, сунул в нее букет и протянул Игорю: – Вы не были б так любезны налить воды?

Тот машинально взял вазу, помешкал, не успевая найти достойную линию поведения; мягко согласился:

– Пожалуйста...

– Я сама налью, – раздраженно выручила его Валя и вышла с проклятой вазой, усугубившей напряженность.

– Какая неожиданная встреча, – сказал Ларик, чувствуя, что он выигрывает по очкам, и понемногу раскрепощаясь. И протянул Игорю руку. Тот пожал ее с доброжелательным превосходством.

– Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, Аи, – с улыбкой сказал он (переводя разговор на удобный ему уровень: поэзия, эрудиция, ирония, полунамеки...).

Ларик посмотрел на него с сожалением, как на больного, отрепетированным перед зеркалом взглядом.

– Морозище зверский, – сказал он.

– Давно такой зимы не было, – поддержал Игорь.

– Готовимся жениться? – спросил Ларик. (Нет, он недаром готовился: голос был не спертый, не сдавленный – нормальный!)

Он достиг цели – сбил противнику дыхание: Игорь никак не мог попасть в ритм этого неожиданного разговора.

– Ну, – он прикрылся неопределенной улыбкой, – это не только от меня зависит...

– Не скромничай, Игоряша, – Ларик хлопнул его по колену. – В данном случае это зависит только от тебя. Или она тебе не нравится?

У Игоря заело речевой аппарат: ответить хамски означало признать свое поражение в словесном поединке, ответить вежливо – признать унижительную зависимость от наглеца, а находчивый ответ не придумывался. К его облегчению, вернулась Валя.

– Я сел, ничего? – спросил у нее Ларик.

– Если сел, так чего теперь спрашивать?

Установиться молчанию Ларик не давал.

– Торт вкусный? – просто спросил он Игоря.

– Ничего...

– Ты принес? Ну, наверное, выбрал получше. Валь, не смотри на меня зверем, ладно? Я только съем кусок торта, если меня угостят, и ни секунды больше не стану вам портить личную жизнь. Да не ходи за лишним блюдцем! – Он положил лопоту на тарелку Игоря, подвинул к себе, откусил.

– Цветы с Кузнечного рынка? – улыбчиво попробовал Игорь забрать инициативу.

– Мы любим жесты, – подыграла ему Валя.

– Кто что любит, – сказал Ларик с набитым ртом. – Чужая душа потемки. Как там наука насчет души говорит?

– Мы технари... – усмехнулся Игорь.

– По принципу: если нельзя делать науку, то надо делать хоть диссертацию? И правильно. Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан.

– Каждому свое. Не всем же строить дворцы.

– Верно. Некоторым приходится там и жить. В диссертации, наверное, бетонная коробка выглядит лучше, чем на стройплощадке. Я неумно шучу сегодня; извини.

Валя демонстративно взглянула на часы и встала.

– Не уходите, он сам уйдет, – сказал Ларик и аккуратно вытер пальцы салфеткой. – Игорь, прошу как мужчина мужчину: выйди на минутку, нам надо поговорить. Не переживай, потом я уйду насовсем, и твое счастье будет полным. Будете ворковать без помех целую жизнь.

В некотором понятном унижении Игорь посмотрел на Валу и поднялся. Когда в такой ситуации просят выйти, срабатывает рефлекс мужского достоинства – отказаться как-то неудобно, невозможно...

– Шустрые у тебя одноклассники, – нашелся он сказать с порога. (Нервничающий человек не способен к остроумию. Вечером, вспоминая эту встречу, Игорь нашел массу достойных ответов.)

– Когда будет нужно, вас позовут, – успокоил Ларик, закрывая за ним дверь.

Он погасил верхний свет и сел.

– Потрудись объяснить свое шутовство, – сказала Валя, выключив музыку.

Ларик сказал спокойно, тепло:

– Ладно тебе... Просто я хотел попрощаться.

– Ах. В очередной раз. Ты уезжаешь или решил умереть?

– Нет, я не уезжаю и не решил умереть.

– Ты ведь грозился!

– Зачем отягощать твою совесть таким событием. Ведь ты не была бы мне за это благодарна, правда? Хоть память о себе оставить приличную.

– Боюсь, что уже не получится.

– А Игорь твой слабак. Я бы на его месте выставил меня вон.

– Вот потому ты не на его месте.

– Да не хочу я ругаться, – сказал Ларик. – Просто вдруг во мне что-то кончилось. Напрочь исчезло, понимаешь? Ну и захотелось сказать тебе на прощание что-нибудь хорошее...

– Так говори и иди.

– Раздумал. Пусть все хорошее он тебе скажет. Мне было здорово с тобой. Счастливо.

Он распахнул дверь:

– Входите, коллега, мы уже кончили.

Игорь приятно беседовал с родителями.

– Я тебя провожу, – с намеком сказал он, жажда реванша.

Ларик укоризненно вздохнул:

– Пожалуйста. Только не сейчас – имей уважение к хозяевам. Я пришел сюда не затем, чтобы бить гостей дома. Как меня найти – Валя знает.

Он сделал общий поклон, улыбнулся Вале ободряюще:

– Не сердись. Все будет хорошо, – и удалился.

И еще целый час, добираясь до общежития, он находился в роли: чувствовал себя свободным, сильным, великодушным, преодолевшим свою любовь и муку, оживленно-злым. Ночью уткнулся в подушку, привычные думы и воспоминания нахлынули, размыли волю, он вновь ощутил свою слабость, зависимость, отчаяние, и уже удивился тому, как сумел держаться, и

даже не понимал своего недавнего состояния, словно разговор тот вел совсем другой, чужой человек.

После его ухода интонация вечера сломалась. Музыка, полумрак, тихие речи, впечатление сгладилось... Но осталась некая крохотная неловкость, мельчайшее неудобство, душевный дискомфорт. Неприятная царапинка осталась в памяти, мешающая прежней непринужденности.

9. Информация – безусловно основа интуиции.

Звягин воспринял доклад Ларика удовлетворенно: «Первый раунд ты выиграл. Следующее: выясни толком, что за человек твой соперник». Армейская закваска сидела в нем прочно: сбор информации, ее анализ и оценка, составление плана действий – и неукоснительное его выполнение; излюбленная метода, иной не признавалось.

– Жаль, что ты не женщина.

– Почему?!

– Женщины обладают удивительным даром узнавать о людях такую подноготную, которую те сами подчас не подозревали.

В Ларике боролись презрение к сплетням и ревность.

– А как?

– Твои проблемы. Сведи знакомство со старушками из его соседей. Найди его одноклассников или однокашников по институту, а еще лучше – однокашниц. Поболтай о нем как бы между прочим с лаборантками и вахтершами в его НИИ. Послушай, что говорят о его родителях – где о родителях, там и о детях. Заготовь себе истории: устраиваешься на работу, или он не отдает тебе долг, или ты беспокоящийся брат его девушки, или он хотел купить у тебя магнитофон, или ты приезжий, познакомился с ним в отпуске и теперь думаешь, можно ли у него остановиться... Сообразишь! И не лезь с назойливыми расспросами – хвали его как бы с сомнением, и тебе все выложат сами: люди обожают позлословить за спиной, особенно о тех, кто на вид удачлив.

Ларик исчез на неделю. Звягин, уподобляясь Наполеону, возведшему в принцип личную проверку всех деталей, отправился в Институт культуры – взглянуть на его избранницу.

Прогремел звонок, хлопнули двери аудиторий, девушки заполнили коридор: он угадал Валю почти сразу. (Хотя описание Ларика напоминало скорее знаменитое: «Ростом она была эдак примерно с ангела».) Светлое скуластое личико, серые ясные глаза с раскосинкой, невысокая фигурка – ужасно складная девочка (тот тихий омут, в котором черти водятся. Самостоятельный Звягин полагал себя крупным физиономистом. Хотя практика подтверждала, что ошибался он и вправду редко).

Игорь, встреченный им в вестибюле своего НИИ, ему, однако, тоже понравился. На вид крепкий, не мелкий, походка уверенная, взгляд прямой и веселый – симпатичный такой смугловатый парень. Возвращаясь домой, Звягин копался в себе, пытаясь определить причину своей к нему неприязни: неужели просто успел влезть в шкуру бедолаги Ларика? Хм – отчасти он уже чувствовал себя Лариком, уже прикидывал на зуб ближайшее будущее, как актер прикидывает новую роль, чувствуя, как маска срастается с кожей.

10. Что думает медицина о несчастных влюбленных.

На «скорой» его новая затея обсуждалась оживленно.

– Нет, – неодобрительно сказал Джахадзе, – ты не прав. Есть хороший человек, она хочет за него замуж...

– Ты лучше скажи, откуда у аспиранта машина? – рывкнул Звягин. – Он только жить начал, какая у него стипендия?

– Папа купил, – здраво ответил Джахадзе.

– А станет приличный человек ездить на машине, купленной папой? Молодости стыдно быть преуспевающей! Диссертация по микроклимату микрорайонов – чушь свиньячья!.. Папенькин бездельник.

Вошел фельдшер и мрачно стал прислушиваться к разговору.

– Опять несчастенького себе нашли, Леонид Борисович, – брюзгливо произнес он.

– А ты что здесь делаешь?

– Жду.

– Чего?

– Пока вода на кухне закипит. У меня кипяток кончился. Машина-то вся в крови, замерзла – не отдерешь. – Он повертел перед собой иззябшие сизые руки.

– Так что ты предлагаешь – подождать, пока мы с тобой поедем за этим несчастеньким на «из-под поезда?» – спросил Звягин. – Давно не было? Понравилось машину отмывать, Гриша?

Гриша пробурчал нечленораздельно и включил телевизор.

– Настоящий мужчина всегда держит себя с женщиной на высоте, – сказал Джахадзе.

– А если не держится?

– Тогда это не мужчина.

– А если жить без нее не может?

– Тогда это не мужчина, – повторил Джахадзе упорно.

– А если другой нравится ей больше?

– Докажи ей, что ты лучше него.

– А если не умеет?

– Тогда это не мужчина.

Злой и невыспавшийся Гриша высказался в том духе, что лоботрясы они все, а вот помыл бы он на тридцатиградусном морозе «скорую» от крови, глядишь, и мозги встали бы на место.

Вообще к несчастным влюбленным на «скорой» относятся скептически. То есть не то чтобы медики не верили в любовь, отнюдь. Просто они по роду службы больше прочих граждан сталкиваются с прозаическими, так сказать, последствиями страстей, когда последствия принимают оборот, требующий медицинского вмешательства. И жертвы, хлебнувшие искусной эссенции, или полоснувшие себе вены, или учинившие над собой какое иное непотребное действие, вызывают у бригады справедливое возмущение: работы и так хватает! А выезд специализированной машины влетает в сотню-полторы рублей, и в это самое время может ждать погибающий больной.

– Помните, я летом с Заможенко выезжал на падение с высоты? – Гриша высморкался. – Ах, семнадцать лет, первая любовь, он ее обманул, и бедная Лиза раскрывает окно своего пятого этажа, замуривает глаза и с именем коварного на устах шагает вниз. Хоть бы она раньше посмотрела в этот самый низ! Ковыляла себе бабуля в булочную – и ахнуть не успела: перелом шейных позвонков, разрыв спинного мозга, привет. Сходили за хлебцем... И то сказать: полцентнера рухнет с пятого этажа тебе на голову! А девице – хоть бы хны: сломала ключицу, через десять дней ушла домой на собственных ногах. И к суду ведь не привлекли!

История была давняя, обсосанная; комментарии не последовало. Гриша сквозь заледенелое окно послал проклятие недомытой машине и потопал на кухню. Звягин молвил задумчиво:

– Не каждой женщины можно добиться...

– И нэ надо! – поднял волосатый палец Джахадзе.

– ...но зато каждая женщина может добиться мужчины, если он не против. Фокус заключается в таком повороте дела, чтобы добивалась она. Мышеловка за мышью не бегают.

Трансляция захрипела ужасно и прокашляла:

– Десять тридцать два, рука в конвейере.

– Простудилась Валечка, – посочувствовал Звягин, неторопливо вставая и потягиваясь. В коридоре столкнулся с Гришей – громыхнул пустой чайник.

– Только отмыл, – в отчаянии воззвал он. – И сейчас опять! Когда морозы кончатся!..

Кренясь на вираже в успевшем промерзнуть салоне, мечтая о тепле и отдыхе, пожелал:

– Пусть хоть на свадьбу потом позовет. А то как пахать – извольте, а как все хорошо – не вспомнит.

– Есть старый анекдот, – сказал Звягин. – Родился мальчик, здоровый, нормальный, пора начать говорить – а он молчит. По врачам таскают, к светилам пробиваются, – молчит. Пять лет, шесть. И вдруг однажды после обеда произносит: «Бифштекс сегодня был горелый». Родители в ажиотаже: «Ах, ох, что такое, чудо! почему же ты раньше молчал?» – «А раньше все было в порядке».

– Ха-ха-ха, – сказал Гриша. – Ну и что?

– А то, что когда все в порядке, врачи никому не нужны. Мы вступаем в действие, когда что-то неладно. – Закинул ногу на ногу, крутнулся в креслице: они с сиреной проскакивали перекресток на красный свет. Заключил: – И просто – не нравится мне несчастная любовь.

– И почему бы это?

– А мне вообще все несчастное не нравится.

11. Как устранить соперника?

...Привыкнув решать задачи поэтапно, он сосредоточился на первой: вывести из игры нежеланного конкурента. Хм, стариннейший вопрос влюбленных... В средневековой Италии, скажем, попросту нанимали убийц. Не подходит. Во времена инквизиции хватало анонимного доноса – и неугодный исчезал. В д'артаньяновской Франции вызывали на дуэль и закалывали, чем упрочивали собственную славу. Тоже не то. Имелись способы простецкие: набить морду, отвадить угрозами, – иногда действительно, и даже справедливо отчасти, мужчине подобает сила и храбрость; женское сердце поощряет победителя. Но не всем дано выступать героями, и не всегда это помогает... Надо, чтоб она перестала обращать на него внимание, разочаровалась, чтоб он ей надоел. Итогом размышлений в конце концов явилась забавная страница в блокноте:

«Как устранить соперника.»

1. *Быть сильнее духом, чем он. Выдержаннее. Храбрее.*

2. *Узнать о нем все, понять его до конца.*

3. *Если можно – подружись с ним: другу легче вырыть яму, чем врагу.*

4. *Копни его прошлое.*

5. *Найди его союзников. Учти своих друзей.*

6. *Найди ему врагов. Сыграй на чьей-то зависти или интересе.*

7. *Выясни его слабые места. Научись использовать их. Борись с ним в том, в чем он слаб.*

8. *Выясни его отрицательные стороны. Прояви их.*

9. *Выясни его сильные места. Избегай столкновений в том, в чем он силен.*

10. *Заставь его нервничать – это ведет к ошибкам.*

11. *Заставь его совершать поступки, рисующие его с неприглядной стороны и роняющие в ее глазах.*

12. *Хвали ей то в нем, что ей наверняка не понравится.*

13. *Чрезмерно перехваливай ей то в нем, что ей нравится – это вселяет сомнение, недоверие.*

14. Не выказывай неприязни к нему – ты должен выглядеть доброжелательным и объективным: тогда тебе поверят.

15. Каждую его черту оберни неприглядной: самолюбие – тщеславием и высокомерием, энергичность – карьеризмом и неразборчивостью в средствах, вежливость – подхалимажем и лакейством, юмор – цинизмом и пошлостью, неторопливость – тупостью, чувствительность – слабостью и слюнтяйством, храбрость – жлобством, осмотрительность – трусостью, щедрость – низменными купеческими замашками, неторопливость – тупостью и т. п.

16. Любой его поступок объясняй низменностью мотивов и цели, но всегда не впрямую, а как бы хваля, одобряя, сомневаясь.

17. Внушить им недоверие друг к другу.

18. Скомпрометировать их в глазах друг друга.

19. Создать каждому неверное впечатление о другом, чтобы слова и поступки одного вызывали у другого не желаемый ответ, а непонимание, досаду, разочарование. В конце концов они должны стать антиидеалом друг для друга.

20. Если позволяет время – старайся завести их отношения в тупик, дать им исчерпаться, выдохнуться.

21. Выстави его немужественным: за трусость женщина может принять растерянность, равнодушие, расчет.

22. Извлекай пользу из любого случая. Организуй случаи сам».

12. Я вас насквозь вижу!

– Это только кажется иногда, что до человека никому нет дела. Кого-то ты обидел, не заметив; кому-то помог в трудный час, и он помнит; почти всегда найдется тот, кто не прочь занять твое место в жизни – берегись его; а кто-то сделал тебе добро – и любит в тебе собственную добродетель, – со вкусом рассуждал Звягин.

– Итак: двадцать шесть лет, аспирант, папа-профессор, машина, неплох собой. Клад, а не жених; холост, не пьет, алиментов не платит. Значит, всегда найдется женщина, которой он нравится, которая имела бы на него виды, не прочь и в лепешку расшибиться, чтоб женить его на себе. Осталось ее найти...

Дальше. В аспирантуру желающих больше, чем мест. А он, кстати, не блистал в институте. И вряд ли папины связи не сыграли роли в гладком начале его карьеры. (Вообще люди удачливые обычно не подозревают, в скольких сердцах возбуждают зависть.) Наверняка есть знакомые или однокашники, обиженные, обойденные им. Кто-то был влюблен в девушку, предпочевшую его. Кто-то перебивался в студентах на гроши, пока он одевался и веселился на папины деньги, кто-то мечтает о такой машине. Кое-кто не откажется насолить ему, отомстить за обиду или унижение.

Ну, а она? Средняя семья, обычная девочка. В брак по расчету не стремится. Во-первых потому, что пока вообще не торопится замуж: двадцать лет, красива, обаятельна, уверена, стало быть, что сможет выйти без проблем – а куда жизнь весела и прекрасна, и можно наслаждаться молодостью, данной лишь раз. Вот года в двадцать три девушки начинают дергаться: пора, накатывает страх засидеться в старых девах. Во-вторых, единственная дочь, балована, капризна, привыкла следовать своим чувствам – и не поступится ими ради выгоды: такая девушка хочет быть счастливой, делая то, что ей хочется.

Он искушеннее: испробовал соблазнов, настроен на карьеру – не идеалист, наверняка уверен, что «знает жизнь», следовательно, не слишком верит в людскую искренность и способен заподозрить расчет в любой поступке. Она наивна, доверчива и не знает людей: юность занята собой, благополучие позволяет не задумываться о несправедливости жизни, к хорошеньким девочкам все благоволят; она естественна. Такие натуры цельны, влюбляются до умо-

помрачения. А тот, кто руководствуется в жизни выгодой и удобством, предпочтет необременительный роман или выигрышную женитьбу. Помилуйте, да между ними пропасть, и не я буду строить через нее мост!

Он сидел перед пылающей печкой с видом заговорщика на конспиративной квартире – обдумывал то, что узнал за последние дни от Ларика, и составлял планы.

13. Знакомые бывают крайне некстати.

Осуществление планов началось в ближайшую субботу. В субботу Игорь повел Валю «выпить чашку кофе, посидеть», предусмотрительно заказав два места во вполне престижном и дорогом заведении – варьете «Кронверк».

Зальчик был уютен, музыка ненавязчиво тиха, заранее задобренный официант фамильярно-услужлив, заказ продуманно дорог – атмосфера светской жизни, скромного времяпрепровождения для избранных.

– Не жалеешь, что зашли сюда?

– По-моему, здесь неплохо. – Она улыбнулась, коснулась его руки.

Потом свет мягко угас, направленные лучи сложились в шатер, возникли почти нагие танцовщицы, извиваясь в согласном ритме. Из темноты блестели белки глаз и рдели сигаретные огоньки. И то, что за стеной чернел морозный вечер, а здесь, в комфортном тепле, припахивающем кухней, баром и духами, под вкрадчивую музыку переступали на высоких каблуках стройные раздетые женщины, создавало особенное настроение причастности к тайному, естественности того, что обычно не дозволяется, как бы разрешение на интимность. Зрители изображали, что смотрят не более чем простое эстрадное представление.

Игорь счел уместным заметить, что танцуют они неважно: здесь те, кто не попал ни в балет, ни в мюзик-холл (полушепотом слегка разрядил возникшее напряжение). «Хорошие фигуры», – ответила Валя, отметив и его такт, и нарочитый тон завсегдатая, и налитую ей рюмку. Интересно, что чувствуют танцовщицы? Просто работа? Преодолевают стыдливость – или наоборот, испытывают от этого удовольствие? А в остальном они нормальные женщины – или профессия накладывает отпечаток на поведение? Или она просто ханжа?

Номер сменился, певец во фраке запел по-английски с хорошим петербургским акцентом. В зале расслабились, заговорили, звякнули вилками.

После перерыва сбоку площадки устроилась группа, грянула во все децибелы мощных колонок, вмерзшее в лед дерево корабельного корпуса запело в резонанс. Пошли танцевать.

Сделалось жарко и весело. Каблуки били в палубный настил. Конец мелодий покрывался аплодисментами. Хлопало шампанское, и пробки летели сквозь обручи табачного дыма. Праздник качал списанный в плавучие кабаки корабль.

Игорь извинился и вышел. Она отпила остывший кофе. К столику приблизился парень в вареной джинсовке:

– О, кого я вижу! Привет! – И прежде чем она успела ответить, хозяйски приобнял и мазнул поцелуем.

– Вы с ума с-сошли!..– (Врезать ему? Где Игорь? Драка будет?)

– Валечка, ты на меня еще сердисься? За что?

– Вы с ума сошли?!

– С каких пор мы на вы, Валька?

Вернувшийся Игорь с изумлением вникал в их беседу. Незнакомец обернулся, и на лице его отразилось понимание ситуации.

– Занята – так и сказала бы, чего комедию ломать, – бросил он тихо, но не настолько, чтоб Игорь не расслышал. И вдруг – узнал, расплылся:

– Игорек! Вот кого не ожидал увидеть, – дружелюбно протянул руку.

Тот машинально пожал ее. Навис традиционный вопрос: «В чем дело?». Оказавшийся знакомым незнакомец повел себя непринужденно и расторопно:

– Это твоя дама?

– Именно, – как можно более весомо и значительно ответил Игорь. – Что за дела, Толя?

– Надо ж так обознаться, – Толя засмеялся, развел комически руки и, словно не веря глазам, внимательно взглянул на Валю еще раз. – Вы удивительно похожи на одну мою знакомую. (Постарался принять джентльменскую позу.) И вот в этом полумраке, под легким градусом, я принял вас за нее.

– Смотреть лучше надо, – выпалила Валя, злясь уже на Игоря, не вовремя отошедшего и имеющего таких знакомых, а сейчас туповато стоящего истуканом вместо того, чтоб осадить хама как подобает.

– Простите великодушно, – куковал Толя. – Я еще удивился – и зачем она прическу сменила? Старик, у тебя прекрасный вкус, поздравляю. Девушка, ваш кавалер – бывшая звезда курса, блистал в... короче, блистал. Дорогой, если даже незнакомые клюют на твою избранницу – значит, она стоящая, эта... человек. Простите, простите, я пьян, исчезаю, – он поклонился Вале преувеличенно вежливо, с каким-то заговорщицким видом, Игоря хлопнул по плечу покровительственно – и быстро удалился.

Игорь покачал головой и сел, посмеиваясь. Однако изгадить настроение куда проще, чем поднять. Что-то мешало ему отнестись к происшедшему как к мелкому и исчерпанному недоумению...

– ...Милые у тебя однокашники, – дергала плечиком Валя.

Но через десять минут им уже опять было весело, все сгладилось, все было хорошо, когда он замолчал. Спросил:

– Откуда он знает, как тебя зовут?

– Понятия не имею. Он же сказал, что ошибся!

– Значит, его знакомая не только похожа на тебя, но еще и тезка?

Он завертел головой, встал, прошел по залу, выискивая Толика. Того уже не было.

14. Если друг оказался вдруг...?

Подозрение легко заронить и трудно рассеять. Проходящие дни не изгладили инцидент в памяти Игоря: «Та ли она, какой хочет казаться?» Как известно, ничто так не похоже, как полная невинность и большая опытность. Теперь при каждой встрече он приглядывался к Вале внимательнее, и сомнения язвили его самолюбие: неужели с другим, серым и заурядным его однокурсником, она?.. Валя почувствовала перемену в нем, была то кротка, то обидчива, он махнул рукой – перестал думать о неприятном: так хорошо, когда все хорошо...

И тогда позвонил Толик – спросил с подтекстом:

– Старик, может, посидим, поговорим?

В животе у Игоря тихо и тягуче заняло. Они не виделись два года, никогда не были друзьями, – какой же есть повод для встречи, кроме того случая?

Толик ждал его в «Невском». Коньяк пили французский, сигареты курили американские, а девиц именовали Дженни (жгучая брюнетка!) и Дарья (русая коса). Ох не так прост этот Толик, ох жучок.

Толик возгласил тост, расточая Игорю комплименты. Девицы снизошли до беседы: моды, чеки и курорты. Вечер завился веревочкой, когда Толик трезво и улыбочиво проговорил:

– Старик, я невольно поставил тебя три дня назад в «Кронверке» в неловкое положение.

– Чем это? – небрежно возразил Игорь.

– Своей бестактностью, как бы скомпрометировав при тебе твою даму. Кстати, знаете, в чем разница между тактом и вежливостью? Когда джентльмен, войдя в незакрытую ванную

и увидев там моющуюся женщину, говорит: «Простите, миледи», – это вежливость. Когда он говорит: «Простите, сэр! – это такт».

– Ты ведь извинился за ошибку.

Толик снисходительно потрепал Дженни:

– Заяц, я похож на человека, совершающего ошибки?

– Не слишком...

– А на человека, встающего другу поперек дороги? Какая-то девочка не стоит того, чтоб... э, их так много, а друзей так мало. – Он достал из роскошного бумажника фотографию и протянул изображением вниз: – Возьми. Больше я с ней незнаком. Будь здоров, хлопнем!

На фотографии Валя стояла у Эрмитажа, глядя вдаль, а Толик обнимал ее за плечи. Снимок был некачественный, любительский, но ошибка исключалась: знакомый норвежский свитер в крупную шашку, джинсы с наколенным карманом.

– А знаешь, что в ней лучше всего? – с мужской доверительностью наклонился Толик. – Родинка на левом плече. Пикантна – чудо!

Игорь усмехнулся деревянно. Значит, правда. Мммм... Дрянь! И с кем – с этим ничтожеством...

– Откуда, собственно, столько благородства? – спросил понебрежней, стараясь ставить себя выше собеседника и ситуации.

– Может, и ты мне ответишь когда-нибудь добром за добро, – с дружеским цинизмом сказал Толик. (Намекает на семейные связи?) – Не всю жизнь мне бабки делать, надо думать и о карьере, так?.. А куда ткнуться? Глядишь, друг-однокашник и замолвит словечко, на кого ж еще в жизни опереться, верно?

Рюмка услужливо наполнилась. Время убыстрилось в карусельный галоп. Ресторан уже закрывался. Красавица Дарья смотрела на Игоря с открытым призывом.

Ревущий, как авиалайнер, ансамбль объявил последний танец. Женщина льнула к нему, как лоза, длинная стройная нога обвивала его ногу.

– Я провожу... тебя... вместе... – составил он фразу.

Алкоголь, обида, вождение баюкали его. Вдруг оказались погасшими огни в зале. Толик уходил с обеими девушками под руки. В гардеробе не находился номерок в вывернутых карманах. Промерзлый до звона Невский понес страдальца наискось.

Телефонная будка заиндевела. Он разбудил Валю звонком:

– Я все знаю!..

– Что – все?

– Все. Сейчас к тебе приеду.

– Что случилось? Уже ночь, родители спят. Что случилось?

– А-а, спят...

Ненависть, одиночество, жжение одуроченности мешали находить слова, и так ускользающие.

– Пошла ты...

Пи-пи-пи, пожаловалась телефонная трубка.

15. Еще пара таких друзей – и врагов не понадобится.

Звягин вторично посетил Толика в конструкторском бюро. Головы повернулись от кульманов и компьютеров (милое соседство! СССР на пороге XXI века). Толик махнул приветственно и вышел в коридор. Батарейка под замерзшим окном еле теплилась.

– Под-донок он.

– Почему? – мягко улыбнулся Звягин.

– Потому, что его вышибли бы из института, если б не папины связи. Потому, что занимает не свое место в аспирантуре...

– Твое, что ли?

– Мое! – с вызовом ответил тот. – Я получил красный диплом, шел вторым в потоке. И не прошел... в аспирантуру по конкурсу. А он – еще бы: завкафедрой – папин друг, дальняя родня, свой клан.

Звягин сощурился: бывает интересно слышать то, что ты уже знаешь...

– ...заморочит голову еще одной девчонке. Ненавижу всю эту породу устроенных в жизни подлецов.

– Вот и я подумал – чего ей зазря пропадать, – согласился Звягин.

– А вам, можно полюбопытствовать, что до нее?

– Люблю все красивое, – фатовато приосанился Звягин.

Толик глянул на часы в конце коридора и поежился.

– А вообще вы шантажист. Откуда фотография-то?

Кадр был щелкнут три дня назад в коридоре ее института. Хозяин фотолаборатории привел туда приятеля и отснял, когда студентки проходили мимо. Затем потратил полдня, подгоняя и шлифуя фотомонтаж: наложил изображение Вали, попавшей на снимок, на данную Толиком фотографию – он стоял у Невы в обнимку с приятелем.

Толик выковырял из бумажника семь рублей:

– Держите; все, что осталось от этого цирка в кабаке.

Звягин аккуратно расправил и спрятал деньги. Меценатом себя отнюдь не числя, весь груз материальных расходов он взвалил на Ларика: «Ты – заинтересованное лицо, тебе и платить, дражайший. А ты как думал? без денег, знаешь, ни в дугу, ни в Красну Армию».

– Благодарю за службу, – кинул он. – А где ты девок нашел?

– Да там же, снял в кабаке. Наплел им... А кр-руты, тц!..

«Второй раунд в нашу пользу. Едем дальше. Человек, который привык обманывать других, легко может быть обманут сам: он может поверить во что угодно, ибо полагает, что любой может обмануть».

16. Вещественные доказательства оспаривать трудно.

Игорь расположился за столиком в позе следователя из дурацкого фильма.

– Приятный молодой человек. – Предъявил фотографию. – Да?

Она уставилась в недоумении. Подняла глаза:

– Что это значит?..

(Неестественная интонация. Точно неестественная.) (А как же ей быть естественной, если человек ничего не понимает впрямь?)

– Это значит, – он изобразил жесткую усмешку, – что твой бывший кавалер рыцарски уступил тебя мне. И даже угостил ужином в ресторане в знак своего расположения.

– Не понимаю...

– Слушай, не надо вешать лапшу на уши. Ты не умеешь врать.

– Не умею. Потому и не вру.

– Ты с ним долго была... знакома?

У Вали задрожали губы. Беспомощность и растерянность могли быть истолкованы как маскировка для сокрытия вины.

– Я не понимаю, что это значит! Он же сам тебе сказал, что принял меня за другую!

– Сказал одно, показал, как видишь, другое. Да и сказал наедине тоже другое. Это твой свитер?

– Я не знаю его! – крикнула она.

- Гм. Откуда же он знает тебя?
- И он меня не знает!
- Да?
- Да!
- Тогда откуда он знает, что у тебя родинка на плече?

Она невольно поднесла руку к плечу, и этот жест убедил Игоря в своей правоте больше, чем все остальное.

– Я не зна-аю... – с молящей убедительностью прошептала она. – Я не знаю, что это значит. Я не знаю, что это за фотография. Я клянусь тебе, что говорю правду. Господи, Игорь... Если ты правда любишь меня, как говорил, ты должен мне верить... Понимаешь? Пусть весь мир перевернется, пусть все будет против нас, пусть тебе скажут обо мне все, что угодно, ты должен верить только мне, слышишь?..

Он отвел глаза, помолчал; вздохнул с тем сожалением, с которым человек утверждает в нежеланной для него истине:

– Ты не хочешь мне все рассказать? Я пойму... Я прощу все, только скажи честно, слышишь?..

Она смахнула слезу. Борьба чувств доходила до головокружения. Гордость взяла верх.

– Уходи. Если ты мне не веришь – ты мне не нужен.

– Да как же тут верить?! – возопил он.

– А просто – верить.

Он тяжело произнес:

– Если я уйду – то уже не вернусь. – И было слышно, что сказал правду.

Валя вскинула голову:

– И не смей больше приходить ко мне, слышишь! Я не хочу больше видеть тебя!

Закрыв за ним дверь, упала на диван и разревелась. (Какая к черту сессия, какие зачеты!..)

17. Не ищите женщину – она найдется сама.

Мрачность Игоря не прошла незамеченной. Он угрюмился в лаборатории, излучая непоправимое несчастье. Как известно, женщины лучше ощущают чужое состояние, и мужчина (если он в меру молод, или неплох собой, или круто стоит и т. д. – короче, годится) может скорее рассчитывать на женское участие, нежели мужское. Тем более что в наше время наличествует сверх избытка одиноких и неустроенных женщин, всегда готовых обратить внимание на неполадки в жизни сильного пола, и устранить их по мере – или сверх меры – своих возможностей. (Ну как тут не вспомнить сэра Оскара Уайльда: «Женщина может изменить мужчину одним способом: причинить ему столько зла, чтоб он вовсе потерял вкус к жизни». Консервативные британцы! У нас чаще наоборот – мужчины таким образом изменяют женщин; или – женщинАМ? так и просится каламбур.) И какая-нибудь из таких женщин – если не несколько – всегда оказывается рядом в нужный момент.

В данном случае женщину звали Ларисой, была она старше Игоря на два года (нынче модно, чтоб женщина, как глава семьи, была постарше), растила дочку от мужа, с которым разошлась, и работала на той же кафедре старшим лаборантом.

- Заболел? – с чуть шутливым участием обратилась она.
- Здоров, – мрачно отвечал наш герой.
- Разбил машину, – ужаснулась Лариса.
- Машина на стоянке, зимует.
- Родители ущемляют свободу единственного чада.
- Займись своими делами.

– Влюблен, – протянула Лариса, – причем неудачно. Ой, какая прелесть! Я уж думала, с нынешними мужиками этого не случается.

– Интересно, – спросил Игорь, – дойдет ли эмансипация до такого уровня, чтоб мужчина мог заехать женщине в рыло?

– Уже дошла. И заехать могут куда угодно, – бестрепетно согласилась Лариса. – Бельмондо чуть не в каждом фильме лупит женщину, и это вызывает бурный восторг зала. Мужчины всегда были настолько сильны и храбры, что лупили жен. Эмансипация родилась из естественной реакции женщин дать сдачи. Пошли.

– Куда?

– Обедать. Перерыв начался.

После второго, прихлебывая тепловатый эрзац-кофе (в столовой тоже холодрыга), сказала дружеским тоном равного:

– Игорек, что ты сходишь с ума? Самолюбие заело? Уж тебе-то – неужели девушек не хватает? Послушай меня, плюнь, я баба, мне лучше знать, как должен вести себя мужчина.

– Вот и плюю...

– Как ее зовут?

– Какое это имеет значение. Валя.

– И сколько ей лет?

– Двадцать.

– И ты, взрослый, видный мужик!.. О времена! Мне б ваши заботы. Когда я расходилась – посмотрелась, как слаб и смешон нынешний повелитель природы. Ни силы, ни выдержки, ни благородства. Не будь современным мужчиной, милый.

– Быть несовременным?

– Быть просто мужчиной.

– Это как?

– И еще спрашивает женщину... Слушай, нет такой девушки, которая устояла бы перед настоящим мужчиной. Только не теряй голову.

– А если она уже потеряна?

– Ох, тогда не потеряй еще что-нибудь ценное.

Ничто так не подкупает мужчину, как своевременное и несентиментальное дружеское участие женщины – при условии, что женщина неглупа и привлекательна. Дружба настоящей женщины – мощное подспорье в житейских штормах. Лариса была настоящей женщиной – танк, который гуляет сам по себе. Работа, ребенок, однокомнатная квартира, доставшаяся после размена жилья – самодостаточность современной подруги, стоящей на своих ногах и не надеющейся на чужие руки.

Они «по чуть-чуть» вечером выпивали на уютной кухоньке: бра, раскладное креслице, салфетки, проигрыватель, и разговаривали, как сто лет знакомые (вот умение пойти в масть).

– Что за идиотство – припираться к стенке девочку, – пожимала плечами Лариса. – Если ты знаешь правду – зачем тебе признание? Из упрямого самолюбия? Имеешь лишнего туза в рукаве. Будь ты взрослее и умнее ее! Может, она отчаянно боится, что ты узнаешь ее грехи? Считает себя недостаточно хорошей для тебя, так любит? А ты – пачкать ее в своих глазах перед ее глазами... А если она хочет отрезать и забыть все, что было до тебя? Это должно только льстить, дурачок!

Это женщины-то не в ладах с логикой? Успокоительный бальзам лился на измученную душу.

– Попросить у нее прощения?

– Еще не хватало. Хочешь быть в ее глазах идиотом, закрывающим глаза собственные на очевидное и поступающим самолюбием?

– А что же мне делать? – Деморализованный человек только ведь и ищет, кому бы сунуть этот вопрос: вдруг ответ спасет?

– А делай вид, что ничего не было. Проехали, ясно? Она будет благодарна за ум и такт. Новый год вместе встречать собирались?

– Собирались, конечно...

– А где?

– На родительской даче, в лесу...

– Пригласи ее завтра же, три дня осталось, девочка извелась!

– Думаешь?..

Игорь стал соображать. Лариса поставила Раффаэлли Карру. Из духовки запахло допекшимся до кондиции тортом.

– А ты где встречаешь?

– Со старыми друзьями.

– Это – железно? – Помолчал, улыбнулся: – Жаль.

Лариса подняла тонкую изогнутую бровь:

– Ты хочешь пригласить меня?

– Одну или вдвоем – как захочешь прийти. Будет весело. А?

– Ну, если все будут так веселы, как ты сейчас, то я лучше посижу дома и послушаю «Плач замученных детей Малера».

Но он уже что-то задумал.

– Правда – плюнь на этих друзей, а? Может, пригласить для тебя кого-нибудь? Найдем такого парня!

Она взъерошила ему волосы:

– Милый, свою жизнь я привыкла устраивать сама. За приглашение спасибо, но... Э нет, только без этого! Иди-ка домой, спать пора.

18. Вот поживешь с мое в этой проклятой стране, сынок, тогда узнаешь, что Рождество бывает только раз в году.

Над елями белела луна, серебря снег на крыше и перилах. Польшающий в комнате камин клал подвижные отсветы на скрипучие половицы. Дача была хороша, и компания под стать.

Стол ломился, елка благоухала, магнитофон гремел; отлично веселимся!

Валя сравнивала себя с другими женщинами: они были взрослее, раскованнее, лучше одеты... Выглядеть «девочкой» Игоря было лестно – и унижительно. Он – хозяин, красивый, богатый, его значимость переходила и на нее; но ей казалось, что ее воспринимают как принадлежность застолья, Игореву очередное развлечение: снисходительность к очередной яголке не нашего лесу.

Ослепительно выглядящая Лариса – женственная, уверенная, – совершенно затеняла сопровождающего ее стертого шплинта.

Пока гости прогревались коктейлями, прогрелась и дача. Застучали стульями вокруг стола, телевизор засветился, куранты зазвонили, шампанское хлопнуло салютом:

– С Новым Годом!

– Счастье – достойным!

– Ура!

Грохнули хлопнушки, осыпая конфетти на головы и блюда. Зашипели искристо голубые бенгальские огни. Чокались, накладывали, жевали.

Игорь, само собой получалось, больше разговаривал с друзьями, чем с Валей («Мог бы быть внимательней»). Она поддерживала беседу, когда ей давали пас, оттенок отчуждения не исчезал («Строит из себя скромницу? Обижается?»).

Поднажрались. Пошли танцевать и обжиматься.

Тихо, скромно держалась Лариса – безо всякого ущерба для своего зрелого сияния. Среди ночи она оказалась сидящей с Вале́й на угловом диване.

– Я в первый раз здесь, – завязался разговор. – Славно, правда? И народ чудесный.

Валя отвечала неопределенно.

– Не нравится, да? – приоткрыла улыбку Лариса. – Свой круг. Сливки общества. Соответствующие родители. Ну и, конечно, – мы-то не то, что некоторые, с толпой не смешивать... Вы где учитесь?

Ответ ей понравился.

– Я тоже невысокого полета птица, – призналась союзнически. – Образование умеренное, лаборантка, хотя и старшая. – И, переходя на ты: – Твои родители кто?

– Не профессора, – сказала Валя.

– И не генералы, значит. Так что мы здесь обе с тобой, выходит, для украшения общества. Ведь развлекаться не обязательно с равными, точно?

Контакт! – есть контакт. Лариса делилась опытом. Старшая женщина рассказывала о жизни. Валя внимала мудрости. Счастье у каждой свое, но как много общего в путях горя и радости.

Веселье разобралось попарно. Подходили к столу, уединялись где-то, смыкались в недолговечные кучки. Лариса оставалась сама по себе, легко улыбалась, говорила негромко, и если бы Валя следила за ней внимательнее, то могла бы заметить и указующие на нее движения глаз, и тихое втолковывание о чем-то; Ларисе чуть кивали, понимающе и согласно.

Повалили гулять – лес! лес! луна! новогодье! Мороз обжигал. Скрипел и визжал снег под ногами. Туманный радужный ореол стоял вокруг луны, и разноцветные звезды плясали в черноте.

Вернулись окоченевшие, с хохотом толкались у камина, разлили «для сугрева». Смуглый жиреющий крепыш, не то Прохор, не то Эльдар, принял позу статуи Свободы:

– Пора выпить и за хозяина! Хлебосолен тот, кто стоит в жизни двумя ногами. Да, мы знаем, чего хотим – всего хотим! И некоторые – Игорь, поклонись! – это имеют. Да, мы не пишем стихи в молодости, зато не будем писать жалобы в старости! – картинно остановил аплодисменты. – Выживают сильнейшие – мы выживем! Не Дарвин придумал это – он заимствовал теорию Гоббса, его знаменитую «войну всех против каждого». Так пожелаем же в новом году Игорю – знаете чего? кр-рутого восхождения и настоящей карьеры, худого тут нет, это достойно настоящего мужчины! а себе – богатого и всемогущего друга!

После знаменательного тоста крутой восходитель упился с какой-то умопомрачительной быстротой. Вроде и пил не много, но как-то осовел, окосел, окривел и пополз со стула, выпустив слюну. Его поймали и прислонили.

Валя наблюдала с неприятным удивлением. Ему это не шло. Воспитанный, умный, изящный... тупо гогочет и тычется лицом в тарелку. Его вывели проветриться: в дверях он заскрежетал и выметнул меню. Бедненький... но противно...

– Ты за него держись, – пьяно внушала высокородная селедка в фантазмагорическом макияже. – С ним не пропадешь. У него отец знаешь кто?... И сам умеет...

19. А не ходи в наш садик, очаровашечка.

Первая электричка прогремела за лесом. Пары разбрелись по комнатам и лежбищам. Тишина установилась – живая, дискомфортная. Игорь храпел и захлебывался наверху, укрытый поверх одеяла ковром.

Лариса зажгла газ, поставила греться ведро и кастрюлю с водой. Заварила чаю, окликнула забытую всеми Валею:

– Садись, попьем. – Разгребла край стола, отрезала два куска торта. Рассуждала тихо, по-бабы:

– Если он тебе нравится, дорожишь им – тут нужна женская тактика. Надо понимать мужчину, каков он. А он – человек трезвый, недоверчивый, достаточно рациональный. Так?

– Недоверчивый – это точно... А ты откуда знаешь?..

– Так мы же работаем вместе. И не забывай – я уже побывала замужем, муж был старше него. Э, поживешь с мое – будешь видеть все эти вещи как на ладони...

Валя кивала задумчиво, глядя в дотлевший камин.

– На что поддается мужчина? На женский каприз. На изменчивость. Вот когда женщина начинает выбрыкивать, показывая, что если не хочешь – то как хочешь, иди пасись, – тут-то он начинает стелиться.

«А то я сама этого не знаю. Просто – мне было раньше хорошо с ним, и не хотелось выбрыкиваться. Наверное, иногда надо».

– А еще мужчина ценит, когда женщина дорого ему обходится. Ведь все в жизни стоит столько, сколько за это заплачено. А поэтому – поверь, не стесняйся с ним. Капризничай. Давай понять, что подарки – дело нормальное.

– Да не нужны мне его подарки! – Валина душа возмутилась этим странным и пошловатым сватовством.

– Глупенькая, – с материнской лаской Лариса обняла ее за плечи. – Не тебе нужны – ему, чтоб уважать тебя. Попробуй им повертеть – станет как шелковый.

Они стали мыть посуду – застывшую осклизлую гору. Лариса сняла кольца, засучила рукава, влезла в чей-то старый халат, – работала она со скоростью и сноровкой моечной машины; вообще ее женская сноровка и умение внушали доверие.

– А теперь – поехали отсюда, – сказала она, обтерев руки и закурив. – Сегодня тут будет неинтересно. И пусть подумает, что ты обиделась.

У замерзшего окна электрички продолжала поучать:

– Хочешь замуж – умей подстроиться под него, даже – играть им.

«Да не хочу я подстраиваться! И хочу ли замуж...»

– Пьет? Кто ж не пьет. Зато изменять тебе никогда не будет.

– Это почему? – не уловила связи Валя.

– А он женщинам не нравится, – объяснила Лариса. – Так что тебе будет спокойно.

Валю эта перспектива почему-то отнюдь не вдохновила.

– Как это он не нравится?..

– А он еще как-то в студотряде жаловался друзьям, что ни одна с ним по вечерам гулять не хочет. Тут... может, я зря тебе это бухнула, но всегда лучше знать все.

– А все-таки – почему ж не нравится? – всерьез заинтересовалась Валя.

– А ты сама не чувствуешь? Не видишь? – Лариса махнула рукой. – Ну... нет...

Валя промолчала, не возразила... Лариса открыла, вздохнув:

– Страсти в нем нет. Мужик не чуется. В мужчине должен быть какой-то железный стержень, понимаешь? Размах – настоящий, от души, а не рассчитанная трата папочкиных денег. «Горе от ума» проходила в школе?

– Это к чему?..

– Мужчина должен быть Чацким. Романтик, бунтарь, одиночка, умница. А этот – Молчалин. Аккуратный в делах, послушный начальству... а на самом деле – никакой.

– Да нет! – отвергла Валя. – Он и шумный бывает, и веселый, и резкий, и вообще...

– С кем это – резкий? С тихой девочкой? С женой и хомяк резкий. Веселый... Это просто – конформизм, современный стиль поведения. Он – не способен умыкнуть девушку ночью на коне, или поплыть в одиночку вокруг света, или... короче, не романтический идеал, а вот для жизни – самый подходящий муж. С ним как захочешь устроиться, так и будет.

Просидевшие десять лет в одной тюремной камере две женщины после освобождения еще сорок минут разговаривали за воротами; здесь эпилог последовал уже на перроне метро:

– Ты только меня не выдавай, не проговорись: мы с ним все-таки работаем вместе, знаешь – сплетни в коллективе... Вы – двое хороших людей, будете счастливы... Я тебе все говорила, чтоб ты не повторяла моих ошибок, Валечка. Чтоб замуж шла не за мужественного подлеца по безумной любви, а за надежного парня, который и материально обеспечит, и к другим не пойдет. А окрутить его просто...

Дома Валя долго стояла под душем, меняла обжигающий на ледяной, пока не почувствовала себя чистой. В свежих простынях думала еще, засыпая, о прошедшей ночи, и морщила носик брезгливо и пренебрежительно.

20.

Игорь проснулся от холода и головной боли. Солнце ломилось сквозь морозные узоры. Снизу – музыка и смех.

«Как я умудрился так напиться?» (И очень просто. Добрая Лариса припасла склянку с медицинским спиртом, каковой и подливала ему во все пойло, сколько сумела.)

– Ура хозяину! – приветствовали внизу, весело опохмеляясь у огня. – А где же твоя Валя? А Лариса? Кто из них твоя?

Они были ближе к истине, чем он мог подумать. Кто помогает тебе строить хитроумные планы достижения твоей цели – тот, гораздо вероятнее, использует тебя как фигуру для целей собственных. Игорю нужна была Валя, Ларисе же, как можно догадаться, сам Игорь. На ее стороне было то неоценимое преимущество, что ее планы сохранялись в тайне, и что, давая советы, она приближала Игоря к своей цели, оставляя его в иллюзии, будто близится к своей. Узнать это ему было не суждено.

– Ты напоминаешь сейчас анекдот об англичанине, которому довелось пить с русскими. Назавтра он ответил о впечатлениях: «Вечером я боялся, что умру. А утром пожалел, что вчера не умер».

Хохот покрыл слова.

– А девочка милая, свеженькая такая.

– Смотрела на тебя, как кошечка на балык.

– А тебе не кажется, что она хищница?

– На крючочке Игоречку, может статься, и болтаться!

Похоже, незаметная подготовительная работа Ларисы не пропала даром. Общественное мнение было сформировано. А услышать такое, с похмелья, от старых знакомых, – это впечатляет. Тем более что мнение твое о человеке не устоялось. Сомнение – страшная в любви вещь: дух лишается устойчивости и готов склониться к любому услышанному выводу, жаждая поддержки извне.

Несчастный хозяин выпил налитое и закусил протянутым, соображая с трудом и без серьезности: «Уехала, бросила... захомутать решила... Посмотрим...» Почему-то он решил, что напился из-за нее, от расстройств, и скверное самочувствие переросло в неприязнь к ней, словно она во всем виновата, а потом бросила его в тяжелую минуту.

И даже то, что перед уходом она вымыла посуду и навела порядок (вместе с Ларисой?), вменялось ей в вину: «Ишь, какие мы самостоятельные, как по-хозяйски держимся».

21. Умными мы считаем тех, кто с нами согласен.

– Ты с ума сошел, – сказала Лариса второго января на работе. – Разве можно так себя вести? Пригласил молоденькую девочку в незнакомую компанию, а сам? Каково ей было – подумал?

Игорь побурчал. Вечером накануне он уже звонил Вале: мать отвечала – нет дома (Валя следовала полученной инструкции – пусть помучится!).

В обеденный перерыв сели вместе.

– Тебе нужно выработать линию поведения, бестолочь! Скажи спасибо, что я ее проводила... Ты был омерзителен, и прочие не лучше. Будь я моложе – плюнула бы... а так – жалко стало девочку: вспомнила собственные мытарства.

Она повернула лицо в выгоднейший ракурс, освещение в столовой было отнюдь не слепящее – хилое, и Игорь смотрел с оценивающим удовольствием, ничуть не стара, кокетничает, в чем-то, объективности ради, – даже красивей и женственней Вали.

– Плевать я на нее хотел, – неискренне сообщил он.

– Неврастеник как тип современного мужчины, – вздохнула Лариса. – Это вас и губит. Не видать тебе ее, как своих ушей.

– Почему?

– Эпоха коллективного невроза. А если женщина нервная, ей необходим мужчина – выдержанный: надежный, невозмутимый. Которому ее капризы и закидоны – что ветерок каменной скале. А ты – скала? Мельница ты на складной табуретке.

Игорь размышлял до конца дня – столь же старательно, сколь безуспешно. Перед уходом взялся за телефон.

– Не звони, – тихо предостерегла Лариса (начеку, как кошка).

– Почему?

– Будь выдержан. Ты ни в чем не раскаиваешься. У тебя свои дела. Твое поведение не зависит от ее капризов.

Он послушался. Напросился в гости: чего-й делать-то?.. Ах, как нуждаемся мы все в советчиках в подобной ситуации! И как нельзя никаким советчикам доверять!

У Ларисы было тепло даже в эту лютую стынь, когда в обычных домах стояло десять градусов: электрорадиаторы, плотно заклеенные окна; и это тепло придавало дополнительную достоверность ее словам, как и быстро накрытый стол, ловкость движений – она все умеет, удача ей сопутствует.

– У нее свои тайны, как у всякой женщины. Она недоверчива – пуганая ворона куста боится. Ее душа съежилась, понимаешь? Ей нужен покой, уверенность, надежность в мужчине. Поэтому старайся никогда не сердиться – но и никогда не приходиться в восторг. Лучше флегматичность, чем дерганье. Девочка простая, не без комплекса приобретательства и потребления. Не забрасывай подарками – разбалует и горя не оберешься. Нас надо ставить на место сразу. – Лариса затянулась сигаретой, оттачивая формулы:

– Всегда будь выдержан.

Сразу ставь на место, давай чувствовать свою значимость.

Если делаешь подарок – дай понять его ценность.

Встречайся с ней каждый день. Быстро привыкнет, и возникнет необходимость в этом.

И – для своего и ее блага будь рассудочен в поступках и словах.

От формул естественно и незаметно перешли к реальной жизни, о своем заговорили: Лариса вздыхала об ошибках, посмеивалась над собственной незадачливостью...

«Она, бесспорно, очень умная женщина», – думал Игорь.

Увы – умными мы считаем людей, которые говорят то, что мы хотим от них слышать.
Умными – и хорошими...

22. Меценат в кругу семьи.

Звягин чувствовал себя коварным, как Макиавелли, и неотразимым, как Дон Жуан.

– Ура! – сказала дочка. – Папкин Дон Жуан!

Из-под мышки у нее торчала «Республика ШКИД».

– В такой холод стоять под дверьми – простудишься!

– Любовь согреет, – небрежно ответила дочь.

– Что?!

– Мы с мамой сегодня об этом разговаривали.

– О чем – «этом»? – осведомился Звягин, засыпая политые уксусом пельмени густым слоем перца.

– Ты лучше расскажи: она тебе нравится?

– Прелесть что за девочка, – признался Звягин.

– Ого, – отреагировала дочь, прицельно похищая из его тарелки самый наперченный пельмень.

Жена стала жевать медленнее.

– Мама ревнует, – нахально выдало дитя.

Мама схватила длинную деревянную ложку и с замечательной крестьянской сноровкой звучно щелкнула ее по лбу.

– Милые замашки советских учителей, – спокойно констатировала та, потирая лоб. – Теперь понятно, почему твои ученики не блещут способностями, хотя непонятно, почему именно ты на это жалуешься. Ты же из человека все мозги вышибешь.

– Уже, – сказал Звягин.

– Что – уже?

– Уже вышибла.

– Трудно вышибить то, чего нет, – возразила жена.

– Выставлю из-за стола, – предупредил дочь Звягин.

– Долой дискриминацию, – был ответ. – Не буду тебе в старости корочки жевать. Личный состав может быть наказан, но обязан быть накормлен. Мое место здесь.

– Твое место у мусорного ведерка!

В разрядившейся атмосфере жена заметила:

– О себе я таких слов не слышала, милый.

– Есть маленькая разница, – утешила дочка.

– Какая?

– На тебе он все-таки женился.

Звягин подбросил в печь дощечки.

– Почему каждый раз, – пожаловался он, – когда я сталкиваюсь с интересным случаем, это превращается дома в обсуждение моей же личности?

– Уж такая у тебя личность, – посочувствовала дочь. На самом деле не существовало в доме большего удовольствия, чем обсуждать очередное папино завихрение; хотя для жены это удовольствие бывало болезненным, что, впрочем, сопровождает многие удовольствия.

– Теперь ты знаешь о ней достаточно? – спросила жена, нарезая кекс.

– Да. Нормальный человек из нормальной семьи. Не стерва, не карьеристка. Никаких пороков не выявлено, положительный член общества. Просто жизни в ней больше, чем в других. Значит – должна в молодости перебеситься.

– Короче, Наташа Ростова, – заключила жена.

Звягин подозрительно повспоминал насчет Наташи Ростовской.

– Да нет, – сказал он. – У них доход скромнее.

Жена фыркнула и почесала нос о плечо.

– Леня, – задала она традиционный вопрос, – неужели ты всерьез веришь, что тут можно что-то сделать?

Звягин посвистел.

– Постоянное недоверие меня обижает, – пожаловался он.

– Да ты же не Господь Бог!

– Станет он заниматься такими мелочами. Ты пойми, наконец, что все на свете очень просто; и вообще существуют люди, для которых соблазнение женщин – просто работа! и только.

– Это как? – удивилась жена.

– Профессия: сутенер, – объяснила дочка.

– Это где?

– У них, у них, у них, – сказал Звягин. – У нас сами бегут и проходят на спецработу по конкурсу. А там мужчины соблазняют девушек, причем выбирая самых красивых, и затем продают их в публичные дома.

– При ребенке!!

– Здоровая нравственность педагога оскорблена, – поддержал ребенок. – Ты это к чему, пап?

– Что существует набор профессиональных приемов, воздействующих на психику, душу, тело и прочее. Им платят с головы – они торопятся – у них конвейер! Так неужели нормальный парень, который жизнь готов положить ради своей любимой, не сможет влюбить ее в себя? Не верю.

– А разлюбить тоже можно заставить?

– И раз в сто проще, чем полюбить.

– А может, – здраво рассудило младшее поколение, – как раз надо помочь ей добиться удачи с тем, кто ей нравится? Почему ты берешь на себя ответственность решать?

– А кто ж ее на себя возьмет? Кто-то должен. С Богом вопрос туманный. Провидение слепо (если допустить, что оно есть). Ну, за неимением более высоких инстанций, вмешиваюсь я. Или ты полагаешь, что течение дел надо скорее предоставлять слепой фортуне, нежели твоему сравнительно зрячему отцу?

– Но твой мальчик – не сутенер, он любит ее, – вздохнула жена. – Он не сможет хладнокровно рассчитывать и действовать!

– Рассчитываю я, – бездушно сказал Звягин. – А действовать он сможет – й-я сказал! Никуда не денется, иначе шею сверну!

23. Последствия женских советов.

Ничто так не похоже на истину, как тщательно продуманная ложь, доступная по форме. Такая ложь более походит на истину, чем сама истина.

Игорь пошел в атаку на мираж, услужливо нарисованный ему и совершенно понятный; ах, да кто ж из влюбленных не атаковал миражи.

Малейшая ошибка и фальшь в начале любви особенно пагубны: искажение проекта и кривизна фундамента здания сводят на нет всю дальнейшую работу, даже добросовестную: чем больше надстраиваешь, тем вернее рухнет.

Звягин просчитал ситуацию с бесстрастностью арифмометра.

Игорь через неделю начал тяготиться взятым на себя обязательством видеть Валю ежедневно: любовь, как известно, не терпит обязательств – охота пуще неволи.

Лариса, новая закадычная подруга влюбленных – но каждого по отдельности! (о комедия, старая, как мир!) – вела свою партию, как опытный пулеметчик – свинцовую строку, отвоевывая свой кусок счастья. И спать она ложилась теперь в настроении ровном и прекрасном, засыпала без седуксена, и сны видела цветные и с музыкой.

Игорь же отходил ко сну строевым шагом, твердо спланировав следующий вечер: кафе, кино, гости, книга в подарок и разговор о литературе.

«Она хочет меня захомутать... глупая девочка, место надо завоевывать в сердце, а не в доме... господи, будь ты естественнее».

«Он организованный деляга... бургер... жалко все-таки, что в нем есть это...»

За каждым поступком одного – другой видел подтекст, и подтекст не соответствовал действительности. А недоверие – это и есть та бледная тонкая травинка, которая неуклонно растет и взламывает асфальтовое шоссе.

– У тебя были девушки до меня? Много, наверное?

– В общем даже и вовсе не было...

Если ждал ее, единственную, – это одно; это прекрасно. Если же просто не привлеч ничего внимания – это совсем другое... Ценность особи во многом определяется тем, какому количеству особей противоположного пола она нужна. На славу соблазнителя летят, как мотыльки на свечу. Что Дон Жуан без своей репутации! Можно любить неприметного аناхорета, найдя в нем изюминку и изливая женскую заботу и нежность. Но человек без изюминки, внешне привлекательный, который, однако, никого не привлеч... странно, тут что-то не то. Да тот ли он, кем кажется? Ибо казаться поначалу привлекательным мужчиной и быть привлекательным мужчиной – две большие разницы.

Итак, в нем есть какой-то изъян, формировался итог Валиных размышлений. Размышления были постоянны, что свидетельствовало о серьезности ее увлечения.

Но поведение его было таково, и отношения складывались так, что увлечение это подтаивало с каждым днем, как мартовская льдина, еще сохраняющая размер и блеск, однако теряющая плотность и прочность.

Расписанность всех его планов вызывала в ней ощущение вещи, которую он стремится вписать в свое благополучие. Разговоры о добропорядочном устройстве семейной жизни высасывали из атмосферы кислород: рядом с ним словно делалось труднее дышать. Возможно, все это были просто плоды ее воображения: воображение двадцатилетней девушки – вещь хрупкая и опасная, требует понимания и бережности в обращении.

Вечером по средам он был занят на заседаниях кафедры, после окончания звонил ей.

Телефон не отвечал – он набирал до середины ночи. Родители ее были в отъезде, она обещала ждать. Странно! Странно!

(О мелочи, мелочи, – Ларик разобрался в проводах на лестничной площадке и разъединил.)

– Где ты была вечером? – стараясь хранить легкость и доброжелательность, спросил Игорь назавтра.

– Дома.

– А почему никто не отвечал?

– Я уже сама переживала, у нас телефон испортился.

Испортился; именно в тот вечер, когда он не мог с ней встретиться; испортился, что ж такого, бывает. Она понимала, что он ей не совсем верит, от этого надулась, потом постаралась убедить в своей правдивости, потом разозлилась на себя за это, и в результате Игорь утвердился в обратном.

Душа его замкнулась. Ей нельзя верить, нельзя распахнуть душу – можно только спокойно добиваться. Прошелестел ветерок грусти и докуки.

А Валя записывала в дневнике – красивом кожаном блокноте: «Еще месяц назад он казался мне таким интересным. Я совсем не знала его – расчетливого, недоверчивого. Еще не получив никаких прав на меня, он устраивает сцены, допрашивает, стремится ограничить мою жизнь, навязать свою волю.

Я могу заранее предсказать все его поступки. Даже целуется он с деловитостью, словно по расписанию. Он все время заставляет себя играть какую-то роль. И меня хочет заставить.

А самое разочаровывающее – мне все чаще делается скучно с ним, иногда скучно даже заранее, при одной мысли о встрече...»

– Мужчина должен совершать мужские поступки! – заявила она.

– Это какие?

– Он еще спрашивает. Безумные!

– В таком случае все мужчины сидели бы в психушках, – рассудительно отвечал Игорь.

– Для некоторых это было бы спокойнее, – буркнула Валя.

– Что?

– Ты можешь прыгнуть с моста?

– Прыгнуть могу. Удачно приземлиться на лед – не уверен.

– Ты не понимаешь, как действует на женщину, когда мужчина ради нее готов на любые безумства!

– Понимаю. А потом она выбирает того мужчину, ради которого сама готова на любые безумства.

24. Уехать в Эстонию не так просто.

В середине января морозы спали. Игорь приступил к проведению мероприятия, сулящего решительный успех. Поездка на машине в Таллинн обещала стать праздником души.

Для Вали Таллинн был – почти заграница. Там все другое. Там европейская культура. Там столько хороших вещей, необходимых женщине. (Родителям было объяснено, что они едут вдвоем с подругой.)

В юности любое путешествие – радость и открытие. Обиды и подозрения померкли, остались благодарность и предвосхищение.

– А где мы будем ночевать?

– В гостинице.

– В одном номере?

– Снимем два. Или пять.

Она долго собирала сумку: а если вечером в ресторан?.. а если в музей?.. А если вечером он придет к ней в номер, как быть?..

Проснулась утром в темноте: будильник еще не прозвонил. Сидела над телефоном, готовая:

– Доброе утро!

– Доброе утро, – ответила в полусонной нежности.

– Так через час я тебя жду в машине. На углу, как договорились. Ты как?

– Замечательно!

– Я тебя целую, милая.

– Я тебя тоже... милый... – прошептала она. Сейчас она почти любила его. Он был сильный, он все мог, мир принадлежал ему, и этот мир он дарил ей в залог своей любви.

Душ, завтрак, – она удивилась: все уже сделано, а еще полчаса осталось. Родители проснулись, поворчали ласково:

– Как только приедешь, сразу позвони.

– И не ходите нигде поздно, будьте осторожнее.

- Надеюсь, твоя Света – рассудительный человек.
- Крайне рассудительный человек моя Света, – уверила их дочь, веселясь.

Колкие кристаллы звезд дрожали, соответственно, сверху. Безобразные пространства новостроек хранили благолепную тишину и пустынную: суббота. Проковылял в колдобинах заиндевший автобус, протрусил рехнутый приверженец бега трусцой, трясая задом.

Игорь подъехал в восемь без одной минуты: синие «Жигули» издали мигнули фарами. Открыл ей дверцу, кинул сумку на заднее сидение. Обнял, севшую рядом:

- Привет путешественникам! Вперед?
- Вперед!

В теплом салоне приятно пахло обивкой, нагретой резиной, смазкой – запах комфортной техники. Кассету в магнитофон, Раффаэлла Карра из динамиков сзади, сцепление отпускается, и мягко трогается машина навстречу будущему. Валя прижмурилась и улыбнулась.

Долго крутили по улицам, пробивая выход из города, мягко клонило в сторону на поворотах.

- А скоро мы доедем?
- Часа за четыре, если все в порядке. Ты завтракала? Есть хочешь?
- Завтракала. А ты? Я взяла с собой. Кофе есть в термосе, выпьешь?
- Кофе – выпью. А завтракать как следует будем в Нарве, прекрасное кафе сразу за въездом, и открывается рано; прилично готовят.

Мотор зачихал.

- Что еще такое, – произнес Игорь и убавил газ. Мелочь.

Перебои продолжались. Он прибавил оборотов, потянул подсос.

Двигатель закашлял, поперхнулся и заткнулся, заглох.

У Вали резко упало настроение. Не хотелось верить ни во что худшее, но мрачный внутренний голос предрек, что никогда не попадут они ни в какой Таллинн.

- Сейчас, – беззаботно пообещал Игорь, проворачивая стартер с нудным скрежетом...
- Зажигание, – знающе определил он. – Ерунда. Первая поломка на трассе! – хлопнул Валу по плечу.

Полутемный Московский проспект был безлюден, вставший «жигуль» никого не интересовал. Игорь тупо воззрился под капот. Раз в пару месяцев машина отгонялась на профилактику знакомому автослесарю, чем и ограничивалось знание матчасти.

Если судить по внешнему виду, двигатель был в большом порядке. Но не работал.

- Бывает, – бодро сказал Игорь, садясь за руль и дуя на покрасневшие руки. – Сейчас разберемся...

Бодрость была фальшивой. У Вали упало сердце. Он снова пытался изображать не то, что чувствовал на самом деле.

В последующие четверть часа его безуспешных попыток подчинить своей воле это поганое чудо техники, двигатель внутреннего сгорания, пассажирка в выстывающем салоне передумала о многом. О поведении водителя. О степени готовности техники. О ценах на бензин и гостиницу. Об опасностях на дорогах.

- А ты с собой много вещей взял? – вдруг спросила она.
- Он взглянул с непониманием, переходящим в понятное раздражение:
- Ничего не взял. А что ты спрашиваешь?
- А переодеться вечером?
- Переодеться? Вечером? А зачем? И так нормально.
- И еды не взял?
- Да куда? Тут дороги-то...
- А зубную щетку взял?

Игорь удивился:

– Чего тебе щетка?

– Покажи, – велела она странным голосом.

Он улыбнулся:

– Знаешь, и щетку не взял. Она дешевле бутерброда; люблю ездить налегке.

– Как же ты, такой обстоятельный, такой рациональный, не взял с собой щетку?

Раздражение в такой ситуации как нельзя более естественно, и так же естественно срыгается оно на том, кто под рукой.

– При чем тут щетка! – заорал он. – Тут машина заглохла!

– И с чего же она заглохла?

– Вот и разбираюсь!

– И я разбираюсь.

– В чем ты-то разбираешься?

– В машине.

– Ты разбираешься в машине?

– Ага. Разбираюсь: заглохла или должна была заглохнуть?

До него, наконец, дошел ее тон.

– Ты что, мне не веришь?!

– А почему я должна тебе верить? Ты же мне не веришь!

«Дура, разлетелась в путешествие. Всем уже нахвасталась... И могла поверить, будто что-то для него значу. Так ему папочка и даст гонять машину за тысячу километров. Спектакль. Конечно: и впечатление произвести, и трат никаких...»

– Сейчас попробуем еще, – через силу сохранял выдержку Игорь.

Уже светлело, белесо и хмуро; с мокрой спиной и окоченевшими руками он ввалился на сидение.

– Можешь не стараться, – злым и несчастным голосом сказала Валя. – Никуда мы не поедем.

– Почему это не поедем... – деморализованный, он еще упрямылся.

Когда розовые девичьи грезы рушатся в скверную реальность, от них остается чернильная лужа вроде той, что окутывает удирающую каракатицу. Валя ненавидела себя, машину, Таллинн, номер в гостинице, ресторан, а пуще всего ненавидела виновника всего этого крушения.

– Ладно, – холодно произнесла она. – Долго еще присутствовать на представлении, или зрители на сегодня свободны?

Игорь побледнел от оскорбления:

– И ты можешь... Кататься – так милый, а саночки возить – так долго ли присутствовать! А если б у меня не было машины?

В волнении, как известно, слова вываливаются сами, и не самые удачные, усугубляя несимпатичность ситуации.

– А машина и так не твоя, – расчетливо уязвила Валя. Она обрела спокойствие, словно у них была одна доза раздражения на двоих, и по мере того, как один заводился, другой успокаивался. – Она папочкина. И можешь трястись над ней, сколько угодно.

Вытянула сумку и выскочила, хлопнув дверцей.

– А катись ты к... – выкрикнул Игорь, бешеный от обиды.

Ни фига себе сходили за хлебцем, с черным юмором поздравила себя Валя, трясясь в холодном троллейбусе.

В десять она была уже дома: с каким-то даже весельем объявила, что Светка заболела и поездка откладывается, и села перед телевизором смотреть «Утреннюю почту».

На автостанции был выходной. Пришлось звонить о поломке отцу, что также не способствовало улучшению настроения. В полдень приехал отцов приятель, машину отбуксировали к дому.

- Холодно, черт...
- Да не тянет! Ты жиклер проверял?
- Так здесь са-ахар в бензобаке!

Долго ругались, откуда взялся сахар. Машина ночевала под домом. Старая шутка, пацаны баловались.

На звонки отвечали, что Вали нет дома. Она и действительно была у подруг в общежитии: не столько читали к экзамену, сколько обсуждали несостоявшуюся поездку. «Морочит он тебе голову... Но будь осторожней, не упusti. – Да нужен он мне!»

А тот, кто совершил эту нехитрую диверсию, вечером поехал убедиться, что синие «Жигули» мирно ночуют на платной стоянке. Узнать о готовящейся поездке было нетрудно: Ларик с Ларисой (созвучие, да?) находились в телефонной связи (тоже неплохой оборот, вы не находите?). На звонок она сообщила:

– В субботу утром собираются на его машине в Таллинн. Желаю удачи. – И улыбнулась улыбкой врача, тактическим ходом вынудившего больного принимать требуемое лечение.

25. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

Неделю Игорь заглаживал впечатление, как занозу утюгом. Причина выглядела мало-правдоподобной; поездку решили перенести, но снова ударило под тридцать, и тема отплыла в теплое будущее; иногда Валя упрекала себя в подозрительности и невыдержанности (о, как опасно упрекать себя: подсознание отпружинивает упреки, как тетива – стрелу, и уязвлен неизменно оказывается тот, из-за кого и упрекают себя).

Они возвращались вечером с концерта «Аквариума»:

– Гребенчиков – это гений, разумеется!..– когда в темном проходе между домами качнулись навстречу три характерные фигуры:

– Закурить будет?

Неожиданность сквозила угрозой; хотелось верить, что все обойдется, ерунда.

– Извините, я не курю, – голос Игоря прозвучал вежливее и сокрушеннее, чем хотелось бы.

– А десять рублей?

– Жалеешь?..

Центр композиции, крепыш-коротыш в кожанке и шляпе («Холодно же. Денег на шапку нет, бедный. Форсит, чем может», – успело машинально промелькнуть в голове) сунул руку в карман, там металлически щелкнуло; крайние двинулись на полшага вперед.

Валя заслонила Игоря:

– Не троньте его!

– Трогать будем тебя, – открыл коротыш.

– Чо ж – она тебя любит, а ты за нее не тянешь, – укорил Игоря крайний, явственно отводя руку для простецкого маха в ухо.

Для интеллигента всегда болезненна мысль о физической расправе. Настолько болезненна, что вытесняет прочие мысли и рефлексy и парализует. Чтоб оказать сопротивление неожиданному, опасному и превосходящему противнику – надо иметь крепкие нервы или постоянный бойцовский навык: интеллигент не имеет ни того ни другого.

Глумливые смешки и опасные жесты достигли грани кошмара: нас, сейчас, здесь, за что, не может быть, неправда! Бежать? Но вдвоем не убежишь. Беззащитность ужасала.

Валина внешность была удостоена высокой оценки в крайне унижительной форме. Игорь молчал.

– А я бы на твоём месте его не защищал, – сказал ей коротыш. – Он ведь тебя не защищает, а? Что, обосрался, кавалер?

Вслед за чем крайний навесил кавалеру в выцеленное ухо, и темнота для последнего расцветилась искристым фейерверком. В секунды, пока он был оглушен, Валя ощутила безмерно оскорбительные похлопывания по местам, в лицо ей выдулась струя дешевого табачного дыма, насмешливое:

– Нич-чо, трахать можно... мотайте, чего перебздели!

И скрип снега за спиной: сцена окончилась.

Подобное унижение способно испортить мужчине всю жизнь. И пусть Валя уверяла, что Игорь молодец, не стал связываться с бандитами, показывала сочувствие, жалость, облегчение, мол, все нормально, он подыгрывал; чудовищная неловкость осознавалась непоправимой, неизбывной.

Чего испугался, терзал он себя, возвращаясь. Ну набили бы морду. А если б пырнули? Вряд ли до смерти... героем бы выглядел. Обгаженность...

– Леня, – спросила жена, – как же так выходит? Человеку говорят: ты подлец, а он отвечает действием: зато я сильнее тебя; и еще остается прав перед людьми. Бред! Слабый не виноват в своей слабости! А если он – хороший, умный, тонкий, добрый, любящий? Несправедливо: почему столько выгод победителю?

– Господь Бог создал людей слабыми и сильными, а полковник Сэмюэл Кольт создал свой револьвер, чтобы уравнивать их шансы, – с удовольствием процитировал Звягин.

– Горе побежденным! – воздела руки жена. – И милость к падшим призывал! А как же Христос: прощать обидчику и подставлять вторую щеку?

– Святые не имеют детей, – пожал плечами Звягин, – а человечество хочет жить. Заметь – грех тоже привлекает женщину.

– Порочная привлекательность. И чем же привлекает?

– А тем, что грешащий имеет силу, храбрость, страсть достаточную хотя бы для того, чтобы нарушать общепринятую мораль.

Величина, смысл, ценность человека определяются тем, насколько он способен переделывать мир, – Звягин оседлал любимого конька – или сел на диван, смотря в какой плоскости рассматривать действие. – Вначале все было просто: побеждал сильнейший, он мог прокормить семью, продолжить род, охранить его от врагов и опасностей. Затем в преобразующую силу все больше превращался ум; недаром женщины испытывают интерес к умным мужчинам...

– Господи, как политинформацию читает, – поморщилась жена, подруга боевая дней суровых, дух един и плоть едина.

– Молчать и слушать старших по званию, – приказал Звягин. – Тот, кто доказывает свою правоту физической силой – по-природному исконно прав: он доказывает, что значительнее своего обидчика и врага на Земле...

Победа привлекает женщину – да! Потому что доля мужчины на Земле – побеждать! Силой, умом, страстью! Выдержкой, волей! Побеждать – значит переделывать мир, оставить свой след, реализовать свои возможности. Это и есть удел и назначение человека.

Вклад женщины – принадлежать к роду победителей, продолжить его, тем самым – продолжить передел мира, обеспечить саму возможность этого передела, рожая победителей.

И женщина инстинктивно стремится к мужчине, в котором победительное начало выражено сильнее. Ведь любовь – проявление инстинкта жизни, а жизнь – это самореализация и передел мира.

– А почему любят богатых?

- Богатство – свидетельство силы человека в этом мире.
- А знаменитых?
- Слава – свидетельство значительности человека.
- А красивых? – Жена торжествующе посмотрела на замолкшего в затруднении Звягина.
- Красота – это тоже значительность, – нашелся он. – Красивый многим нравится, он заметен, ему легче идут навстречу, он ценен уже сам по себе.

Да... Так, если мужчина избит тремя хулиганами – это не поражение в глазах женщины: ну, втроем они сильнее физически, вот один на один – еще посмотрим. И побитый одним, но не сломленный, неукротимый, – он тоже победитель: в конце концов не он, так дети его своей неукротимостью и устремленностью добьются любой цели. А вот струсивший, отступивший – он проиграл, он слаб духом, и в глазах женщины падает. Ум и благородство на словах – дешево. Ибо трусость – означает непригодность мужчины в борьбе, которая есть жизнь, добиваться своего, оставляя след в жизни. Трус слаб всегда, потому что трусость не дает ему возможность реализовать силу. Наверное, ничто так не отвращает женщину от мужчины, как трусость.

- Ты у нас известный храбрец, – засмеялась жена.
- Чашку кофе храбрецу! – велел Звягин.

26. Не имей сто рублей.

- Одолжи у него столик, – посоветовала Лариса. – А лучше двести-триста.
- Зачем? – изумилась Валя.
- Посмотреть – даст или нет.
- Зачем? Мне не нужно. Если будет – конечно даст. Но если б и понадобилось – я не хочу брать у него, это... нехорошо...

Лариса сощурила длинные глаза:

– Если женщина для мужчины что-то значит – он рад для нее на все и с деньгами не считается. Надо знать, с кем имеешь дело. Просьба о деньгах – прекрасная проверка чувств.

Совет был неприятен: презренные уловки!.. Но – верен... Валя разыгрывала в воображении сцену: срочно продается, скажем, фирмовая куртка. А отдаст – постепенно, со стипендии, отдаст.

В Дом журналистов, место престижное, для посвященных, Игоря пускали без пропуска, здороваясь: знали. Потягивая внизу в баре кофе, Валя, невольно кося по сторонам, где обычные на вид люди запросто разговаривали о публикациях и командировках, спросила как можно небрежнее, ввернув в удобную паузу:

- Кстати, ты не мог бы немного одолжить мне?
 - Сколько? – улыбнулся он готовно.
 - Ерунда. Сотни две. (Улыбка его стала резиновой.) Даже полторы.
- Игорю казалось, что он ничем не выдает себя.
- Прямо сейчас?
 - Если можно – завтра.

Вот оно. Лариса права. Девочка рассматривает его как дойную корову. Не удержалась. Раз у него машина, раз она ему нравится – деньги и подарки разумеются сами собой.

С оттенком внутреннего презрения (ожидал, ожидал подобной просьбы) шутливо вздохнул:

- У меня нет столько в наличности.
- Она как бы не придала значения ответу:
- Ну, может быть, снимешь со сберкнижки.
- Откуда она знает про его сберкнижку? Да и много ли там...
- Какие сбережения у нищего аспиранта, – вздохнул он.

– Мне казалось, ты такой бережливый, организованный, – протянула Валя, подпуская нотку разочарования. – Я бы могла взять у родителей, но они и так на меня тратятся.

«Но незачем посвящать их в мои траты», – перевел он ее слова.

Ему хотелось смягчить ситуацию, спустить на тормозах, но Валя вперилась испытующе – внутренняя неловкость нарастала.

– Ты не бойся – я отдам, – произнесла она сакраментальную фразу, пахнущую ледяным насмешливым леденцом.

«Значит, если б мне понадобились деньги, пришлось бы вот так унижаться, и после длительных раздумий и взвешиваний он бы осчастливил золотым дождем на сумму в двести деревянных. И не чувствует, что сейчас получит в рожу свой поганый журналистский кофе!»

Когда двое не понимают друг друга – непонимание взаимно.

«Значит, она уже считает естественным располагать моими деньгами? Дает понять, что не тратить больше, чем было, на такую заметную девочку – фи? Или – намек, что такая сумма сделает ее покладистой? материальный эквивалент ее благосклонности? Да, раз богат, родители не нищие, – что ж будущей родственнице не пользоваться деньгами?»

Он опасался и вызвать презрение, и поступить неверно, и поссориться; сыграл, как всякий нерешительный человек:

– Завтра принесу, – и легко расслабил улыбку.

– А... триста сможешь? – наиграла она.

– Конечно, – проглотил он.

Сомнения ее рассеялись: конечно, откуда у него столько при себе! На миг вновь почувствовала себя влюбленной, глаза ее сказали об этом. Он щедр, добр, бескорыстен, даже не спросил ее ни о чем.

Выражение ее глаз как раз укрепило Игоря в подозрениях. Она даже не считает нужным скрывать, что рада деньгам и за деньги согласна любить его. Презренье, государь, презренье! Мелкая шантажистка, динамщица, хищная плотвичка.

Результатом мучительных размышлений явился назавтра компромисс в сто рублей.

– Извини... это все, что было у меня на книжке (вранье). И стипендия еще не скоро.

– Спасибо! Но... – Валя спрятала деньги. – Мне срочно. Мне нужно! – с чувством и значением сказала она.

Он смутился, похолодел. Нужно. На что? Лечение? Она кому-то должна? Комплекс содержанки?

– На что? – вслух произнес он.

«Вот и спросил. Вот и все благородство. Жаден, подозрителен, лжив... противен!»

Объяснение про куртку прозвучало очень детально и неубедительно. Эта неубедительность окончательно доказала несчастному, что его водят за нос, причем в неизвестную сторону водят!

– Я боюсь, что в ближайшие дни у меня не будет такой суммы, – размеренным голосом подал он отрепетированный текст.

«Вот и отказал. И дал понять, сколько именно я для него стою. Господи, да он же мелок!...»

Через несколько дней она вернула деньги с милой благодарностью, сделав вид, что все в порядке.

27. Женские преимущества.

За цепью случайностей всегда кроется чья-то воля – будь то воля провидения или конкретных лиц. Ларику нужна была Валя, Ларисе – Игорь, и две эти вполне разумные силы исподволь и непреодолимо растаскивали нашу пару в разные стороны.

Очередное конкретное лицо появилось при дружеском застолье Игоревой компании. Лицо было длинноносое, худое и слегка асимметричное. Обладательница подкачавшего лика искупала некоторый недостаток природных данных избытком французской косметики и сдержанной ослепительностью туалета – по последней парижской моде!

– Знакомьтесь – Лена, – представила ее Лариса. – Моя подруга. (Лицо подруги чуть поморщилось, что не приблизило его к симметрии.) Мы вместе отдыхали в Пицунде.

Лена подала руку высоко – при желании можно было счесть ее поданной для поцелуя. Игорь, помедлив, ограничился пожатием, и колебание его от Вали не укрылось.

Расселись, и Лена оказалась напротив Игоря, имея полную возможность одаривать его взглядами столь же долгими, сколь претенциозными обдавались остальные.

С дефицитов и политики речь естественно перетекла за границу.

– Когда я в последний раз была в Лондоне, англичанка, в доме которой я жила, удивлялась: «Как, вы не знаете, сколько фунтов сегодня потратили?» Я спрашиваю: «А вы знаете?» И она называет с точностью до пенса!

Лена настолько не сомневалась, что является центром компании, что ее и стали воспринимать как таковую: неоспоримые преимущества наличествовали. Красочные картины забугорья разворачивались небрежно, как надоевшие карты соседнего района:

– Но даже немецкую аккуратность нельзя сравнить с французским скупердяйством. Считают каждый сантиметр, выгадывая на всем: позвонить по телефону из гостей – вот и полтора франка экономии.

– А хороши ли француженки? – сунули неотвратимый вопрос.

– Франция и Париж – разные вещи, говорят французы. Самые дорогие парижские манекенщицы – шведки и американки. Парижанки похожи на серых мышек... но – обаяние! но – шарм! но – макияж!..

Игорь плавал в беседе. Валя сидела на втором плане.

Зашевелились, разбрелись, начали танцевать. Игорь осведомился у Ларисы:

– Кто эта болтуня длинноносая?

– А что?

– Так. Она что, такая выездная?

– Она дочка академика Петрицева. Единственная и незамужняя, если это тебя интересует.

Слоистый дымок, розовый от торшера, уплывал в дышащую морозом форточку. Улучив минуту, Лариса шепнула Вале:

– Не ревнуй: это чисто деловой интерес.

– Да?

– Он строит карьеру, а Леночкин папа при желании может все устроить в два счета.

– Что – все?

– Хорошее место, докторскую в тридцать лет, кафедру...

– Но, видимо, он стал бы стараться лишь для собственного зятя?

Лариса замаялась; пропустила смешок:

– Ты ведь не допускаешь, что он променяет тебя на такую..?

– Боюсь, мне нечего противопоставить ее преимуществам.

Вечер был разбит. Осколки составили новую картину, как стекляшки калейдоскопа.

Вообще для того, чтобы соперник потерпел фиаско в любви, не надо прикладывать никаких дополнительных усилий. Достаточно лишь обратить внимание на ошибки, которые он обязательно наделает (как делает их каждый). Подожди, пока он сам выроет себе яму.

Игорь продолжал рыть себе яму с усердием китайского землекопа.

– Вы меня проводите? – спросила (позволила! предложила?) Лена. Он слегка засуетился на месте.

В голове всегда есть место расчету – в первом ли ряду, в пятом ли... Карьера для аспиранта! Цепь поступков уже рисовалась ему. Другое дело – он отнюдь не был готов совершить их все. «Если бы...» – мечтания обычные: если б женился на дочке министра, если б вылизал тому-то... Большинство «если» сразу и навсегда переходят в область нереализованных возможностей: нельзя винить человека в том, что разум его отмечает реальные средства для достижения цели; так мысль о подлости не равна ее совершению.

Но для Вали подлость его высветилась, как прожектором. Заискивать перед уродиной!.. А что – удачный брак, родители в восторге, и чтоб подняться на ступеньку вверх, изволь спуститься на голову вниз. Как видим, мысль ее изрядно опережала события – что и свойственно горячей юности.

Игорь пошел провожать Лену до такси, чувствуя себя обольстителем с той стороны, что была обращена к ней, и предателем – с той (задней!), что была обращена к Вале. «Ничего страшного, подумаешь. Перетопчешься!»

Можно любить бандита, подлеца, но не лакея!

Когда он поднялся обратно, ее уже не было.

28. Как теряют батальон.

- Девочка хорошая, но надоела.
- На вид она недотрога.
- Черти в тихом омуте.
- Это пикантно. И долго ты ее приручал?
- Три вечера.
- Совсем ручная?
- Абсолютно. Исполнение всех фантазий.
- Ты пресыщен, если собираешься ее бросить.
- Пока не хочется расставаться с ней вообще. Так, иногда...
- Уступи мне!
- Прошу. Сколько дашь? (Смешок.)

Первый голос из-за тонкой двери ванной принадлежал Игорю, другой – его приятелю Алексею. В руках Вали покосился поднос с грязной посудой, который она несла на кухню: звякнули вилки и ножи. Этот вечер, проведенный вместе по инерции, был явно лишним. Инерция уже разносила их.

Фанфаронство – признак бессилия, но оскорбленная девушка мало способна к логическому анализу. Не было желания вышибить тонкую дверь, увидеть лицо и плюнуть в него; не было даже омерзения. Лишь легкая спокойная пустота там, в груди, где раньше что-то было.

– То-то он, поди, удивляется, куда пропала несуществующая дочь академика Петрищева, – засмеялся Джахадзе.

– Каждому свое, – безжалостно сказал Звягин, разворачивая газету.

– Слушайте! – возвестил Гриша, не отрываясь от зачитанной книжки. – Прямо к месту: «Женщину теряешь так же, как теряешь свой батальон: из-за ошибки в расчетах, приказа, который невыполним, и немыслимо тяжелых условий. И еще – из-за своего скотства». А?

– Это еще что за любовник-милитарист? – удивился Звягин.

– Эрнест Хемингуэй. «За рекой, в тени деревьев».

– Настоящий мужчина не допустит скотства, – поднял палец Джахадзе.

29. Напоминать о себе надо своевременно.

Железный лес
в стране чудес
И иней на ресницах
Обманный сон
венчальный звон
Пусть счастье ей приснится
Ей дни легки
и сны крепки
и счастье спит, доколе
мы план клянем,
ей строя дом.
Нет доли в чистом поле.

Стихотворение называлось «Стройплощадка». Фамилия с несомненностью свидетельствовала, что написал его Ларик.

– Валька, так это он? – подруга ткнула в газету.

Легкий укол ощутила Валя. «Смену» читал весь Ленинград.

Значит, он не пропал без нее, не уехал, – он печатает стихи, его теперь знают... Тень обмана, шорох кражи язвили ее: из-за нее он пишет стихи, она вдохновила его, – а сама вот, здесь, одна. Стихи по праву принадлежат ей, одной из всех, а она должна делать вид, что не имеет к этому отношения!.. Если б он продолжал бегать за ней – можно повести носом, отвернуться презрительно; или наоборот – показать признательность, здесь ей было бы приятно... и вот – набрался чувств, и теперь выставляет их напоказ.

Пренебрежительно повела плечиком, вернула газету:

– Так себе стишки... ничего.

– А ты знала, что он пишет? – Полгруппы уже запрудили коридор, заглядывая друг другу через плечи.

И – гордость: все знают, как он по мне сох.

– Понятия не имела. – Спихватилась, что, значит, чего-то самого ценного, важного в нем не знала: – Я никогда этому не придавала значения. – И опять прозвучало плохо: не придавала – значит, не разглядела, не поняла, а теперь поздно...

Она была слишком женщиной, чтобы не сомневаться в реакции подруг: он талантливый, пробросалась, и с Игорем не вышло у тебя, больно много о себе мнишь, так тебе и надо...

Вечером она взяла газеты с отцовского стола, вырезала стихи и спрятала в старую тетрадку. Думала: вспоминала... Хотелось, чтоб он позвонил, просил о встрече, приполз на брюхе, вилля хвостом... и тогда можно было бы посмотреть, что с ним делать. И чего он исчез... дурачок. Нет – она же сама его оттолкнула, заставила уйти. Да не нужен он ей, надоеда! Но чего стоят все его клятвы, чувства... Ей и сейчас достаточно пальцем шевельнуть! Ой ли – достаточно?... Возмутительно, что он смеет хорошо жить без меня, когда мне не очень хорошо, – так можно было бы сформулировать итог ее размышлений – вечерних, предсонных...

Если Ларик надеялся на подобный успех своего литературного демарша, то он мог поздравить себя с полным успехом.

Хотя поздравлять, по совести, следовало Звягина. Ибо отношение Ларика к стихам ограничивалось подписью фамилии.

Стансы сии явились плодом труда всего семейства, апофеозом коллективного начала в литературном творчестве: Звягин задавал тему, дочь перерывала библиотеку в поисках подходящих строк как источника вдохновения и подражания, а жена мечтательно выводила слова. На лучшие рифмы объявляли конкурс. Результат превзошел скромные ожидания инициаторов.

– Ты смотри! – поразился Звягин. – Вполне приличные стихи накатали – за один вечер. – Он задумался. – Эдак через пару месяцев можем сборник отнести в издательство! А что? – развеселился, – пристроим. Не хуже других.

– О, какая ужасная графомания, – сказала жена, берясь за виски.

Дочь же переписала их с намерением обнародовать завтра в классе, каковая попытка и была Звягиным пресечена в корне:

– Поэзия есть таинство, и таинством останется. Предназначено исключительно для печати.

Механизм опубликования, столь мучительно-загадочный для начинающих поэтов, был протернут с четкостью автоматного затвора: звонок знакомому журналисту. Какой журналист не захочет отслужить хорошему врачу – хоть тем малым, чем может? Социальная значимость человека определяется тем, что он может для тебя сделать – а врач может много. Вирши молодого рабочего в газете – услуга нетрудная, безобидная, ответсекр «Смены» – приятель однокашника, тесен литературный Питер, все свои; через три недели напечатали.

Ларик получил двадцать два рубля гонорара. Гонорар Звягин отобрал, заметив, что деньги принадлежат тому, кто их заработал, с Ларика еще причитается за рекламу, а пойдет все на покрытие накладных расходов. К расходам относился кофе, ненавязчиво перешедший в ужин, со знакомой редакторшей телевидения.

– Познакомь с ведущей «Музыкального ринга», – попросил он, щелкая зажигалкой у ее сигареты и гипнотизируя официанта.

– С Тamarой Максимовой? Зачем?

– Хочу задать вопрос во время передачи.

– Ты? Какой? Спроси так!

– Повторяю для особо одаренных:...

– Ты хочешь попасть на экран? А тебе на что?

– Хочу устроить одного знакомого.

– Кто такой? А сколько ему лет?

– Двадцать. Молодой рабочий.

– Это не так сложно. Интригуешь, как всегда? Боже, из каких сапог они вырезали этот бифштекс?..

И через неделю после публикации стихов (время расчислили грамотно), когда Валя сидела перед телевизором, внимая «Бригаде С» на ринге, прозвучало:

– А теперь вопрос от сектора «Б»! Сектор «Б»!

На экране встал Ларик – уверенный, улыбающийся, в тонком сером свитере под замшевой курткой, и спросил (она на миг поплыла):

– Вам не кажется, что ваш лобовой напор на нехитрый, иногда и примитивный смысл песен снижает их уровень как искусства?

Все дальнейшее она воспринимала под легкой шандарахнутостью. Когда камера шла по лицам в зале, еще два раза видела Ларика.

Он выглядел прекрасно. Он был почти знаменит. Это задевало. Ей было бы приятнее, если б у него все было плохо. И одновременно – совесть тенькала о зле, причиненном ему. Захотелось позвонить и сказать, что рада за него и просит прощения – но так сказать, чтоб понял, что она живет лучше него и он ей не нужен.

30. Обходите цель с фланга.

Пара из Валиной группы шествовала после занятий по заснеженной набережной: навстречу – о, случайно! – Ларик с двумя друзьями.

– О, Ларик! Ты стал знаменитостью у нас!..

– Привет, Нин! Как дела? – Отмахнулся от поздравлений: – Знакомьтесь: Володя... Коля...

Представленные Володя и Коля изобразили на лицах максимум мужского обаяния.

Нашлось время, поскольку нашлось желание, а почему нет, – отправились в «Гном» пить кофе. Очередь сближает людей: пока достоялись и сели с чашками – и разговор налачился. Направленность разговора была отчаянно интеллектуальной – со студентками Института культуры о чем же и говорить, как не о культуре. Снятые пенки образования взбились в причудливый коктейль: двенадцатитоновая музыка (что за монстр!?), ранняя смерть Пресли, проблемы градостроения, перспективы архитекторов у нас и у них, зарплаты руководителей самостоятельных коллективов, – обсуждение было в высшей степени компетентным.

Умный Володя был сервирован как студент строительного института, правда, перешедший на заочное и сейчас работающий вместе с Лариком.

Девочки торопились читать учебники не настолько, чтоб не пойти в кино. Следующая встреча была установлена естественным порядком.

(– Валька, а знаешь, на кого мы наткнулись вчера на улице? На твоего Ларика! Ну, не твоего, бывшего. Отлично выглядит. Прикинут. Кстати, интересные ребята, есть о чем поговорить.

То-толк под сердце. Не изменяй небрежного выражения, шути!)

...Гостей принимали в чинно-уютной не по-общезитски комнате. Этикетка на бутылке была благопристойной. Еда – вкусной.

– Архитекторы сродни политикам, – беззастенчиво пересказывал Ларик даденую Звягиным книгу. – И те и другие заставляют людей жить в среде, которую организовали по своему разумению.

Он твердо помнил три фамилии: Ле Корбюзье, Оскар Нимейер и Вальтер Гроппиус. Вальтер, как явствовало из имени, был немец, Корбюзье, по тому же принципу, француз, и Нимейер построил Бразилиа. Главное было не перепутать и огибать неудобоваримые вопросы.

Опасения были излишни: образование слушательниц пополнялось на глазах. Эрудиция Ларика сверкала вне подозрений и даже приблизилась к опасной грани занудства: не сильно ли умный, будь проще – и к тебе потянутся люди.

Студент Володя был проще: рассказал пару анекдотов и попросил гитару; настроил, потренькал, кивнул Ларику свойски-уважительно:

– Давай твою.

Песенка была куда как незатейлива, и к тексту ее, равно как и к музыке, Ларик имел столь же косвенное отношение, как и к стихам, принесшим ему весьма относительную славу.

Нине он определенно нравился. Всей позой она выражала это.

Старая, как мир, комедия «ревнуй к подруге».

Вале пересказали в подробностях. Женской интуицией она допускала возможность подобной игры, но когда задеваются чувства – доводы рассудка бессильны. Ларик и она продолжали существовать в параллельных мирах, раздражения и неприязни не было в помине; и его мир начал наводить какое-то магнитное поле на мир ее.

Неслабое ощущение вызвало явление Нины в институт в заячем тулупчике – визг моды сезона.

– Нинка, где достала?

– Фирма!

– И за сколько?

– Двести рублей. Ничего особенного. Ларик принес. У них в общаге срочно продавался. Удар был точен. Тулупчик пришел именно за свою цену, – чтоб никакого чувства обязанности, никаких подарков и услуг. То, что Звягин подключил свою знакомую, а та – продавщицу в комиссионке, никого не касалось; поди найди такой.

Игла вошла, заноза ощутилась: в Вале шевельнулось пренебрежение к недолговечности его чувств, к малоинтересности Нины, не стоившей ее, Вали, ни в чем, и легкая зависть, что у нее этой вещи нет и никто не достанет, и обида на свою неудачливость, и ревность, – ревность? да нет, что за ерунда!..

– Тебе хочется ее видеть? – мягко спросил Звягин.

– Конечно, – Ларик вертел чашку.

– Этого нельзя. Еще не время.

– Понимаю.

– Выбрось ее из головы! Выбрасывай каждый день!

– Я так и стараюсь.

– И делать будешь то, только то, что я сказал.

– Я так и делаю.

– В бассейн ходишь? Под кварцем загораешь? Ты должен быть сильным, красивым, веселым, уверенным в себе, понял?

31. И если ты своей владеешь страстью, а не тобою властвует она.

«Я схожу с ума. Я боюсь не выдержать. Я хочу видеть тебя ежечасно, ежеминутно. Я люблю тебя. Я думаю о тебе все время. Я помню тебя постоянно, я помню тебя всю, у меня темнеет в глазах, все валится из рук, хочется заснуть, забыться, я устал, я смертельно устал от боли, от муки, у меня нет сил. Какая пытка – знать, что в любой миг я могу схватить такси и через полчаса увидеть тебя, успеть тебя обнять, сказать, что я люблю тебя, – а там будь что будет. Я говорю с ней... с Ниной, а сам плохо соображаю, что говорю, смотрю на нее – и не вижу, но все-таки мне легче с ней, это отвлекает, помогает забыться, и на миг забудешь, зачем это все – и вдруг покажется, что все нормально, что продолжается жизнь, что ничего страшного нет в том, чтобы быть без тебя... А потом вдруг накатит черное, ледяное, страшное – неужели можно прожить без тебя всю жизнь, состариться без тебя, исполнится двадцать пять лет, и тридцать, и сорок, и пятьдесят, старость, все прошло, ты замужем за другим, дети, внуки, седые волосы... я не вынесу этого, не смогу, я хочу умереть, что толку жить, когда утром просыпаешься с мукой, каждый новый день – тоска, боль, тяжесть, и хочется сбросить этот груз, вздохнуть один раз спокойно всей грудью – и уйти, заснуть, забыться. Я не могу без тебя жить. Мне незачем без тебя жить. Мне не хочется без тебя жить. В жизни без тебя просто нет ничего хорошего. Чего ради... Но можно тебя вспоминать. У тебя сияющие глаза. У тебя такой чудесный смех. У тебя такие маленькие теплые руки. У тебя самая гладкая кожа в мире. У тебя такая узкая талия. Лучше не думать, это слишком больно. Ты с ним. Ты была с ним. Как я могу это пережить. Я жив, я не сошел с ума. Но когда боль чуть утихает, я сам начинаю вновь вспоминать о тебе, и вновь и вновь переживать все, что было, и грезить обо всем, чего не было. Зачем я стремлюсь к этой боли, лишь только она чуть стихнет?... Ты не мучила меня, ты ни в чем не виновата, ты такая, какая есть, ведь ты ничего мне не обещала, ни в чем не обманывала, ничего у меня не просила, я сам, я все сам. Мне не в чем винить тебя, я благодарен тебе за все, за то, что ты есть, за то, что была со мной, за то, что я узнал, что такое счастье бывает в жизни, за то, что люблю тебя, за то, что были минуты, когда я верил, что ты меня любишь... Мне не

жалко будет умирать – я узнал то, что мало кто знает, я пережил то, что редко бывает в жизни. Я хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы у тебя все было хорошо, ты достойна лучшего, чем я, я не стою тебя, ты встретишь лучше, умнее, сильнее, красивее, достойнее, но ты никогда не встретишь того, кто будет любить тебя сильнее, чем я, крепче, вернее, кто примет за тебя столько боли, кто будет счастлив умереть за тебя. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты была вечно. Принцесса из принцесс, самая красивая, милая, милая, желанная, единственная, любимая моя, любимая, светлая моя, я не могу без тебя жить, не хочу, не буду. Еще чуть-чуть, выдержу ли я еще чуть-чуть, немножко, еще час, еще час, еще день. В конце концов я всегда могу прекратить эту муку, броситься к тебе, увидеть, услышать твой голос... Пусть тогда все будет кончено навсегда, у меня нет сил. Сутки счастья с тобой, несколько часов, один час – и провались все на свете, у меня будет час счастья в жизни, хоть один час. Я сам не понимаю, как я выдерживаю, как я живу, я будто смотрю на себя со стороны, мое тело как чужое, оно двигается, живет... как странно, я не с тобой, почему я здесь, без тебя, зачем я вообще без тебя. Выдержать, выдержать! Я знаю, это мой единственный шанс, держать себя в руках, держать! Милая, любимая, горе мое, судьба моя, счастье, единственная женщина в мире, которая мне нужна, я сделаю все, я все смогу, всему научусь, все вытерплю, я соберу всю волю, зажму все нервы, я буду каменным, холодным, бесчувственным, только бы ты была со мной, была со мной, была моей, девочка моя, свет мой, милая моя, милая, единственная...»

– Что-то у тебя глазки затуманиваются? – с издевкой спросил Звягин.

Ларик вздрогнул и вздохнул, как очнувшийся от сна.

– Запомни: бывают желания продленнее настроения. Хочешь, чтоб тебя любили? Будь сильным!

– А это что? – Ларик развернул листок.

– Прими сей плод ночей бессонных, – витиевато отвечал Звягин. – И утром, ото сна восстав, читай внимательно Устав!

«Как добиться любимой женщины:

1. Всегда держать себя в руках, иначе крышка. Думать, что делаешь.

2. Быть не таким, как все. Выделяться, поражать воображение, иметь какое-то особое качество.

3. Изучить все ее сильные и слабые стороны – чтоб уметь на них играть.

4. Научиться видеть себя и ее – ее глазами.

5. Уметь льстить, уметь вызывать жалость.

6. Пока она не стала полностью твоей, ни в коем случае не давай ей почувствовать всей силы своей любви: она должна быть постоянно неуверенна, что ты не уйдешь в любой момент.

7. Поставь себя существом высшего порядка.

8. Берегись чувства принуждения, зависимости, обязанности по отношению к себе: человеку свойственно стремиться к свободе – в данном случае это свобода выбора, свобода распоряжаться собой. А потому она может стремиться избавиться от тебя – даже если ты „лучший из всех“ и очень нравишься ей.

9. Умей создать ситуацию и обстановку.

10. Умей ждать случай – и пользоваться им.

11. Никогда ничего не проси: должна захотеть сама.

12. Делай меньше подарков: не обязывать ее ничем.

13. Никогда не отказывайся ни от чего, что она хочет сделать для тебя. Любят тех, для кого что-то делают, а не наоборот. Она должна реализовать в тебе свои собственные хорошие стороны – и привязаться к тебе поэтому.

14. Помни: основной рычаг – самолюбие, основное средство – боль, основной прием – контрасты в обращении.

15. Умей сказать „нет“ и уйти. Этим никогда ничего сразу не кончается. Откажись от малого сейчас, чтобы получить все позднее.

16. Старайся не придумывать и не лгать – но никогда не открывай лжи: это может иметь самые скорбные последствия.

17. Добивайся всего – но не смей травмировать ее душу. Не избегай любых средств. Не принимай во внимание сопротивление.

18. Обрети культуру секса – как хочешь. Иначе окажется мерзость вместо обещанного блаженства.

19. Давай поводы для ревности – но чтоб они не подтвердились.

20. Умей показать ей свое презрение.

21. Не торопи события.

22. Разумеется, выжми все из своей внешности, одежды, речи.

23. Перечитывай постоянно:

Стендаль, „Красное и черное“, „О любви“.

Лермонтов, „Герой нашего времени“.

Пруст, „Любовь Свана“.

Гамсун, „Пан“.»

32.

Когда все силы человеческой души напряжены до предела, а переломный период юности ощущается и сознается решающим в жизни, человек способен меняться сказочно быстро.

Еще недавно ему не хотелось жить, но своей любовью он был пригвожден к жизни, как бабочка иголкой к картонке. Картонка была черного цвета.

Недавно внутренняя уверенность в своих глубоких достоинствах совмещалась в нем с абсолютно противоположной убежденной неуверенностью в своих возможностях; что вообще свойственно юности.

Он пер вперед и вверх, как штурмовик на форсаже: остановиться – сорваться в штопор, но такой и мысли не мелькнет. Он будет архитектором. Он первым приходит на работу и последним уходит. Он уважает себя, и его уважают другие. ОН ВСЕ МОЖЕТ!

Энергия и значительность! Значительность и энергия! Он старался чувствовать себя генератором, увеличивающим обороты.

33. День рождения.

Давно не собиралась она никуда так тщательно. Не рисовала глаза так долго. Не поворачивалась столько перед зеркалом, снимая одно и надевая другое. В конце концов, убедившись в своей привлекательности и женской значимости, подумала о Ларике с жалостью. Бедняга, не в первый раз он будет пытаться что-то из себя строить. Ее разбирало любопытство от предстоящей встречи, хотелось взять реванш и поставить все на свои места: она – повелительница, он – проситель. Хотя подсознательно предпочла бы, чтоб от роли просителя он отказался. В этом и заключалась ее ошибка: в любовной борьбе, как и любой другой, опасно недооценивать противника.

Сбор в общежитии назначили на шесть. Она пришла в половине седьмого: пусть подождет, повибрирует, придет она или нет.

Его не было. Еще укол.

В комнате шумели, теснились, сдвинули принесенные столы.

– Валька, привет! Вечно ты опаздываешь.

Веселье раскручивалось, шутки сыпались, тосты имениннице провозглашались... почему он не пришел? Спросить об этом было, разумеется, невозможно. Значит, не очень-то они с Ниночкой и знакомы? Или наоборот – боится, что встретит Валю и переметнется обратно? поэтому не пригласила? Или он тоже опаздывает? Душевное равновесие было утеряно, неизвестность раскачивала нервы.

– Мальчиков мало, – с сожалением сказала Нина. – Ларик с Володей предупредили, что у них срочная работа, не смогут, наверно. Или – очень поздно, к концу.

Так – придет он или нет? Досадно – что, все ее приготовления напрасны? Ведь знал, что она придет – и не смог освободиться? Или – еще придет? Неизвестность затягивалась. Для нее уже имело значение всерьез, придет он или нет, и это злило.

Уже кого-то сводили потопнить в туалет, уже убрали столы, и накинули платок на настольную лампу: интим, и загремел маг, когда в дверь постучали.

Ввалились Ларик с другом, замерзшие и веселые, со свертками:

– Поздравления деятельнице культуры от братства вольных каменщиков! Еще пускают? Извините, раньше – никак: созидаем!

Произошло легкое оживление, зазвенели в поисках чистых стаканов, именинница подставила щечку для поцелуев, каковые и были нанесены подобающим образом.

Валя старалась не смотреть в ту сторону, но это было неестественно, не замечать – значит выдать себя, надо же поздороваться, позволить ему поймать свой взгляд; она сразу утратила нить разговора, который вела.

Через минуту, адаптировавшись в полумраке комнаты, Ларик заметил ее, кивнул дружески и приветливо, с точно отмеренной дозой радости от приятной встречи – не более; спокойно кивнул. Посаженный рядом с Ниной, он наворачивал из тарелки, в меру прикладывался к стакану и рассказывал с набитым ртом, как вкалывали на оглушающем морозе и добирались потом в кабине трейлера-плитовоза. Он выглядел здесь совершенно освоившимся.

Это не могло не задеть. Валя предпочла бы сейчас, чтоб он не приходил. Раньше – почти ее собственность, он был здесь сейчас независим, сам по себе, званный гость: он как бы занял собой часть жизненного пространства, куда ей входить было неловко; таким он стеснял ее. Отнюдь не несчастный – кандидат в знаменитости, ну прямо восходящая звезда. У нее испортилось настроение, ощутилась своя чужеродность окружающему веселью – на которое он, чужой здесь без нее, не имел права!

Его шутки определенно нравились девчонкам, они смеялись. «Раньше они его жалели. Оуждали меня за жестокость. Завидовали – во как мальчик стелется! Теперь – торжествуют. Нарочно все подстроили, чтоб меня уколоть...»

Она преувеличивала – но доля правды в этом была...

Захотелось уйти... но сделать это сразу было невозможно, не расписываться же в своих уязвленных чувствах. Гордость заставила ее изображать веселье; бутылки на столе еще не опустели. Она смеялась чуть громче, выглядела чуть беззаботнее, чем надо.

Ларик не избегал ее, летуче улыбался, парил в собственном пространстве.

Увидев ее, он сразу утерять способность соображать. Всей силой воли удерживал последовательность программы: стол, шутки, танцы, разговор с Ниной об архитектуре – это вызубрено, думать не надо. Улыбка и взгляд репетировались неделями, задача была в том, чтоб не забыться – не смотреть на Валю слишком долго. Он почти не пил – инструкция была строга: полный самоконтроль.

И когда в танцах они почувствовали, увидели друг друга совсем рядом, он – владел собой полностью, она – была готова и даже не прочь поддаться появившимся чувствам, впрочем, не видя в них никакой опасности для себя. Всем женским существом она жаждала утвердиться, услышать вновь, что она – самая-самая, ощутить свою значимость и власть над мужчиной.

– Как дела? – спросил он первый, ровный голос, добрая улыбка.

– Отлично! – в ответ – сияющая улыбка, явный перебор, выдающий желание казаться более преуспевающей, нежели есть, ответ слишком поспешный, хорошая мина при плохой игре; она выругала себя. Но он сделал вид, что поверил, подыграл:

– У тебя иначе и быть не может. («Может! Идиот!..») Выглядишь ты замечательно. – В последних словах ей послышалась фальшь, снисхождение, пустой комплимент.

Мнительность овладела ею, сразу стало казаться, что выглядит она плохо, гордость заставила распрячиться, сбиться с такта, она искала такие слова, чтоб дать ему почувствовать, что она его жалеет, что она значительнее его, – и не находила.

– Как ты здесь оказался? Не выдержал?

Удивленное лицо:

– Ты здесь не при чем. Спроси у Нины. Вообще-то я не хотел идти, устал ужасно, но Володя просил, ему одному неудобно было.

– Верный друг... – произнесла она иронически.

– Если хочешь, мы можем делать вид, что незнакомы. Но по-моему это детство. Да и зачем?

Музыка развела их, потом пленка кончилась, он подал Нине руку, другую полуобнял за плечи и повел к столу, где резали торт.

– ...Первыми цельнорамные окна применили американцы в конце прошлого века в Чикаго, – доносился голос Ларика. – Но они сразу ставили принудительные вентиляторы с фильтрами, а потом – кондиционеры. А в наших жилых домах отсутствие форточек – дань не столько моде, сколько идиотизму: для проветривания открывать окно целиком и терять массу энергии на отопление, для мытья – разбирать раму, оконное нет. Зато строители экономят на оконных переплетах. На макете красиво выглядит. А вдолбить это в головы Госстандарта – задача для бронетанковых сил.

Когда это он стал таким умным? Или всегда таким был?.. Еще недавно выглядел просто-сероват, ниже их уровня; не студент. А сейчас его слушают...

– ...первым каменным дворцом в Петербурге обзавелся светлейший Алексашка Меншиков – раньше Петра. Петр указал на стрелке место для Двенадцати коллегий и отбыл по делам в Голландию. Меншиков умело провел экономию строительных материалов и прежде, чем приступить к строительству государственного объекта, из излишков моментально соорудил себе дворец, развернув его окнами на Неву. После этого оказалось, что для Двенадцати коллегий места вдоль берега уже не хватает, и Меншиков принял гениальное решение – ставить здание поперек стрелки, к Неве торцом. Что и было сделано – к дикой ярости вернувшегося Петра. Полная длина коридора там – четыреста двенадцать метров, и вот по этой четырехсотметровой царь, лично возглавлявший приемную комиссию, катал пинками вопящего Меншикова. Однако было поздно – средства истрачены, здание построено, и, попиная строителя вволю, дом приняли. С тех пор в принципе мало что изменилось...

Застолье хохотало.

Речь зашла о концертах приезжающей Раффаэллы Карры.

– Вот бы достать билетик!..

У кого-то оказалась знакомая в кассах.

– Лафа Верке.

Опять танцевали, опять они оказались рядом. Она явно стремилась к разговору – в то время как он, судя по всему, относился к ней спокойно и равнодушно. Он показался ей взрослым. Всегда раньше – мальчишкой, и вдруг словно перерос ее.

– Ты же у нас теперь знаменитость, достал бы билетик.

Ларик спокойно пожал плечами:

– Подвернется – достану, – и тут же отвернулся, удалился, давая понять пустоту и необязательность своих слов.

Начинали расходиться; она медлила. Нет, они с Володей уходить не торопились.
– Мальчики, вы поздно пришли, побудьте еще. Намерзли за день, толком еще не отогрелись.

Народ редел. Тянуть делалось неприличным. Она извлекла из груды на кровати свое пальто. Сейчас он встанет и проводит ее.

Фиг...

– Счастливо оставаться!

– Спасибо, что пришли!

Втроем с подругами они дошли до метро, вход клубился светом и паром. О Ларике тактично не говорили, и это умолчание было хуже разговора...

Перед сном она от досады, унижения, жалости к себе тихонько всплакнула в подушку.

Если б Валя могла знать, что через десять минут после ее ухода Ларик спустился на улицу, качаясь от усталости и горя, крепя все силы, чтоб не позвонить ей из автомата, не схватить тачку и помчаться, чтоб успеть к подъезду раньше нее, дожидаться, увидеть, взять за руку, заглянуть в глаза, – она заснула бы счастливой.

Это ее счастье не было бы долгим, сурово предостерег Звягин.

34. Есть лишний билетик.

Удивительно, сколько горя должны принести люди друг другу, прежде чем стать наконец счастливы – если уж очень повезет.

– И помни: если тебе надо пройти по канату сто метров, то даже пройденные девяносто девять ничего не значат. Здесь все решает последний дюйм! – Звягин чуть отодвинул записную книжку от дальнозорких глаз, потянулся к телефону:

– Елена Анатольевна, как самочувствие? Рад... Не за что... На этот раз можете... Пару билетиков на один концерт, решил вот выбраться в свет.

Подмигнул горящему надеждой Ларику и подумал, что если дочка узнает об этих билетах, она его съест. «Причем правильно сделает».

Вот таким образом и подал голос в свой час Валин телефон:

– Ты дома? Привет. Я буду в твоих краях, могу закинуть билеты на Раффаэлла Карру. Через полчаса.

Она слегка заволновалась. Подумала. Переделась. Разложила учебники по столу: занимается, ей некогда. Поставила чайник; изготовила заранее бутерброды. Решила: для первой встречи вполне хватит часа, пусть знает – у нее много дел поважнее.

Но – пригласил, да куда! Расшибся ведь за эти билеты. Хорошо: она пойдет. Интересно, как он будет держаться. Все-таки она много для него значит, если стоило обмолвиться – и несет в клюве. Валя даже почувствовала разочарование: он по-прежнему ведет себя как паж, это неинтересно... но приятно. «Надо быть помягче с мальчиком». Именно так: «Надо быть помягче с мальчиком».

Прошло не полчаса, а час: она поглядывала в окно; ждать – это всегда выталкивает из равновесия.

Ларик появился – веселый, спокойный, сам по себе.

– Замерз? – (Слышал ли он через дверь ее торопливые шаги?) – Раздевайся. Чаю хочешь?

– Я на одну минуту, – с порога объявил он. – Извини, ждут.

И сразу сломал настрой – выиграл очко.

– Знакомые с телевидения достали. Я-то как раз буду в вечернюю смену – конец месяца, объект горит.

Разве мы не пойдем вместе, удержалось у нее на языке. Значит, отдает просто потому, что сам не может?

- Что ж ты их не вернул? – спросила она едко: даже не попытался пригласить с собой!
- Обидятся: благодетельствовали, а он еще пренебрег.

Даже не намекает, что она найдет с кем пойти, просто закинул билеты – и покатился дальше по делам.

- И не лень тебе было ехать?

Фи, сказал он, как не стыдно. Но деньги взял, очень просто.

- Я на машине, было почти по пути. Салют!

У окна она отогнула занавеску, чтоб он не заметил ее, если взглянет вверх, как всегда было раньше.

Он не взглянул. У подъезда стояли бежевые «Жигули», пикап. Ларик сел рядом с невидимым ей водителем, машина выпустила клуб ватного дыма, выбросила снежные фонтаны из-под буксующих задних колес – и умчалась.

- Вы что, помирились? – спросила мать за ужином.

- А мы и не ссорились, – качнула ресницами Валя.

- Что ж он приходил? И так ненадолго.

- Просто билеты занес. На концерт.

Она не отказала себе в иезуитском удовольствии пригласить Нину. Горечь рассеялась, лишние билетки стреляли за километр, они протолкались ко входу, млея от причастности к избранным.

Так или иначе, он доставил ей удовольствие.

В принципе он мог бы позвонить позднее вечером, или на завтра: прекрасный предлог – поинтересоваться, как концерт; возможно, спросит как бы мельком, с кем она была – «с одним человеком», ответит она уклончиво, но будет разговаривать не слишком холодно, чтоб не оттолкнуть; возможно, он пригласит ее еще куда-нибудь. Она ответит, что пока не знает, сможет ли, пусть он позвонит еще раз.

Он не позвонил ни на завтра, ни позднее. На второй день, оправдываясь приличиями вежливости, Валя сама позвонила на вахту его общежития (оказывается, еще помнила телефон).

– А из ихней бригады еще никто не проходил, наверно на объекте еще, – с ответственностью в голосе сообщила вахтерша.

Подумалось про мороз, про ледящий ветер на высокой стене, освещенной прожектором, про то, как легко он достал и как легко отдал билеты...

Еще день она тщетно ждала.

(«Фактор времени играет иногда решающую роль, – поучал Звягин, тонко наслаждаясь игрой старого оболстителя, снисходительно передающего опыт пылкому и глупому юнцу. – Чувства изменчивы, они возникают, растут, ослабевают, исчезают, – необходимо выбирать точный момент, когда ее чувства наиболее располагают к успехам твоих действий. Позвонишь в первый день – это будет немногого стоить, означать, что ты проявляешь к ней повышенный интерес и никуда от нее не денешься. На второй день отсутствию звонка она слегка удивится, ей захочется, чтоб позвонил, будет требоваться подтверждение, что она желанна, одержала победу, занимает важное место в твоих мыслях. На третий – самолюбие будет задето, желание достигнет максимума. На четвертый начнет ослабевать, сглаживаться... но если позвонишь – все вспыхнет, еще не поздно. А вот через неделю все отойдет далеко, и результат твоих предыдущих усилий останется невелик...»)

Ларик позвонил поздним вечером третьего дня. Валя схватила трубку, зная, что это он. Ее душе уже была задана работа, и работа эта происходила помимо ее желания.

Его голос слышался прерывисто, издали (трубка иногда прикрывалась перчаткой):

- Валя, ты? Не слышу!.. Что?.. Сейчас перезвоню!..

Она прождала у телефона двадцать минут. Через полчаса (ночь):

– Алло! Что?.. Все автоматы неисправны! Алло!!!

На этом сеанс связи окончился.

(«Задача первого этапа – легкие положительные ассоциации, – развивал теорию Звягин. – А чтоб они возникали – надо изящно всадить крючок в ее самолюбие. Приучить думать о себе без досады, создать не избыток, а дефицит внимания со своей стороны, но – этически безупречный дефицит. Пусть ее душа свыкнется с мыслью, что ты можешь доставлять и радость, и боль, причем первое желательно, а второе – отнюдь. И что твое существование, с другой стороны, ни к чему ее не обязывает. Ты есть – и это значительно, и это неплохо! Понял, нет?»)»

35. Мороз и солнце – день чудесный.

– А если бы она не умела ходить на лыжах?

– Всегда что-нибудь есть, – уверил Звягин. – Умела бы бегать на коньках. Или заниматься плаванием. Или любила сидеть в библиотеке (и сам усомнился). Или толклась бы у «Маяковки» или в «Сайгоне». Твой номер шестнадцатый: выяснять обстоятельства и применяться к ним. Впер-ред, хромоногий! Ларион и Тамерлан – похоже, да?

Идею подкинул в общаге друг Володя; компания составила – на воскресенье. Странно, если бы Валя не приняла участие: хорошие лыжи, приличный костюм, зачет по физкультуре сдала из первых.

Поначалу предлагали Кавголово.

– А кто был зимой в Петергофе? (В Кавголово многовато классных лыжников, такие конкуренты нам ни к чему.)

Никто не был. Решающим прозвучал аргумент:

– А какая там архитектура!

Здравая мысль о приобщении к красоте возобладала. Ларик выглядел большим знатоком архитектуры.

Утром затолкались с гамом в электричку на Балтийском вокзале, заняли три скамейки, протерли замерзшие стекла: поехали!

На Валю смотрели – на нее всегда смотрели: ладная фигурка, грамотный костюм, австрийские лыжи, тихое сияние. Ларик не смотрел. То есть смотрел – не больше, чем на остальных. И не иначе. И не искал возможности поговорить вдвоем. И это сразу создало для нее некоторое напряжение.

Более того – он сидел на другой скамейке, спиной к ней! Он опять смешил всякой всячиной, к нему оборачивались, изредка повертывалась и она, сохраняя естественность поведения и досаду.

Снег искрился, краски блистали под февральским солнцем, купола золотились, Монпле-зир светился кармином сквозь серебряный узор ветвей – красота была выдана по первой кате-гории снабжения. Синие накатанные колеи вились по аллеям, и лыжники скользили по ним с протяжным шелестом.

Ларик бежал длинным легким шагом, правильно натертые мазью лыжи держали сколь-жение, ритм и свет вселяли радость. Смотреть на него было приятно – как на всякого, кто что-то делает хорошо. Валя не знала, что он так спортивен на лыжне.

Он и сам этого не знал еще месяц назад. Пока Звягин не приказал срочно устроиться в секцию – и овладеть в темпе! «Спортсменом можешь ты не быть, но пыль в глаза пустить обязан!»

Он знал повороты и спуски этих аллей наизусть, прокатывая маршрут в лютые морозы, подмечая, где можно лихо скатиться, где удобно тормознуть так, чтоб веер снега взвихрился из-под лыж.

Он скалил зубы – на нее не смотрел.

Трамплинчик на обочье крутой дорожки торчал небольшой, пара любителей из пацанов прыгали раз за разом, пролетая десяток метров над низким настом. Какое ни на есть – а зрелище, ловкость всегда привлекает, нет?

Володя уперся палками вверху разгона, толкнулся, пронесся согнувшись – и преодолел несколько метров воздушного пространства, отчетливо шлепнув лыжами по утрамбованному снегу, сбалансировав руками и неловко тормозя у кустов.

– Ларик, а ты? – подначили.

Ларик утвердился наверху, комично подрожал коленями, покатил все быстрее, кренясь вбок и оседая назад, неуклюже оторвался от обрубленной снежной кромки трамплина и, маша и повернувшись в косом падении боком, зацепился лыжей, кувыркнулся через спину, проехал на животе и встал на четвереньки, стряхивая снег с лица.

Зрители надрывались в восторге.

– Трамплин кривой, – оправдался прыгун, выковыривая из ушей.

– И снег скользкий, – сочувственно добавил Володя.

– Лыжи тяжелые, – пояснили из толпы.

– Ноги кривые, – поправил мальчишеский голос.

Валя хохотала от всего сердца, и были на сердце этом и злорадство («Так и надо»), и тонкий-тонкий наждачный осадок («Опозорился...»). Володя лихо повторил прыжок; девчонки заплодировали.

– Утешительный заезд для неудачников! – шутовски завопил Ларик, карабкаясь наверх. Резко пихнувшись, сложился скобкой и со свистом полетел вниз: толчок! носки лыж подняты, корпус вперед! тянуть параллельно земле! – и почти без хлопка ровно коснулся поверхности далеко от снежного уступа. С хрустом раскидывая из-под ребер лыж радугу, развернулся и четкой елочкой побежал в гору.

– Ура!

«Клоун».

Обгоняя Валю сбоку лыжни, он кивнул с одобрением:

– А ты неплохо ходишь. – Слепил снежок, кинул в Нину и с ней рядом побежал по снежной целине, болтая.

В павильончике у шоссе взяли тепловатый кофе с холодноватыми пирожками. Стекла горели красным, морозец поострел, покалывал.

– Во сколько электричка?

Ларик поискал глазами на автомобильной стоянке, оттянул рукав над часами:

– Извините, мне пора!

– Ты куда-а? Бросаешь?

Он шутивно-виновато развел руками, взял лыжи – вышел. И пошел к «Жигулям»-пикап цвета коррида.

– Стрекозел! – с напускным негодованием кинул Володя. – Зальем горе. Официант – еще две морковки!

И воскресенья как-то сразу кончилось.

Уже в вагоне Нина спросила подчеркнуто незаинтересованно:

– С кем это он отбыл? Личный шофер?

– Какая-то знакомая, – уклончиво пожал плечами Володя.

– Покупай машину, Нинка, – был дан не без ехидства совет.

И это ехидство единственно утешило Валю в ее думах.

– Я подожду того, кто мне купит, – не замедлил пренебрежительный ответ.

Весь вечер несчастная жертва любовных интриг и армейской тактики решала и не могла решить задачу: коли Ларик упорно лезет ей на глаза – он делает все специально ради нее, или

ему действительно нет до нее дела? А что с Ниной? А что за машина? Сумбур и неразбериха... независимость его и нравится, и задевает...

«Так что – я к нему равнодушна? Он имеет для меня какое-то значение?» Открытие ее удивило, задело. Но не настолько задело, чтоб из самолюбия запретить себе думать о нем; думать было все-таки не больно, приятно... однако не без горечи.

Ах, и быть любимой девушке потребно, и любить потребно, а вот страдать не хочется, но на самом деле душа без страданий не может... В душе ее наметилось некое движение, и в конце движения того, в перспективе проекторного луча, Ларик летел над заснеженными кустами, прижав руки к бокам и вытянув лыжи, и хлопала дверца «Жигулей».

– А если ты разбил несчастному аспиранту жизнь? – обвинила дочь.

– Каждому свое, – зевнул Звягин. – Настоящего человека не собьешь с пути ничем. От чего можно отказаться – то не очень-то и нужно было.

– А конкретней можешь?

– Отцепись, чадо. У него все в порядке. Поженятся они, уймись!

– А что сейчас, интересно, делает твой бестолковый Ларик? Ну и имечко все-таки!

– Сейчас? Зубрит план похода с Валею в кино.

– Ты им что, сценарий написал?

– Шпаргалку.

36. Из всех искусств для нас важнейшим является кино.

Ларик действительно собирался в кино.

– Я почему-то решила, что ты хочешь мне позвонить, – без обиняков заявила Валя, позвонив на вахту общежития. Наскучив неопределенностью, она брала инициативу в свои руки.

Помолчав, он ответил с извинением в голосе:

– Я действительно собирался.

– Я так и думала. И что ж тебе помешало?

– М-м... Работа допоздна... и телефон вечно занят.

– ...Ну, как живешь? – храня превосходство в интонациях, спросила она.

– Да вот, в кино собираемся.

– На что?

– В Зимнем стадионе фестивальные идут, «Полет над гнездом кукушки».

Пауза. Он не приглашал. Она не напрашивалась.

– А «Скромное обаяние буржуазии» ты уже видела?

– Нет.

– Я тоже. Если хочешь, можем в пятницу сходить.

– Я не знаю, буду ли свободна.

– Нет, если хочешь.

– Ну хорошо, позвони мне завтра вечером...

Она получила приглашение – и интерес к нему сразу ослаб. И так, она по-прежнему может делать с ним что хочет. Но почему это не радует? Его легко вернуть... или это ей только кажется? Достаточно сознания того, что – может вернуть? И все-таки ей хотелось, чтоб он пригласил ее в кино! Не пойти? Ну и что. Он все равно не позвонит... Наказать тем, что пообещает, но не придет? А если он не огорчится, а наоборот – больше не согласится? Нет: надо пойти и вызвать его на откровенный разговор.

А Ларик долго бродил по морозным черным улицам – охлаждал пыл. Она позвонила! И захотела пойти с ним в кино! И попросила позвонить ей! Успех! успех! повторял он себе.

И трезвый внутренний голос, копия звягинского, осаживал: спокойно! Без головокружения от успехов. Мелочь! Не размякать, не поддаваться чувствам. Помни, как бывало раньше. Один неверный шаг – и конец всему, она потеряет интерес навсегда. Только не дать ей убедиться, что он любит! Иначе – провал, хана.

– Ты играешь комедию, но смеяться должны не над тобой, – говорил Звягин. – Если ты не умеешь заставить женщину плакать – будешь плакать сам.

– А если и так плачешь? – тихо спросил Ларик.

– Мужчине нельзя запретить плакать, но можно запретить показывать это.

Никчемный сюрприз ожидал Валу у касс: рядом с Лариком торчал чертов Володя с девицей. Вот тебе и наедине!

Когда погас свет, Ларик вытащил кулек с карамельками и, прошептав: «Простите бескультурную серость», протянул ей, а потом и им.

Не получилось уединения: Ларик и Валя сидели словно каждый по отдельности. Она ждала, сделает ли он попытку коснуться ее руки: и близко ничего подобного. Он был всецело прямо-таки увлечен фильмом: отпустил шепотом пару замечаний – не для нее, для всех, смеялся на смешных местах... А фильм был, в общем, зануден, с ненужными неясными повторами, без действия, а так... непонятно что. И с чего это Лариончик стал такой вумный?.. И уж лучше бы он проявил навязчивость, откуда в нас столько английской благопристойности?

– Все это – вырождение, – авторитетно заметил он при выходе. – Вторичные идеи.

Володя с Галей мигом потерялись в толпе. Ага: все-таки решил остаться с ней вдвоем, подумала она снисходительно и с удовлетворением.

– Есть хочется – ужасно, – признался Ларик. – Поздно, перекусить уже негде. Можно было бы погулять, но мороз ужасный, правда?

– Да так... бывало и холоднее.

– На верхотуре смену отпахать – рожа деревенеет. Все старые строители – радикалитчики: разогреешься за работой – а ветерок поясницу прохватит, и привет. Японцы, те шерстяные пояса под одеждой носят. И как строят!

То есть: намерзся за день, прогулка не улыбается.

– Зачем же ты выбрал эту профессию? – (Сам захотел, так чего расхныкался?)

– А – интересно. И – со смыслом. Это тебе не конвейер, не штаны в конторе просиживать. Крыша над головой каждому нужна. Но как подумаешь в мороз о горячем борще – аж слюнки капаят.

А ведь голоден бедный мальчик, живет один, ест по столовкам, никто не позаботится...

– Поехали – накормлю, – неожиданно велела она. – Борща нет, но если фасолевый суп тебя устроит...

– Поздно уже...

Они прошли мимо «Маяковской», как бы не видя ее, дальше к «Площади Восстания»; время для принятия решения выигрывалось.

– В двенадцать уйдешь, успеешь на метро к себе. Еще не ночь.

Ларик вздохнул:

– Доброта тебя погубит.

Грамотный комплимент: шуточный, с тончайшим оттенком осуждения – поскольку отнюдь не часто была она добра к нему, признающий ее доброту в данном случае, выражающий благодарность – и сомнение.

– И чеснок есть? – предвкушающе сдался он.

– И лук тоже.

За Лиговкой у вокзала переминалась коротенькая очередь на стоянке: такси подъезжали.

– Сэкономим время? На тачке до подъезда. Бедная студентка не против?

В тепле и уюте машины, на мягком сиденье подлокотник не разделял их, как было в кино, касались друг друга краем одежды, на поворотах качало вбок, сдвигало плечами.

Ларик чувствовал: сейчас не выдержит, обнимет ее, прижмется лицом к холодной, гладкой, пахнувшей морозом и духами щеке, зароется носом в родные волосы – и все будет кончено, кончено, кончено! Напрягся, вдохнул, сосчитал в уме до десяти. «Надо срочно говорить, говорить что угодно, когда говоришь – легче...»

Валя дремотно смежила ресницы. Ждала.

– На заочном можно сдать два курса за год, – услышал Ларик свой спертый голос. – Но стать настоящим специалистом заочно – это вряд ли. Архитектура требует человека целиком.

«Что за фальшь я несу?! – ужаснулся он. – Она же все понимает, чувствует, разгадает мою игру – и я ляпнул, кроме презрения мне ничего не достанется...»

Но у нее слова его вызывали мысли иные. И первая: еще один самолюбивый эгоист. Вторая: а кто ж за него позаботится о нем, на кого, кроме себя, он может рассчитывать. Третья: неужели он совсем не думает обо мне... сейчас вечер, мы вдвоем, едем ко мне... Четвертая: а все-таки он серьезный человек.

– А что ты хотел бы построить? – заинтересованно-деловитый тон без грусти.

– Нужен проект дома с крытым двором и собственным микроклиматом, а на кровли и перекрытия – солнечные батареи, – сказал Ларик. – Клад для Средней Азии, этой идеи я пока нигде не встретил.

Подъехали к дому.

– Всего доброго, – сказал Ларик, стоя у открытой дверцы. – Спасибо за вечер.

– Не поняла, – она подняла брови. – Ты что?

– Извини, – вздохнул он. – Уже поздно. И общагу закроют.

– Ты хотел есть, – пожала плечиками.

– Да не настолько сильно. – Улыбнулся и вежливо пожал пальцы в мохнатой варежке. – Спокойной ночи. – И сел в машину.

Угревшись на сиденье, расслабился и отплыл в грезы: она была здесь, с ним, в его объятиях, любила его, и он был счастлив.

А Валя открыла холодильник, убедилась, что суп, разумеется, был доеден за обедом, что с того, еды масса, можно было пожарить яичницу с колбасой... Из принципа раскрыла учебник; наука не лезла в голову.

37. Если к вам пришли гости – радуйтесь, что не госбезопасность.

Ларик не звонил. Не показывался. Заготовки уничижительных фраз пропадали втуне.

Вечером третьего дня бимбомкнули в дверь. Он! Валя спокойно выждала, поправила перед зеркалом волосы, придала лицу правильное выражение – занятое, слегка удивленное.

Удивление пригодились, перейдя в искреннее. В дверях стояла незнакомая девушка.

Девушка была роскошно одета: кожаная куртка на меху, серые стеганые брюки, заправленные в низкие сапожки на шнуровке, и пуховая шапочка с длинными ушами. Челка золотистая, глаза зеленоватые; красивая, спокойная, опасная.

– Здравствуйте. Вы Валя? – уверенно шагнула она.

– Вы ко мне?... Здравствуйте...

– Позвольте пройти? – Она держалась как-то свысока.

– Пожалуйста... – Валя указала на вешалку.

– Я только на минутку. – Села в ее комнате, огляделась.

У Вали упало сердце. Фраза отдалась знакомой интонацией. Каким-то образом она сразу все поняла. Что это имеет отношение к Ларику. Что разговор будет о нем. Что ничего хорошего она не услышит. Грянувшая непоправимость парализовала ее.

– А вы мне нравитесь, – напрямик сказала гостья, бесцеремонно оглядев ее. – Но – к делу. Мы с Ларькой подали заявление, и надо поставить все точки над і.

Ясно постигла: заявление – в ЗАГС, а точки – что они не должны больше видеться.

– Пожалуйста, – выговорила она, плохо владея голосом.

– Я не могу запретить вам видеться, но могу попросить вас.

– Я не искала никаких встреч.

– Не перебивайте, пожалуйста. У нас это совершенно серьезно. Мы нужны друг другу. Он цельный, талантливый человек. У него нет никаких связей, никакой поддержки. Я обязана помочь ему встать на ноги. Он нравится моим родителям, у них есть возможность поддержать стоящего человека. Мужчине нужна женщина, в которой он может быть уверен. Которая свою жизнь посвятит ему. Вы согласны?

– Смотря какой мужчина... и какая женщина... – пробормотала Валя.

– Вот видите. У нас как раз такой случай. Вы ведь не желаете ему зла?

– Я? Пусть он будет счастлив, как может.

– Сможет, – пообещала гостья. – Я знала, что мы договоримся, – непринужденно, аристократически-высокомерно потрепала ее по щеке.

– Вы его любите? – не смогла удержать вопрос Валя. – Он вас любит? – Посмотрела ей в глаза прямо, твердо.

Та помедлила миг... или лишь показалось?

– Мы взрослые женщины, – ответила она. – У меня нет оснований сомневаться в наших чувствах... вы меня понимаете? А что было – то прошло, не надо стараться вернуть.

– Я и не стараюсь, – детски запальчиво отбилась Валя, летя внутри себя в ледяную пропасть.

Она следила в окно, как красавица села за руль знакомых «Жигулей» цвета коррида – и видение исчезло.

Закрыла дверь к себе, села на диван, легла, укрылась пледом и плавно рухнула в мертвый сон.

Ей снилось, что она спрашивает себя: «Неужели я его..?», и во сне знала, что это ей снится, и она проснется – юная, здоровая, веселая, благополучная, и не будет ничего плохого, ни тоски, ни щемления, а потом стало сниться, что это не сон. Через час она поднялась разбитая.

– Кто это приходил? – мать звала обедать.

– Одна знакомая.

– Что-то случилось?

– С чего ты взяла. – Валя насильственно улыбнулась.

Мать разлила суп. На дочери не было лица. Она делала сознательные усилия, чтобы глотать.

«Почему теперь, когда мы встретились... почему не два месяца назад, когда я о нем не думала, и пусть был бы счастлив...» Ей уже казалось, что они встретились, что что-то возникло между ними, появилась надежда, будущее...

Боль будит чувства. Избавление от боли может дать только доставивший ее. Валя не могла сделать так, чтоб потребность ее души исполнилась: независимо от ее желаний Ларик был потерян для нее навсегда.

А «невеста», на первой передаче отъехав за угол, вылезла из-за руля, уступив место передвинувшемуся Звягину.

– Бис! – сказал он. – Жанровая сценка в исполнении будущей великой актрисы. Искусство призвано служить счастью и любви – это прекрасно. Возвышенно! Я надеюсь, Катя, ты сыграла хорошо?

– Как на экзамене по актерскому искусству, – Катя открыла косметичку и ревниво проверила макияж, вертя лицо и кося глазом в зеркальце. – А она в порядке. Я бы на его месте тоже втюрилась.

– В нее? Хм... А в тебя?

– Мне некогда. Служенье муз не терпит суеты. Больше я вам не понадобится в этом амплуа?

– Только на сцене императорских театров!

Звягин придавил газ, проскочил на желтый и свернул на Будапештскую.

– А по-честному – не знаю, как вы меня уговорили.

– Куда б ты делась.

– Любой женщине обидно играть подобную роль... неизвестно для кого... даже оскорбительно!

– Катя, – спросил Звягин, – а когда я тебе накладывал шину и накачивал транквилизаторами, а ты плакала на носилках и клялась, что готова на все, платить всю жизнь, только бы не остаться хромой – тебя не оскорбляло, что я смотрю на тебя как на больную, а не как на женщину? а ведь ты у нас красивая девочка.

– Беспрекословным выполнением вашей детской авантюры подтверждаю свои слова. Только потому и согласилась, говорила уже.

– Катенька, нет в жизни ничего замечательнее, чем когда взрослые люди на деле осуществляют детские авантюры. Актеры-то должны бы это знать.

– Я для вас по-прежнему только больная? – засмеялась Катя.

– Ах, – сказал Звягин, – где мои двадцать лет.

– Не кокетничайте. Вы еще годитесь на роль героя-любownika.

– Сколь безобразно циничны эти лицедеи, – вздохнул Звягин. – У меня другая роль, и менять амплуа уже поздно.

– Ой ли? Вам не кажется, что занимаясь устройством любви других, вы просто сублимируете, загоняете внутрь собственные чувства?

Он ударил по тормозу, пропуская пешеходов:

– Развита молодежь пошла! Не волнуйся, все мои чувства выходят наружу, еще как!

– Вы или глупый, или не мужчина, – задумчиво сообщила Катя.

– Редкостное нахальство, – одобрил Звягин. – Актрисе по штату положено влюбляться в режиссера, а не во врача «скорой».

– Что?!

– Вылезай, приехали. Мне еще машину владельцу отгонять.

– А вам идет. Вы хорошо водите.

– Мужчина должен все делать хорошо.

– Что же вы не исповедуете золотой принцип на практике?

– Пошла вон. Не целуйся на морозе – губы потрескаются.

– Пошляк, – сказала Катя, засмеялась, вздохнула и вышла.

38. Рыцарский турнир и венец победителю – в наше время.

Валя желала встречи – хотя бы затем, чтобы прервать ее по своему усмотрению, пожелать счастья и мягко убедить в ненужности встреч дальнейших, – то есть остаться на высоте, не являться отставленной, забытой. Резкий разрыв болезнен, чувства не смиряются с ним сразу.

Очередную посиделку в общаге инициировал Володя: у них премия, в институте стипендия, веселье подкреплялось материально.

– Валька, ты придешь?

– Не знаю пока: если буду свободна.

Ларик опять крепко опоздал: уловка древняя, как мир, но неизменно действует на некрепкие нервы. У влюбленных девушек в двадцать лет редко встречаются крепкие нервы.

Он смотрел – как ни в чем не бывало: спокоен, приветлив, весел. Ровен, Равнодушен?..

– Ты меня боишься? – поддела она.

– С чего ты взяла?

– Сел подальше, не глядишь. Опасаешься остаться с глазу на глаз?

– Ты мнительна. – Он подмигнул и пошел с ней танцевать.

Дважды она выходила в коридор – ну, подышать свежим воздухом под форточкой. Он за ней не следовал: никто, казалось, и не замечал ее отсутствия.

Но при шапочном разборе они оказались рядом. Следуя естественности ситуации, он подал ей пальто. Во дворе компания распалась, они остались вдвоем.

– Я тебя провожу до метро. – Он был вежлив.

– Тебе завтра рано вставать, зачем тратить время. Я вполне дойду сама.

– Нехорошо не проводить девушку вечером.

– О, не надо реверансов.

– Что это ты на меня бросаешься?

– Ты слишком мнителен.

– Мне нельзя быть мнительным – такие со стены сваливаются.

За такой пикировкой достигли станции, и как бы само собой получилось, что он ступил на эскалатор вместе с ней. Оба делали вид, что как бы не замечают этого.

Но вой, грохот и трансляция метро не позволяют наладить разговор по душам. Ларик молчал про стройку, главное оттягивалось... «Он не хочет никакого выяснения отношений. Но тогда зачем поехал провожать? Начать первой?.. Его Катя лучше меня... Ну посмотрим».

В неопределенности ожиданий и намерений она хлебнула на выходе черную стужу. Ноздри смерзались на вдохе, пар оседал на шарфе, – какой разговор!.. Если он не войдет с ней в подъезд, то ничего не получилось...

Он попрощался в десяти шагах от двери, к которой вела расчищенная от тротуара дорожка.

– Спокойной ночи!

Из подъезда вывалилась троица, один со звоном разбил о стену бутылку, выругался, – двинулись навстречу, со смыслом погогатывая.

Валя сжалась. Ларик крепко взял ее под локоть; оглянулся, сказал в меру громко, свободно:

– Где это они застряли? – как бы ожидая близких друзей.

Трое не отреагировали: приблизились, миновали было, но – остановились вплотную; глянули в глаза,дохнули винцом, осклабились:

– Так как насчет закурить?

– Всем, или одному? – осведомился Ларик.

– Жадный! – огорчился остролицый длинноволосый угорь.

Самый высокий, здоровенный шкаф, обозрел Валю с наглой ласковостью:

– Девушка, который час? – пропел он.

– А вам мама разрешает так поздно гулять?

– Да еще неизвестно с кем.

– От этого могут получиться дети, – пояснил угорь.

– Знаете, каким образом? – просунулся вперед коротышка: смазливое личико качнулось в слабом полусвете дальнего фонаря.

Ларик высвободил руку из-под ее локтя и легким толчком отодвинул Валю позади себя, в снег.

– А чем дело? – спросил он.

– А ты чего дерешь Муму? Витек, разберись с ним.

– На пару слов, – кивнул угорь, напористо схватил Ларика за куртку и потащил его в сторону.

– Не смей! – зазвенела Валя, бросаясь.

Ларик двумя руками зажал кисть противника, крутанул вниз-вбок, опрокинул его, резко ударил вниз ногой в лицо – и полетел в снег от плюхи, которую навесил ему шкаф.

Дальнейшее она воспринимала слабо, забыв в оцепенении испуга кричать и звать помощь. (Да и кто попрется в ночь на крики о помощи?..) Драка выглядела страшно и живописно, как в кино, по сравнению с обычной уличной махаловкой, где калечат безо всяких внешних эффектов. Сознание фиксировало разорванные кадры: один валяется на снегу; Ларик стоит на четвереньках, и двое пинают его, целя по голове, опущенной меж рук; перекатившись на бок, Ларик хватает одного за ногу и дергает с вывертом, тот рушится; Ларик откатывается, вскакивает, но коротышка хватает его сзади за горло, а здоровый всаживает удары в лицо и грудь, хкая на выдохах в такт; коротышка перелетает через спину Ларика и падает на здорового, валятся оба; удар ногой в живот; пятерня тычется в глаза; по утрамбованной тропинке в ледяном свете луны движется угорь, выставив перед собой острое сияние лезвия, а Ларик пятится от него, стягивая шапку – шапка летит в лицо, две руки перехватывают кулак с ножом, нырок, выверт с рывком, угорь с резким взвизгом падает на колени, стонет, нож лежит на снегу...

Ларик сунул нож в карман, быстро окинул поле брани: тела; сплюнул длинно темным на снег и, шатаясь, подошел к ней.

– Пойдем отсюда!.. – она схватилась, сухо всхлипывая и трясясь.

– Теперь можно не торопиться, – невнятно проговорил он...

– Куда ты меня ведешь?

– Черный ход есть? Ну, с другой стороны? – он прищамкивал.

– Зачем?

– А ты хочешь, чтобы они запомнили подъезд и еще встретили тебя?

Под фонарем она взглянула со страхом: лицо в крови, струйка из угла рта, глаз заплывает. Он оступился, качаясь.

Во дворе он потянул рифленую дверь над ступенью: открыто.

– Ну пока...

– Куда ты такой? Пошли ко мне! Может быть, надо «скорую»...

– Не ерунди. «Скорая» вызовет милицию. Превышение пределов необходимой самообороны...

– Но они же там!.. А если догонят?

– Сегодня уже не догонят. – Он хмыкнул и скривился.

– А если у тебя сотрясение? Или переломы!

– Ой, без паники. Так схожу завтра в травму.

Он отпустил ручку двери и сел на ступеньку.

– Ну, иди отсюда...

– Никуда я не пойду! – с неожиданной злостью и силой она схватила его под мышки, подняла, потащила наверх.

– Ладно, – сдался он. – Только на минутку... Помоюсь...

– Хорошо, хорошо...

В прихожей, закрыв дверь, чтоб не проснулись родители, сама сняла с него куртку, повела в ванную, пустила теплую воду:

– Больно? Тебе плохо?

Лицо стремительно опухало. Он осторожно потрогал ребра, потер бок:

– Нормально обработали. Свинцовых примочек нет? Разнесет...

– Не разговаривай, тебе больно...

– «Если смерти, то мгновенной...» – пробурчал Ларик невнятно из-под ее рук, бережно обмывающих его лицо (не целовать! не!).

– Надо смазать йодом... – растерянно решила она.

– Давно леопарда не видела? Перекинь водорода есть?

Ступая на цыпочках, она притащила аптечку: порылась.

– Нет...

– И хрен с ней.

– А вот мазь календулы, мгновенно все заживляет!

– Если мгновенно – мажь, – согласился он, покряхтывая.

Закрыв глаза, наслаждаясь ее прикосновениями.

– Ты чего улыбаешься?

– Представляю, на кого буду похож завтра, – спохватился, хмур.

– Хочешь чаю?

Он подумал, должен ли по сценарию хотеть чаю. Не напутать бы.

– Если можно, покрепче... а то что-то в голове шумит.

– Тошнит? голова кружится? сотрясение, – всполошилась она. – Я вызываю «скорую»!

– А сухари потом будешь мне в лагерь сушить? – спросил он с холодной насмешкой.

– Почему?

– Да потому, что я их покалечил, и могут впать срок! Говорю же: превышение пределов самообороны! Законы наши... Этому в Институте культуры не учат?

– Но они же втроем... с ножом!

– Решила избавиться от меня, сдав под суд?

Глотая чай и морщась, с сокрушенным вздохом заметил:

– И не хотел ведь сегодня никуда переться тебя провожать... (Она замерла: что? как, он предпочел бы, чтобы она... ее?..) И как толкнуло... будто предчувствие. Удачно, что ты была не одна. Я бы себе этого никогда не простил.

Она изнутри просияла, теплый ком прокатился из живота к глазам. Захлопотала, обретя удовольствие в роли хозяйки и сестры милосердия.

– Вызови такси.

– Куда ты такой поедешь? Сиди уж...

За ее спиной он одобритительно взглянул в зеркало, видик о'кей.

– Останешься здесь. А вдруг тебе станет плохо?

– Хочешь предъявить своим родителям с утра эдакую рожу середь квартиры? – сварливо возразил он.

Она кратко задумалась:

– Ляжешь в моей комнате. А им я все расскажу.

– Что, интересно?

– Ну, в общем, ты меня все-таки спас... – проговорила она, вслушиваясь в смысл собственных слов: а ведь правда!..

Он встал, покачнулся, осторожно потрогал голову и сел обратно.

– Действительно, что-то мне... – признал слабым голосом.

А Катя ничего не знает, мелькнуло у нее. И он, похоже, не собирается ей звонить. Да если бы Валин жених... что, жених?! Он – Катин жених? Чушь... Она подумала о Кате с насмешливым презрением: Ларик здесь, он спас ее, она за ним ухаживает, а прочие могут утереться.

Она раздвинула, застелила диванчик в своей комнате. Ларик улегся и подумал, что обрек себя на пытку и заснуть не удастся.

Выключатель шелкнул, во тьме прошептал халатик, заскрипела кровать.

Помолчав, тихо позвала:

– Тебе не очень больно?

– Нет, – шепотом отозвался он.

Глядя в потолок, прислушивались к дыханию друг друга.

– Спишь?

– Нет.

– Знаешь... ко мне заходила Катя.

– Вот как. – Молчание.

– Она мне все рассказала...

Молчание.

«Дура, зачем я все это говорю – сейчас...»

– Она красивая. И – сильная.

– Зачем ты это мне говоришь?

Она повернулась к нему в темноте. Протяни руку – коснешься.

– Ты действительно решил жениться?

– Я не хочу говорить с тобой об этом.

«Я не имею права, да? Ты прав. Она его за муки полюбила, а он ее – за сострадание к ним...» Ах, ночное течение мыслей и чувств.

– Ты... ты ее любишь?

Пауза.

– Она добрая. И она меня понимает... – прошептал он.

Часы в большой комнате пробили половину четвертого.

А я, хотела спросить Валя. Быстро меняются твои чувства и забываются клятвы, хотела сказать она. Подожди. Не делай этого. Я не хочу, чтоб ты женился, хотела сказать она.

– Пусть ты будешь счастлив, – сказала она. Протянула руку и кончиками пальцев погладила укрывший его плед.

Только не сказать ей, что люблю ее, ее одну, одну в мире! Ларик ущипнул себя, собрался – быстрым движением погладил ее руку, шевельнулся уже для пожатия:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи... – она отвернулась, закрыла глаза, задышала тихо и ровно.

Долго притворялись спящими. Почувствовав, что сейчас вправду заснет, Ларик шевельнулся, тихонько простонал как бы сквозь сон.

– Что с тобой? Тебе плохо? – тут же отреагировала она.

– Жарко... Подташнивает что-то...

Вскочила, зажгла ночник, положила руку ему на лоб. Сделала неумелую попытку нащупать пульс:

– У тебя температура. И сердце частит...

– Ерунда... пройдет...

Рецепт: щепоть толченого графита от карандашного грифеля и две таблетки эфедрина – принять за два часа до нужного момента. Нехитрый симулянтский прием, отлично известный бывалым армейским врачам.

Градусник победно сигнализировал: тридцать восемь и две.

– Я вызову врача!

- Ага, и не забудь священника и гробовщика.
- Ты все шутишь! А если заражение крови?
- Дам ей досыта напиться врагам.
- Надо же что-то делать.
- Не шуметь. Приволокла дочка на ночь хулигана в синяках – во радость родителям.
- Не строй из меня тургеневскую барышню!
- Холодного чаю не найдется? С лимоном. И аспирин. Все.

Она поила его, поддерживая под затылок. «Если ранили друга, перевяжет подруга». Детская романтика всегда жива в глубине душ.

Ларик откинулся на подушке и благодарно поцеловал ей кончики пальцев, тут же отпустив.

«Так равнодушен, что ему ничего не стоит? или?..» Она поправила ему плед.

– Глаза слипаются, – сказал он. – Ох, хорошо...

И мгновенно заснул. Ресурс его нервов на сегодня был исчерпан.

Она слушала его посапывание со смесью умиления и обиды. «Мальчик был сегодня молодцом, – сказала себе. – Он заслужил отдых». И тут же уснула сама.

Утром пришлось вполголоса объяснить ситуацию родителям. Осмотр героя в приоткрытую дверь настроил старшее поколение на крепкие вздохи... Ларик тщательно спал, довольный тем, что она сама захотела выкручиваться – и выкручивается. В этой несколько пикантной истории она выступала на его стороне – отчасти против собственных родителей! – крайне отратно.

Родителей (м-да...) даже благородная роль ночного гостя мало утешала. Драки, спанье в одной комнате...

– Что же, после всего бросить его валяться на улице в мороз?

– Почему на улице? Он же живет где-то?

– А если бы он не доехал?

– Вообще следовало поехать в травмпункт.

Рассказ о геройстве был воспринят как поножовщина:

– Еще нам только этого не хватало...

Они были, естественно, обеспокоены происшедшим, и дочери высказали раздражение и недовольство: такова психология.

Родители редко понимают, что противоречить детям в том, что дети считают истинным и справедливым – означает лишь подталкивать их поступать по-своему, отчасти уже из протеста. Упрямство – защитная реакция организма против попыток деформации. Поэтому Валя, когда осталась с Лариком вдвоем, выказала ему подчеркнутое внимание и доброту.

Эту азбуку Звягин знал явно. «Совсем неплохо, если ее родители тебя ненавидят: чем больше препятствий на ее пути, тем сильнее она захочет их преодолеть».

Валя объехала четыре аптеки, пока нашла свинцовые примочки. Ларика нашла в ванной: сильным контрастным душем он массировал страшноватое лицо – привычный способ городских драчунов.

Они завтракали и смеялись над приключением. Приятно было кормить завтраком мужчину, который может тебя защитить. Невольно она сравнивала его с Игорем... не все там еще, оказывается, отболело, но вектор этой боли, как стрелка компаса, передвигался на Ларика.

Возникла новая близость – нетягостная, свойская; хорошая.

– Поеду на работу. Бригадир нормальный – поймет.

– Подожди, я тоже. На две пары еще успею.

Она пропустила первые две пары – из-за него; он промолчал.

– И не постесняешься ехать рядом с такой хулиганской рожей? – подначил ее.

– Сейчас я тебя подгримирую, – притащила свою косметику. – Сиди спокойно!

На улице демонстративно взяла его под руку. Полюбовалась своей работой при ясном солнце:

– Сойдет! Шрамы на лице украшают мужчину.

В метро на них косились. Она ждала, когда он заговорит о встрече. Не дождалась.

– Можешь как-нибудь звякнуть, сообщить о здоровье, – небрежно бросила на прощание.

– Телеграфирую медицинский бюллетень, – весело обещал он.

И полетел на крыльях.

39. Бойцы вспоминают минувшие дни.

Небольшой банкет в комнате: водка, хлеб, сигареты, три вчерашних хулигана и один подгримированный герой.

– Я тебе боялся удар ногой в лицо довести. Не дай Бог, думаю, нос сломаю.

– А думаешь – просто бить в лицо по мягким тканям, чтоб не повредить кости, ничего не сломать?

– Ну, если смотреть на тебя со стороны – куда как просто.

– Но ты тоже – как рванул руку из плеча – чуть не вывихнул; соображать же надо. Да – нож-то отдай.

– А разукрасили, в пор-ряде, с тебя еще полбанки! Тут не то что девушка – милиция поверит с судмедэкспертизой!

Долго и с увлечением припоминали детали:

– Можно идти на «Ленфильм» наниматься в каскадеры!

– Ну, если теперь не пригласишь на свадьбу – в самом деле отсвистим. Тем более репетиция уже состоялась!

– Еще кому вломить – давай, опыт есть!

Хохотали.

40. Неужели это конец?

Он опять не звонил – день, и другой, и третий. Конечно: у своей Кати... Та умело врачует его; такие, как она, все делают умело. Если б не она! Неужели я ревную? вот еще...

Если победа в бою завоевывает женское сердце, то врачевание ран героя растапливает женскую душу.

Ларик неукоснительно позвонил вечером на третий день.

– А раньше не мог?

– Ждал, пока вывеска подживет.

Перед кинотеатром она издали увидела его; вблизи осмотрела лицо – умело загримировано, явно чувствуется женская рука. Что ж, все ясно. А чего ты ждала, собственно?

В темноте зала она ждала его прикосновения.

На середине фильма он вдруг обеими руками крепко сжал ее руку, поднес к губам, поцеловал быстро, крепко. Прошептал на ухо:

– Прости. Я не должен был тебя приглашать. – Поднялся и, не пригибаясь, ушел по проходу.

Она сидела еще несколько минут. Дурацкое кино было непереносимо. Поднялась и ушла.

Горечь мешала дышать.

И был вечер, и было утро; дыхание ее было сбито, «свой нерв» потерян. Не умирала. Но сладко не было.

Понимала – конец. Но как-то не верилось.

41. О чем не говорят, чему не учат в школе.

– Ты должна научить его всему. Ясно? Как касаться женщины и как расстегивать на ней одежду. Как снимать штаны и как ложиться рядом. Как все делать вовремя и ничего не делать не вовремя. Во всех деталях! Короче – вышколишь мальчика под романтического любовника для юной девушки.

- Уж и не помню, что такое юная девушка.
- А ты постарайся.
- Не уверена, что одного сеанса хватит.
- Я тебя не ограничиваю.
- А вы уверены, что он придет, такой влюбленный?
- Это моя задача. А вот чтоб не захотел уйти – это твоя задача.
- Но он хоть действительно из себя ничего?
- Вполне. Стану я тебе урода сватать.
- Уж и не помню, что такое двадцатилетний мальчик.
- Надеюсь, хотя бы получишь удовольствие.
- То-то вы заботитесь о моих удовольствиях! А на что-нибудь более материальное тоже можно рассчитывать? Вы цены знаете?
- Я все знаю. А цены на твой курс лечения ты знаешь?
- Но это как бы по дружбе, вы говорили...
- И это тоже по дружбе. Считаю, что списываю долг и открываю тебе кредит: сможешь обращаться еще, и по любому поводу.
- М-да-а, вот и пришла мне пора открывать школу... Смешная задачка... даже интересно. Откровенно говоря, я бы предпочла погасить свой долг непосредственно вам.
- Не учи дедушку кашлять.
- Но интересно: почему именно я?
- Я уважаю профессионалов.

42. Раз в жизни сбывается несбыточное.

Ларик позвонил на четвертый день – поздно вечером, разумеется.

- Что это ты вдруг решил о себе напомнить?
- Просто подумал, что поступил не очень вежливо...
- Ах. Мы обретаем манеры. Вращаемся в высоких сферах. Не волнуйся, я все давно забыла.
- В общем, мы тут едем компанией на выходные в Таллинн, и я подумал, что, может быть, тебе захочется.
- Может быть. (Опять Таллинн!..)
- Так как?
- Ты прекрасно знаешь, что я никуда с тобой не поеду.
- Нет, как хочешь. Извини. Счастливо.
- Пи-пи-пи – сказала трубка ей в ухо. Ну, и что делать?..
- Пораньше с утра (успеть!) позвонила ему на вахту общаги:
- Что ж ты так быстро бросил трубку? – съязвила.
- Ты-ы? А мне показалось...
- Это мне показалось. Если ты на полпути поцелуешь руку и выпрыгнешь из поезда – милая перспектива.
- Он засмеялся.

- Скажи сам: с тобой можно куда-нибудь ехать?
- Со стороны виднее. Не только со мной – нас пятеро. Поезд в шестнадцать десять.
- Не уверена, что смогу. В общем, идея заманчивая...
- Билет по студенческому – треха, ну с собой двадцатку.
- А жить там где? Или блат в гостинице?
- У Володи знакомый художник, оставит мастерскую. С камином!

Вале нарисовался вечер, огонь в камине, островерхие таллинские крыши, компания: один обязательно в старом кресле-качалке, остальные – на матрасах вдоль стен... кругом – картины, мольберты, холсты, запах красок... и художник – бородастый, в растянутом грубом свитере, дымящий трубкой. Хотелось отчаянно.

– Если к обеду не разболеюсь окончательно, – соврала, – то можно подумать... Не обещаю, но на всякий случай ждите.

– До четырех часов в зале, где кассы, – у буфета.

Он не упрашивал...

Пришлось звонить матери на работу, строить легенду о выпавшем срочно месте в двухдневной турпоездке от института, выслушивать сомнения на повышенных тонах... «В конце концов, тебе двадцать лет, ты взрослая девушка, что я могу поделаться – взаперти тебя держать? – Мать что-то чуяла, и правильно чуяла... – Только позвони нам сразу, как добралась».

Ларик ждал на Варшавском вокзале, грея ладони о стакан с кофейной бурдой.

– Слушай, – неловко признался он. – Ничего не получилось...

– Что не получилось? (Опять!..) Негде остановиться? Или – поезд отменили, путь взорвали? – она полыхнула злым прищуром.

– Да нет, – вздохнул он. – Просто они не поехали. Там личные отношения... короче, разладилось. Извини...

Он вытащил из кошелька билеты:

– Надо пойти сдать. Или прямо продать в очереди...

Один билет у них схватили сразу, потом еще два. Ларик взглянул на два, оставшиеся в руке, на часы поверх расписания:

– Четыре минуты осталось. А может – рванем! А? Честно говоря, я уже настроился.

Она молниеносно прикинула время до вагона – и не отказала себе в наслаждении сыграть теперь на его нервах небольшой ритмический танец.

– Что-то скучно без компании... Да и не успеем уже.

– Да, разве что галопом, – согласился он легко.

Она взглянула невинно:

– Слушай – а почему ты с сумкой? раз все распалось?

– Так я ж прямо с работы, – удивился он. – С утра все с собой взял, иначе не успеть.

На часах оставалась минута с половинкой.

– Вообще-то мы старые друзья, – неторопливо проговорила она, следя за реакцией на слово «друзья».

– Вот я и подумал, – спокойно согласился он, хватая протянутую ему сумку.

Запыхавшись, они вскочили в последний вагон при негодующем вопле проводницы.

Их кресла были лицом по ходу движения. Оледеневший Ленинград со стуком выпускал путешественников из своего каменного лона.

Ларик извлек из сумки бутылочку с коньяком и четыре мандарина.

– За благополучный прощок! – приветствовал он. – А то не по-джентльменски получилось бы – пригласить девушку, а потом отказаться.

– За джентльменов, – ответила она. Стало тепло: он действительно хотел поехать с ней, а не блефовал. Еще посмотрим, Катенька, чего стоят твои прожекты!

А ночевать – вдвоем?.. Отмахнулась от этой мысли: э, разве не спали они в одной комнате. Но мысль посвечивала запретным, тем самым; она не спрашивала ничего.

Запасливый Ларик разложил Конан-Дойля и Сименона, – не читалось: болтали, смотрели в окно. В Нарве он добежал до буфета, принес в свертке горячие пирожки и бутерброды, Валя налила кофе из термоса.

– Слушай – как мы хорошо едем!

Потом он раскрыл коробку со «скрэбл», каковая игра по-русски получила официальное название «эрудит»: играли в слова...

Летающий пейзаж затягивало тьму, электричество задрожало в стеклах, вагон постепенно пустел.

Над перроном горела латиницей надпись «Tallinn», звучала непривычная чужая речь, и Валя почувствовала дух заграницы.

– Нам теперь куда?

– Может, погуляем немного сначала?

– Конечно! А сумки не тяжелые?

– Да ну, одна на плече, вторая в руке. Пошли...

За подземным переходом углубились в витую булыжную улочку. Древняя стена в подсветке прожекторов вздымалась над заснеженным парком. Экспрессивные афиши с непонятными надписями пестрели под фонарем длинной вереницей. Крохотные проулки отделялись от улицы; свежесдобой горячей сдобой пахло из низких воротец.

Улочка трудолюбиво взобралась на взгорбок и распалась между теснящихся углов на рукава; по лесенкам и подворотням Валя и Ларик спустились на игрушечную площадь; трубач на шпиле ратуши пронзал вишнево-черное небо, лепившиеся друг к другу пряничные домики светились стрельчатыми окнами. Прозрачные серые хлопья плыли на фоне луны, яркой и четкой, как на японских гравюрах.

– Красиво-о... – протянула Валя.

– Дарю, – простер руку Ларик. – Не жалеешь, что увидела?

– Пока нет!

Он изучил карманный план города, повел ее за повороты вниз, за перекрестком светилась современная башня отеля «Виру».

– Нам на сороковой автобус. Езды десять минут.

Автобус вывернул в конце концов на современную безлико-коробочную улицу. Они куда-то свернули за магазином, обошли крохотный парк и углубились меж двух рядов двухэтажных строений, перед которыми росли елки и рдели в редком свете окошек гроздья рябин.

– Ты здесь когда-нибудь уже был?

– Впервые в жизни. Просто строители хорошо ориентируются в городской местности.

Сверил номер на домике с записанным, взял ее под руку и ввел в подъезд. Не поднялись по лестнице, но спустились на несколько ступенек вниз и оказались перед обычной дверью, ведущей в полуподвал.

Валя предполагала, что мастерская будет на чердаке, в мансарде; жаль... но тут тоже неплохо...

– А он дома? – спросила она про художника.

– Хм. Посмотрим, – ответил Ларик и вытащил из-под кнопки звонка записку: «Уехал до понедельника. Ключ под ковриком. Прошу быть как дома». Нагнулся и из-под половичка извлек ключ.

Замок шелкнул.

Ларик протянул руку и повернул выключатель:

– Прошу входить!

Мастерская промерзла. Не раздеваясь, быстро осмотрелись. Крохотная прихожая переходила в кухню, скошенную и безоконную: электроплитка, старенький холодильник, посуда на полке, в углу – поленница вкусно пахнущих березовых дров.

– А зачем дрова? Для камина?

– Здесь парового нет. Видела трубы на крышах?

Она не представляла себе, что где-то сейчас, кроме таежной глуши, люди могут обходиться без центрального отопления. Это внесло романтическую струю: они будут обогреваться живым огнем!

Собственно, камин правильнее было бы назвать очагом: грубая печь с отверстием широким зевом, но это выглядело еще стариннее и привлекательнее.

Рядом с камином висело растресканное зеркало в старинной раме, а за рамой белела записка: «Ребята, пользуйтесь свободно всем, что есть – кроме красок. Белье на диване чистое, второй тюфяк в шкафу. Счастливо отдохнуть!»

– Очаг еще теплый!..

– Ой, он что, специально для нас топил?

В комнате с низким окошком под потолком стены полнились картинами: кривая бутылка с воткнутой хризантемой, косо развевающийся черный плащ с рыжим шарфом, женщина из цветных треугольников; на дряхлом письменном столе – тюбики, разбавители, кисти.

– А он здесь живет?

– Нет, в нормальной квартире. А у отца хутор, он там часто работает.

Ларик раскопал в фанерном шкафу складной столик, накрыл куском ткани, поставил свечу в медном шандале с подоконника:

– Перезимуем?

Радость маленькой девочки: хотелось запрыгать, хотелось чмокнуть его в щеку.

Дрова затрещали в очаге. Зашкворчала сковорода на плитке: в холодильнике нашлась снесь и полбутылки водки.

– Мне ночью всегда ужасно хочется есть, – призналась Валя, сервируя столик щербатými тарелками и столовскими вилками.

Ларик набрал воды в надбитый кувшин, вышел наружу – принес гроздь рябины и украсил натюрмортом стол:

– Прошу выпивать и закусывать! – Из его сумки материализовались бутылочка французского коньяка и шампанское «Мумм».

– Ого? – протянула она.

– Или плохой праздник? Или не имеем права?

«Неужели вот так и произойдет то самое...», – подумала она, но мысль об этом была как-то нехороша, а все происходящее было хорошо, и очень, и мысль эту она погнала прочь; успокоила:

– Имеем, Ларька, имеем.

– За огонь, чтоб светил и грел всю жизнь, – поднял рюмку, и они чокнулись.

Водку под жареную кровяную колбасу, шампанское под яблоки, коньяк под конфеты: он вел меню грамотно. Вале сначала обожгло горло, но сразу стало тепло, приятно зашумело. Время понеслось неизвестно куда, вот уже и три, хотелось спать, но не хотелось, чтоб все кончилось, Ларик сварил кофе в мятом кофейнике, вытащил из-под хлама запыленную гитару, подстроил.

Когда ты научился играть, хотела спросить она, но не спросила, хотелось молчать, слушать, сидеть так рядом с ним, подобрав ноги и укутавшись в плед, и ждать сладко, что будет...

Нехитрый перебор вплелся в треск огня и молчание ночи, в тепло коньяка и тонкую горечь оттаявшей рябины, тени на стене и низком потолке, он хрипловатым речитативом выпевал слова о той, с которой не светло, но с ней не надо света, и это было о них... в этот момент

она его любила – еще не его, она любила просто – весь мир, жизнь, свое будущее и свою молодость, этот вечер, но рядом был он, он любил ее, ясно ведь теперь, что любил, иначе не может быть, и он был хороший, добрый, умный, храбрый и мужественный, верный, на все готов ради нее, и в этот миг она любила его, и страшилась, что это может кончиться ничем, – боялась, но знала, что должно быть то, что должно, и страшилась только сожалеюще, что он окажется недостаточно решительным, мальчишкой, не таким как надо: женщина жила в ней, жило предощущение счастья, познания, забвения, всего...

– Пора спать. – Он отложил гитару, бросил на пол тюфячок, накрыл простыней и одеялом. – Я выйду, ты ложись. Туалет на площадке, – добавил он естественно, просто: проинструктирован.

Ах, Том, какой вы благородный, улыбнулась про себя Валя. И хочется, и колется, и мама не велит, подумала она беспшабно. Если не сегодня, то... Да я что, замуж за него хочу?.. А, да что мучиться! Ей не хотелось ни за что отвечать, принимать решения, пусть решает мужчина, в конце концов...

Он вошел, когда она уже легла, плеснул шампанского, сел рядом, протянул ей:

– Выпьем за золотую рыбку, – полушепотом сказал он.

– Которая исполняет любые желания?

– Нет, только одно, и только раз в жизни.

Очаг догорал. Он лежал на тюфячке совсем рядом.

– Тебе не холодно на полу?

– Да нет.

Рука его была рядом, коснулась ее пальцев, пальцы сжались на ней, теплые, тонкие, сжались нежно, крепко, и он перетек весь следом за своей рукой, обнял, зарылся лицом в волосы, обмер до судороги, теряя сознание от ощущения того, что руки ее сплелись на его шее, щека ее не отодвигается от его щеки, щекотка ее ресниц, поцеловал в закрытый глаз, теплую щеку, мягкие душистые губы, медленно раскрывшиеся, разрываясь от нежности шептал вне реальности: «Я люблю тебя... умру за тебя... как я мог без тебя жить... как я мог без тебя жить... единственная, родная, любимая, всю жизнь, одна светлая, родина, жизнь моя...», и чувствовал невероятную гладкость ее кожи, все ее тепло под мохнатым пледом, вытягиваясь рядом с ней и умирая от прикосновения ее руки на своей спине под свитером, стягивая этот свитер, трясясь, как от озноба, «Тебе не холодно?..– Нет...», плечи были уже под пледом, рядом с ней, грудь прижалась к ее груди, она не отталкивала его руки, тонкие одежды, ненужные чехлы, сходили с ее тела, он замер, пораженный прикосновением к ней, всей, к ней, не во сне, не в мечтах, освобождаясь от того, что на нем еще было, не надо торопиться, не все сразу, это пока пусть остается, боже мой, это ты, моя любимая, мое чудо, прекраснейшая из женщин, какая ты красивая вся, я сойду с ума, это неправда, какая ты красивая вся, это все – ты, это все – ты, и она с закрытыми глазами чуть меняла положение тела так, чтобы ему было удобнее освобождать ее от всего, от последнего, и уже ничто больше не разделяло их, совсем ничто, боже мой, я сейчас сойду с ума, я сейчас сойду с ума, дыхание ее прерывалось, он ласкал ее всю, игольчатый сладкий ток пронзал, только бы это не кончалось, неужели это правда, неужели, неужели...

Огонь угас. Достигла прохлада. Он укрыл ее, встал, перекинув через плечо одеяло римским плащом, подложил дров, вздул головешки. Часы: четверть пятого. Разлил остатки коньяка, выкопал со дна сумки пачку «Честерфилда», дымок прозрачной струйкой потек в очаг, плавно загибаясь над огнем и тая в языках желтого пламени, с гудением улетающих в дымоход.

– Разве ты куришь?

– Очень редко. Сегодня можно. Я хочу покурить с тобой. Я хочу сегодня ночью выкурить сигарету с тобой, у огня, здесь.

Он осторожно вытащил из пачки сигарету, прикурил от своей и вложил ей в губы.

– Я не умею... Надо тянуть в себя?

– Ага. Вот так. Вдохнуть. Подожди, – сначала выпьем по глотку. За город Верону. По последней.

– Почему за Верону?

– Нельзя спрашивать. Сначала выпить тост, потом вопрос.

Она выпила и затянулась. Дымок показался некрепким, сладковатым, приятным, он заполнил легкие и выдохнулся почти незримым продолговатым клубочком.

– В Италии есть город Верона, – шепотом говорил Ларик, глядя черными прозрачными глазами на нее и сквозь – в себя, в пространство. – В этом городе, маленьком и старинном, есть тесная, булыжная центральная площадь с колокольней и сторожевой башней. А в середине стоит памятник Ромео и Джульетте.

Тихий голос его удалился ввысь, стал едва различимой музыкой, счастливое ощущение легкости и полета объяло Валино тело. Прозрачная струйка сигаретного дыма развеялась и стала деревом, дерево ветвилось, черепичные крыши просвечивали сквозь крону, на сизой, отмытой веками каменной площади светился белизной памятник, и два живых, прекрасных и юных тела сплелись на постаменте, струясь и переливаясь одно в другое.

– И если влюбленный положит белую розу к подножию этого памятника, – покачивал и пересыпался музыкальный звон, – то он будет счастлив в любви, и любовь его не изменит ему никогда.

Памятник превратился в картину на стене, на его месте появилось пятно неясного цвета, в центре пятна образовался черный четкий прямоугольник, и из него возник Ромео – в коротком плаще, бархатном берете на кудрях, в чулках до бедер, придерживая шпагу на боку. В руке у него благоухала белая роза, бьянка роса. Неслышными шагами приблизившись к ним, он склонился в плавном поклоне и положил розу на стол. Белая роза лучилась в темноте. Из складок плаща Ромео достал коробочку, на белом шелке горело золотое обручальное кольцо, он протянул его Вале и теплой, сухой, крепкой рукой сам надел ей на безымянный палец, опустившись на одно колено. И удалился так же беззвучно, вернулся в пятно света, свет медленно потускнел, померк, и видение исчезло.

Валя, ничуть не удивленная, засмеялась, потрогала колечко, потянулась к розе, ощутив упругость свежего стебля, взмахнула ею, понюхала, провела по лицу Ларика:

– Это тебе или мне?

– Нам.

– Значит, мы будем счастливы в любви?

– Всю жизнь.

– И мы теперь обручены? – повернула руку с кольцом.

– Ромео сам обручил нас.

– Мы теперь муж и жена?

– Да.

И этот прекрасный сон принял медленное вращение лазурной воронки тропического моря, и когда Валя закрыла глаза, улетающая на теплой волне прибоя, уносящей ее туда, куда она хотела, она не чувствовала ни боли, ни страха, а была только волшебная и бесстыжая сказка, она была свободна свободой полета, и в остром блаженстве сна делала то, что хотела, и умирала раз за разом, благодарная ему за то, что он делает то, что она хочет, они были одно, и когда, паря и уносясь в забвении, она прошептала:

– Я люблю тебя... – это была такая правда, правдивее которой она никогда ничего не говорила.

...Она уснула, дыша ровно и бесшумно, а он еще долго лежал рядом, боясь пошевелиться, хотя знал, что она не проснется.

Затем повел себя несколько странно. Зажег свечу, всунул в золу очага ее окурок из пепельницы, а на его место, прикурив, положил другой; в золу же последовали еще три сигареты, внимательно извлеченные из пачки. В прихожей он снял ключ с гвоздика, вставил в дверь и повернул поперек. Из глубины письменного стола достал старинную вазу, сунул туда розу, налил воды и спрятал в кухонный шкафчик. Закрыв глухую штору на окошке, которая была отдернута.

После чего лег рядом, проверил фонарик, приказал себе проснуться в половине девятого, обнял Ваю и растворился в счастливом сне.

Проснулся во тьме крошечной. Ежась от холода, помылся ледяной водой на кухне, снял лезвием легкую щетинку, брызнул одеколоном и дезодорантом, ворот свежей белой рубашки раскинул над вырезом черного пуловера. Валя спала, свернувшись калачиком под пледом и одеялом.

Из магазина вернулся со снедью, накрыл завтрак, водрузил бутылку шампанского, поставил повиднее треснутую, матовую от возраста вазу – королевским незапятнанным знаменем роза высилась в ней. Из карманчика куртки вытащил диктофон, проверил кассету, включил – отдернул штору.

Комната подсветилась чистым и несильным утренним светом. Музыка звучала негромко.

Валя пошевелилась и с сонной улыбкой открыла глаза.

Ларик, свежий, улыбающийся, сидел на тюфячке возле столика, и две чашки кофе дымились рядом. Неяркий в свете солнца огонь трещал в очаге.

– Доброе утро, – сказал он, подходя и целуя, и это было как продолжение сна и одновременно пробуждение. – Чашку кофе принцессе в постель?

Она увидела розу, что-то припомнила, глаза ее изумленно распахнулись.

– Послушай... – выговорила она и увидела на пальце кольцо.

Шампанское хлопнуло, стакан охолодил ее руку, колечко звякнуло об стекло.

– За лучшую из женщин, – сказал Ларик. – За тебя.

Она машинально глотнула, отдала стакан, – кропотливо припомнила ночь; не почувствовала ожога от горячего кофе, вспомнила, ахнула... кофе пролился на подушку, расплываясь коричневым пятном, похожим на Австралию.

Роза.

Кольцо.

Ромео!

Ночь.

– Я люблю тебя всю мою жизнь, – сказал он.

– Ты прекраснее всех на свете, – сказал он.

Зрачки ее расширились, рот приоткрылся.

– Откуда эта роза? – выговорила она.

– Я сейчас купил возле магазина.

– Откуда это кольцо?..

– Кольцо? – изумился он. – Я надел тебе ночью на палец... ты не помнишь?.. Мы выпили,

но...

Она помотала головой, глотнула кофе и стала вытирать ладонью впитавшееся пятно.

– Мне такое чудилось... странный сон... наваждение.

И рассказала ему все.

Он сел рядом, обнял, прошептал в лицо:

– Если ты жалеешь, мне остается только умереть...

– Не надо, – сказала она. – Ты живи. Иначе как же я теперь?..

И потом, в тепле постели, испытывая такую близость с другим человеком, о возможности которой раньше и не подозревала:

- Слушай, но ведь так не может быть... А может, я сошла с ума...
 - Мы оба сошли с ума...
 - Я не думала, что у меня это будет так...
 - Я тоже...
 - И ты никогда теперь от меня не уйдешь?
 - Никогда. До березки. И после смерти тоже.
 - Хм. Не думала, что я такая бесстыжая.
 - Любить не может быть стыдно.
 - А как же она? – спросила Валя, имея в виду Катю.
 - Есть только ты. Одна ты во всем мире.
 - А ты мне что-нибудь сказал, когда надевал кольцо?
 - Я просил тебя быть моей женой.
 - Да? И что же я ответила?
 - А ты не помнишь?
 - По-моему, я сказала, что мы теперь уже и есть.
- Она села, скрестив ноги, и стала водить пальцем по его лицу.
- Слушай, – сказала она, – ты можешь мне ответить сейчас на один вопрос?
 - Любой. Всегда.
 - О чем ты сейчас думаешь?

Он открыл глаза и потянулся за сигаретой. Она зажгла ему спичку – новым, незнакомым ей самой движением поднесла.

– Об одном человеке, – медленно ответил он. – Который вытащил меня в декабре из метро, когда я собирался... не тянуть дальше без тебя...

43. Джентльмены не опаздывают к завтраку.

Человек, о котором он думал, в этот момент пожал руку водителю и вышел у гастронома на Чернышевской площади. Отоварившись к завтраку, он набрал код у подъезда за углом, поднялся на пятый этаж и позвонил обычным сигналом: один длинный и два коротких.

– Папка приехал! – дочка повисла у Звягина на шее. – А почему ты иногда так звонишь?

– Просто в детстве мы со школьным другом часто ходили на станцию – его отец работал машинистом. Тогда по системе знаков оповещения боевая тревога подавалась гудком локомотивов: один длинный и два коротких. Вот – память о дружбе.

На лице его не было никаких следов утомления.

– Ну, – спросил он, – где субботний завтрак главе семейства?

За столом обе стороны выдерживали характер: женщины не задавали вопросов, а он ждал, чтоб они были заданы.

– Быстро ехали? – сухо спросила жена.

– Не слишком.

– И стоила того поездка?

– Надеюсь.

– А что в сумке?

– Театральный реквизит.

(Каковой реквизит и завез вечером Кате для возврата в костюмерную.)

– Пригодилось?

– Вполне.

– Хороший спектакль сыграли?

– Надеюсь.

– Зрители оценили?

- Увы – как всегда: сплошные действующие лица и никаких аплодисментов.
- А вы жаждете аплодисментов?
- Все гении тщеславны, – скромно признался Звягин.
- Отзавтракав, он кинул ногу на ногу и сощурился:
- Главное всегда – детали, – поучающе поведаль. – Смазка дверных петель, чтоб не скрипнули. Не забыть снять штору с окна, чтоб фонарик дал пятно света на стене. Не забыть вынуть ключ, чтоб можно было открыть снаружи.
- А что было самое, ну самое трудное? – сгорала от любопытства дочь.
- Во-первых, чтоб он не забыл точно выдержать условленное время. Во-вторых, чтобы к этому времени все было готово. В-третьих, не было уверенности, что он ничего не перепутает, и что она выкурит эту сигарету.
- А что за сигареты? Я видела, как ты их чем-то заряжал!
- Много будешь знать – скоро состаришься. А это девушкам не идет.
- Стану я тебе объяснять отличия наркотиков группы ЛСД, хмыкнул он про себя.
- А если б у него что-нибудь не вышло?
- Тогда повесил бы на дверь снаружи клочок бумажки.
- Ну, а если бы все равно что-то лопнуло?
- Понятия не имею, – лениво протянул Звягин. – Получилось бы в следующий раз что-то другое. Хотя, – добавил раздумчиво, – хорошая организация – залог успеха.
- Знаешь, что плохо в твоих историях? – разомкнула наконец уста жена.
- Да? Не знаю.
- Что они напоминают анекдот про джентльмена и лягушку.
- Он приличный? – благонаравно осведомилась дочь.
- Пока не для тебя.
- Согласна на салонный вариант. Или ты как учительница предпочитаешь, чтобы я выслушивала похабные истории от подруг, а между мною и родителями выросла стена отчуждения?
- Красиво излагает, – признал Звягин.
- Хорошо. Джентльмен вышел на прогулку в сад и увидел на аллее лягушку. Она сказала ему: сэр, возьмите меня на руки. Он был джентльмен, он не мог ни в чем отказать даме, даже если это была лягушка, и он взял ее на руки. Она сказала: сэр, а теперь отнесите меня в вашу спальню. Он был джентльмен... и так далее. Короче, в самый неподходящий момент лягушка превратилась в обольстительную девушку, а в спальню зашла жена джентльмена, – и всю свою жизнь она не могла поверить этой простой и правдивой истории.
- Очень жизненно, – согласилась дочка.
- Абсолютно правдоподобно, – подтвердил Звягин.
- А что будет с ними дальше? – спросила жена.
- А мне какое дело? – спросил Звягин. – Хоть бы раз удержалась от этого вопроса. Я не собес. Мавр сделал свое дело, мавр может вымыть тело. Я в душ. Горячая вода идет сегодня, надеюсь?
- Твои истории даже рассказать никому нельзя – не поверят, до того неправдоподобны.
- А правдоподобные истории неинтересны. И вообще мой любимый герой – барон Мюнхгаузен. Кстати о баронах. Помнишь, я спрашивал тебя, почему фон Рихтгофена прозвали красным бароном? Так вот, это не имело никакого отношения к его убеждениям и политическим пристрастиям, равно как и к цвету кожи, разумеется. Просто «альбатрос» – истребитель, на котором летал этот знаменитейший из асов первой мировой войны, был красного цвета: чтоб издали видели и боялись.
- Ас – означает туз, – сообщила дочка, гордясь познаниями.
- Верно, на фюзеляже туз и малевали. А почему в картах туз главнее короля и что это означает? Вот именно. Асы – это боги из рода Одина, верховного бога норманнов. Разили

с небес. Интересно, следует ли из этого, что карточная терминология имеет скандинавское происхождение?

Небо над головой

Когда дело подходит к тридцати пяти, усилия – чтоб сохранить форму – начинают напоминать режим олимпийского чемпиона. Но поскольку вам за это не платят – раз вы не актриса и не манекенщица (и вам нужно работать, растить двоих детей и содержать дом в порядке) – стремление оставаться красивой женщиной приобретает ту подлинную глубину, искусственную замену которой спортсмены находят в условностях рекордов. Однако своеобразное бескорыстие вашего желания имеет последствиями результаты, ощутимые чисто конкретно. Вы не ревнуете своего мужа; напротив – он ревнует вас, – в той мере, в какой это необходимо, – если вы не дура. В парикмахерской вам, не исключено, сделают именно такую прическу, какую вы хотите – при условии, что парикмахер мужчина, разумеется. В часы пик мужчины хоть иногда помогают вам сесть в автобус, а начальство (опять же, конечно, мужчины) не слишком вам хамит – другим больше, во всяком случае. Дочки (а старшей ведь уже четырнадцать) обожают вас и стараются подражать, что совсем не плохо в наши времена, когда... где же крышка? ага, вот она; так. Тря-ля-ляля пу-рум...

И-да, «наши времена», «ваши времена»: стареем, матушка, стареем. Забавно: и не то что не хочется (кому ж хочется), и не то что грустно, – а вот не понять до конца. Осознаешь себя точно так же, как в двадцать пять, и как в восемнадцать, и как в детстве, насколько я в состоянии помнить свое детство: ты – это ты, умная, хорошая, все понимающая, грешная иногда; а окружающий мир – ты понимаешь его, и он таков, каким ты его понимаешь; меняется понимание – меняется окружающий мир, но он все равно тебе понятен, и осознание системы этой – «ты – мир» – в принципе неизменно, и все странное и скверное случится не с тобой, хотя ты стареешь и знаешь прекрасно, что именно с тобой-то все и приключится, порой уверен – и спокоен – приобретаешь мужество? теряешь остроту чувств? привычка, привычка к тому, о чем когда-то думал с ужасом; а вот внутренне до конца не осознаешь. Появляются морщины, болезни – сначала пугаешься и грустишь, потом – что ж, живут же люди, и ничего, ты еще не хуже всех; но иногда пронзит вдруг на короткое мгновение, что – всё! это жизнь проходит! не будет иначе! и мертвящая тоска оледенит, и финишная ленточка ближе, ближе, а цвета-то она, сволочь, черного...

Тьфу, черт...

А пока – пусть глупо – чувствуешь себя девочкой. (Старушка в трамвае как-то обращается к двум подружкам своего возраста: «Выходим, девочки.» Я ощутила, как у меня щеки побледнели.) Ладно, с моей внешностью еще можно; на вид мне от силы тридцать – при ярком солнце, – а в тридцать у нас все «девушки» и «молодые люди»; весьма мило. И не то беда, что тридцатилетних мужиков воспринимают как мальчиков, а то, что они и сами себе часто мальчиками кажутся; анекдот получается: семнадцатилетние считают себя самостоятельными и всё могущими, а тридцатилетние – уже не считают. Но женщин подобное положение вещей, пожалуй, вполне бы устраивало – ан, когда дело доходит до дела, вдруг вспоминают, что «девушка»-то – начинающая стареть женщина, у которой и то уже чуть-чуть не так, и это слегка не эдак.

В семнадцать я полагала, что предел молодости – до двадцати одного. В двадцать один – до двадцати пяти. И так далее. Сейчас я хочу держаться до пятидесяти. Почему нет? Джина Лоллобриджида в микробикини на фотографии, где ей сорок четыре, выглядит... о ч-черт, опять лук подгорел! ф-ф, горячо! так, есть пятно...

«...Прости, что не поздравил тебя с восемнадцатилетием...»

Тр-реклый шпингалет! Чаду полно. Сюда бы и сунуть Лоллобриджида в ее купальнике. Последись за собой четыре часа в день, как же. За тобой последят.

Ну конечно, колготки готовы. И ведь хотела снять, так нет. Гадский стол, в который раз из-за него. Все, с полочки достаем новый, а этот – на помойку, дешевле обойдется. Ей-богу выкину.

Приятно позволять себе такие пустяки. Сейчас на наши с Сенькой зарплаты, ну, плюс крошки халтуры, жить можно, чего там. Денег, правда, все равно никогда нет, но это уже закон природы; зато есть то, что за эти деньги можно купить: не то чтобы совсем все, но в пределах ушибленного скромностью разума.

Когда поженились-то мы с Сенькой на третьем курсе – ревела потихоньку из-за рваных капронов. Он принесет – так знала отлично, что на себе экономит, паршивец. Ладно, говорит, должен же я способствовать приличному виду хотя бы одной красивой женщины. О-ля-ля... Красивой, красивой... Была, вроде. Ах, мои сладкие, на одной красоте, это уж само собой, не только далеко не уедешь, но и вообще разобьешься вдребезги, так, что костей не соберешь. Дадут тебе зеленый свет, а там – бац! шлагбаум. Не в красоте счастье, все давно знают, да только выводов не делают из того, что знают, так уж повелось, и примеров кругом – сколько угодно. Но если вы не дура и не сволочь... – хотя преуспевают, естественно, красивые не-дуры сволочи... Хм, таков мир. Впрочем, и я, вроде бы – тьфу-тьфу – преуспеваю. Тоже сволочь? Нет, кажется.

Да и преуспеяние – тоже... Горбом тянешь, гори оно все! И на работу давка, и с работы – давка, и в очередях – давка, и директор – парази-ит, а не поддакнешь ему – выживет, и готовки эти обедов осточертели, и друзья эти Сенечкины вечно в доме топчутся, а мне убирай, Сенька рубашки и носки

«Не думай, я ни на что не надеюсь. Просто я счастлив, что где-то, очень далеко от меня, есть ты на свете.»

желает менять ежедневно – стирай, и давление мое проклятое, Ирка вечно капризничает, Танька хамит – четырнадцать, милый возраст, а Сенька раскатывает по командировкам, и остается только надеяться, что сей образцовый муж мне не изменяет.

Черта с два женился бы на мне Сенька, не будь я в девятнадцать такой, какой была.

Когда девушка взрослеет и входит во вкус своего положения, ей совершенно необходимо, чтобы мужики кругом складывались в штабеля. Она просто-таки все силы к этому прикладывает. А после начинает выбирать среди тех, кто остался стоять, при этом глядя в другую сторону. Не надо бы хорошим мужикам быть дураками, пусть даже так им на роду написано. Хотя, если уж человек теряет голову, то не все ли равно, много в ней чего было или вообще ничего нет.

Сеньку я отбила у Лерки Станкевич, и очень быстро. Лерочка его доводила сценами ревности, а я всячески ему советовала на ней жениться. Сама я изображала пламенную влюбленность в Муратова, и, когда мы с Сенькой познакомились покороче, сделала его поверенным своих «тайн». Тянуло Сеньку ко мне не больше, чем к любой другой смазливой девчонке; сделав пробный заход и решив, что здесь ему все равно не отколетя, он пустился со мной в откровенности. Мужчина находит порой наслаждение в откровенности с неглупой приятельницей, к которой его влечет и спать с которой он не надеется; а Сеньке только минуло двадцать.

Дошло, однако, до того, что я готовилась уверовать в дружбу между мужчиной и женщиной, когда б не тихая Сенькина ненависть к Муратову. О третьи лишние! – все счастливо влюбленные по чести должны соорудить вам благодарственный памятник, вроде как собаке Павлова.

Ну, а потом произошло то, что в конце концов должно было произойти, и все встало на свои места.

«Ты снилась мне сегодня. Это было счастье для меня. Я не могу написать все – ты оскорбишься. Но я ведь не виноват. Я никогда не был так счастлив. И знаю, что никогда этого не будет в жизни, отлично знаю. Не сердись. Мне все-таки трудно без тебя.»

На следующий день выглядел он спокойным, и уж конечно слегка небрежным, самодовольным и очень уверенным – пока, встретившись вечером, я не объявила ему, что случившееся – ужасная ошибка, прихоть настроения, и впредь я намерена хранить верность Муратову, коего и люблю.

Люди устроены настолько примитивно – тоскливо подчас становится. Два дня Сенька ходил бледный и садился не в свои автобусы. На третий он перевозносил как чудо то, что и следовало перевозносить впредь, и больше носа не задирал, смертельно боясь меня потерять.

Год он приставал с просьбами о женитьбе. У мужчин загорится – будто на шиле сидят. Как пить дать не дожидаться б мне Сенькиного предложения, знай он, сколько я мечтала выйти за него замуж. Но через год в этом возникла необходимость, и мы устроили свадьбу. Славный Муратов никак не мог взять в толк, почему его не пригласили, и страшно обиделся.

Дворец бракосочетания – это, конечно, кошмар, но невесте так никогда не кажется; в белом платье и фате я ощущала себя совершенно нереально. Больше всего я боялась, как бы в новых туфлях не поскользнуться на лестнице. И путались ленты, привязанные к букету. Единственный в жизни раз была тогда удлинненно-интеллигентной Сенькина физиономия. От волнения он никак не мог надеть мне на палец обручальное кольцо; пришлось самой. Весьма символично.

И денек стоял – второе июня шестьдесят пятого года. А нынче май восьмидесятого... Шуточки делов. Таким макаром еще пяток лет – и будем мы пить на Танькиной свадьбе.

«Меня не приняли в летное, но нет, я не утратил мечты стать офицером, через месяц с небольшим я еду в Красноярское радиотехническое училище войск ПВО страны. Не знаю, как у меня в дальнейшем сложится судьба, но если я буду офицером (а я им все-таки буду), я буду счастлив от того, что и крупинка моего труда будет вложена в то, что небо над твоей головой всегда будет чистым.»

А там, глядишь, бац! – бабушкой-дедушкой заделаемся. Ну, не в сорок, так в сорок пять. Забавно...

За Танькой, небось, мальчишки бегают. Красивая девочка растет. У меня-то еще в детском саду поклонники завелись. А в шестом классе Беляев трагические письма писал. Димка Носик покупал мороженое – до ангины довел. А на выпускном вечере я танцевала только с Куявским, мы целовались в темном спортзале, руки у него были липкими от вина, и он настаивал мне пятен на белое платье.

А с Сенькой все началось на первом курсе, когда мы ездили на пляж в Серебряный Бор. Он единственный успел загореть, и дурачился, развлекая всех, а лицо такое – взглянешь – и на душе светлей. У него и сейчас такое лицо. Разве чуть порезче стало. Но это лучше даже. Мужественней.

Как мы жили с ним студентами! Он говорит, что на отработках – и топают разгружать вагоны. Я ему котлетки жарю и говорю, что уже обедала – сама на картошке сажу. А потом друг другу – сцены на нервах.

Сейчас бы, может, и рада картошку лопать, да талия ползет – диету не придумать. Гимнастика, бассейн... Больше семидесяти двух сантиметров – ни за какие блага. Поедем в августе на юг – и как я там, спрашивается, должна выглядеть? Сеньке опять девки

«Вот только сегодня вечером удалось уединиться в Ленинской комнате. Я только сейчас сменился с дежурства, стоял дневальным, как раз по очереди попал с субботы на воскресенье. Увы, так мало у меня сейчас времени. У меня жизнь и служба идут своим чередом, будни воинские, ничем примечательным не отличаются.»

будут глазки строить. Машину вести мне, конечно, придется. Сенька за рулем? – это верблюд на лыжах. Через пять минут ровного шоссе он начинает самоуглубляться и норовит вмазать в первый встречный

«Вот уже три года я в училище. Не за горами уже самостоятельная служба, офицерские погоны. У меня другие интересы, занятия, все изменяется. Правильно устроена жизнь, конечно, в некоторой степени. Может вся моя любовь просто призрак, может она построена моими мечтами. Нет, это не так. Я любил, люблю и буду любить тебя. Я всегда и всюду буду благодарен тебе за то, что благодаря тебе я узнал настоящую любовь, которая вечна.»

грузовик. Когда защитит докторскую, ему лучше оборудовать место в багажнике – и он сохранней, и всем спокойнее.

Эдак он к Танькиной свадьбе профессором станет. И как студентам преподает – непонятно. Ирка через десять минут занятий с ученым папой ревет и бежит ко мне: это он объяснял ей задачи для третьего класса. Задачи, признаться, идиотские, но и сама она бестолковка. Ладно, пусть растет гуманитаром. Таньку я, признаться, больше люблю. И кажется, обе это чувствуют; скверно.

«Конечно, быть командиром подразделения сразу не просто. Места здесь красивые, лес, сопки. Но зимой очень холодно, недаром нам дают северный паек.

Сколько времени прошло, целая жизнь. А началось все в девятом классе, когда наш класс ездил на картошку. В автобусе я от нечего делать стал разглядывать тебя. Потом стал думать о тебе и дома. Так все и началось... Моя любовь к тебе была все сильнее и сильнее. Эх, жизнь...»

Так, борщ, похоже, готов. Сейчас свистну Таньке – пора на стол накрывать, Сенька вот-вот явится. Похудел он у меня что-то в последнее время.

«Шесть лет, как я не видел тебя. Ты меня, конечно, и не помнишь, я ничего для тебя не могу значить. Я даже не писал тебе, зачем это.

И все равно я любил тебя, и ты любила меня, и я целовал твои губы, я зарывался лицом в твои волосы, я клал голову тебе на колени, я гладил их, гладил твои руки и плечи, ты ничего этого не знала, ты была далеко, ты не думала об этом, это была не ты, но все равно это была ты, все равно!

И это ты засыпала на моей груди, это ты прижималась ко мне и целовала мои глаза, это ты плакала, когда я уезжал, и обнимала меня на вокзалах, и это всегда будешь ты, ты, и никуда, никуда тебе от этого не деться!..»

Гроза прошла. Май, и земля зеленая. Радуга.

Под головокружительной ее аркой, среди вытянувшихся топольков, стоит крашенная под серебро пирамидка с красной звездой.

С фотографии, маленькой, несколько выцветшей уже, смотрит легко светловолосый юноша в военной тужурке.

лейтенант
Руслан Степанович
Полухин
1946–1969

Небо яснее, искры вспыхивают в мокрой траве, в металлических прутьях пирамидки.

Колечко

1

– А и глаз на их семью радовался. И вежливые-то, обходительные: криков-ссор никогда, всё ладом – просто редкость...

И всё – вместе только. В отпуск хоть: поодиночке ни-ни, не водилось; только всё вместе. И почтительно так, мирно... загляденье.

Не пил он совсем. Конечно; культурные люди, врачи оба. Тем более он известный доктор был, хирург, к нему многие хотели, если операцию надо. Очень его любили все – простой был, негордый.

...Они еще в институте вместе учились. И уж все годы – такая вот любовь; всё вместе да вместе. На рынок в воскресенье – вместе; дочку в детский сад – вместе. Она с дежурства, значит, усталая, – он уж сам обед сготовит, прибрано все. Или ночью вызовут его – она спать и не думает, ждет. В командировках – звонит каждый день ей: как дела, не волнуйся.

К праздникам ко всем – друг дружке подарки: одно там, другое... а дочка та вовсе ходила как куколка, ясное дело. И уважительная тоже, воспитанная, встретит: «Здравствуйте, как вы себя чувствуете». Крохой еще – а тоже вот; воспитание. А постарше, и в институте: «Не нужно ли чего, не принести ли?..» Радость родителям – такие дети. Какие сами – такую и воспитали.

Услышишь поди, муж где жену бьет, гуляет она от него, дети там хулиганят... или врачи те же лечат плохо... а эти-то – вот они: и даже на душе хорошо. Ей-же слово.

Поживешь – может, плохого в жизни и больше. Как глядеть... А только, подумать, не в зимогорах ведь, – в таких людях главное. Они основа... настоящая...

2

– Сюсюканье это... смешно даже. Легкомысленность одна... Не обязательно же – попрыгуньи, стрекозлы; нет... легкомысленность неглубоких натур: как повернется – к тому душой и прилепятся. Растительная привязанность. Тут не постоянство чувств, тут скорее постоянное отсутствие подлинных чувств. Чеховские душечки. Старосветские помещики...

Он мне вообще никогда не нравился: ни рыба ни мясо. В компании пошутит – поддержит, погрустит – поддержит: сам – ничего. А она... смурная всегда была какая-то. Два раза прошлись, трах-бах!.. женились... Два притопа три прихлопа...

Не могу объяснить, вроде напраслины... но несерьезно это выглядело, как ах-любовь из плохого кино.

Ну конечно – он фронтовик был, с медалями, – так у нас половина ребят была после фронта. Конечно – четвертый курс, подавал надежды в хирургии, у девочки головка закружилась... много ли такой надо.

Вот друг у него был, Сашка Брянцев – душа парень: веселый, умница... вот бы кому жить да жить... Все опекал его, за собой таскал; тот на все его глазами смотрел.

А в этой – ну что увидеть мог; пустынькая фифочка с первого курса. Улыбнулась ему – и взыграло ретивое.

Нет, я лично их тогда не одобряла. Конечно, у каждой свои взгляды, каждому в жизни свое, но я лично для себя не о таком мечтала. Все-таки о настоящей, глубокой любви мы все мечтали...

И промечтались... некоторые... И наказаны за идеализм дурацкий свой. Засекается крючок, дева старая. И хоть бы ребенка родила, пока могла; дура тупая!..

Да все-то достоинство их – в примитивности характера, видно: хватайся за счастье какое подвернулось и держи крепче, и будь доволен; но уважать за это – увольте...

3

– И по прошествии двадцати пяти лет окончательно явствует, что парнишка-то нас всех обскакал. И ни-чего удивительного: этот с самого начала свое туго знал.

Начиная буквально с того, что поселился с Сашкой Брянцевым. Брянцев: с кем, кричит, комнату на пару? Этот – тут как тут; набился. Умел влезть. Стал Сашкиным лучшим другом. Сашка-то везде был центральной фигурой – и этот при нем. В любой компании – желанные гости. На практику – Брянцев любого обольстит, завладеет лучшим направлением – и его следом тащит. Конспекты – одни на двоих; причем тут Брянцев не переутруждался. Так тандемом они светилами и были. Но Брянцев-то скорее издавал свет, а этот-то – отражал. Спец по тихой сапе.

Спокоен, упорен, занимался много – это да. Это было. И расчетлив же, клянусь, – на удивление; законченный прагматик, чужд любым порывам.

Грешно говорить, но прикинь-ка. Вот погиб Брянцев, лучший его друг. Единственный даже. Опустим эмоциональную сторону – мы не вчера родились: тут и фронт сказывается, и вообще он эмоциями не перенаделен... не будем драматизировать. А чисто житейски – имеем следующие проблемы. Во-первых (не по значению, а в порядке возникновения), придется вдвое платить за жилье – а денег ох не густо; или пускать кого, малопривно, друзей нет; или перебираться в общежитие, а среди года не дадут, и независимость не та, условий поменьше и для занятий – а долбил он зверски, – и для веселья – хотя на сей счет он не отличался. Во-вторых: через год грядет распределение, а преимущество в выборе предоставляется семейным с детьми до года; да и двадцать пять лет – возраст, жениться все равно когда-нибудь надо.

И выбирается заурядная девочка с первого курса: оптимальное решение. Раз: она его уважает и почитает: он взрослый, способный, умный, подающий надежды, герой-фронтовик, – авторитет в семье обеспечен; его слово – закон. Два: единственная дочь обеспеченных родителей, им подкидывают, в плане материальном он не отяготился, а наоборот. Три: она юна, восемнадцать лет, чиста, достаточно мила, хозяйственна вдобавок: суп в тарелке, девочка в постели, – удовлетворены и потребность в женщине, и тщеславие, и естественное желание нормального быта. Четыре: до распределения они рожают ребенка, и их оставляют в областной больнице. Масса вопросов – одним махом, а?

Пусть я циник, – факты не меняются.

Он идет на место хирурга, и становится дельным хирургом, – по справедливости отдадим должное. Хорошие руки, интуиция; и какая-то демонстративная надежность в характере... У него и научная работа, он и в общественники лезет, и речи толкает, и кандидатскую кропает, и с любым-то умеет поладить, и в результате он областной хирург, и на него очереди, и он кандидат, и депутат горсовета, и вообще не последняя личность. Достать, устроить, – в момент.

Кто удачливей? Гера Журавлев доктор в Москве? В Москве докторов – куда ни плюнь, у Геры гараж в другом конце города, закручен как очумелый. А тут человек – на виду, при верхушке; не-ет, молоток.

И с женитьбой – суди: один ребенок – точка; обузы парень никогда не домогался. Тишь, гладь, спокойствие. Не имеет на стороне? чьи гарантии; у таких комар носу не подточит. И кроме – это и вряд ли увязывается с его идеалом хорошей жизни, и только. Благополучная карьера, благополучная личная жизнь. У таких ребят все путем. Реалисты, брат! Рассудочный брак – залог стабильности. Учись! – да поздновато нам...

4

– А куда ей было деваться? Несчастливая девчонка!.. Грехи наши...
Вот как это бывает в жизни.
Она любила Брянцева. Они решили о женитьбе.
Брянцева нашли утром в снегу, с пробитой головой. Послевоенный бандитизм...
Она осталась беременной.
И никто – никто ничего не знал!..
Девчонке восемнадцать лет. Она в помрачении от нереальности происходящего.
Аборты были запрещены.
Довериться? кому, как? чем поможет: сознаться в тайном, подсудное дело, огласка, позор!.. кошмар... жизни конец.
И ни единый – подозрений не положил. Примечали раз-другой ее с Брянцевым – его с кем ни видели: по нем полфакультета сохло... что особенного.
И воспитания девочка была. Позор пуще смерти мерещился.
Что делать!..
И ведь на занятия ходить надо! улыбаться, разговаривать, на вопросы отвечать! очереди занимать в столовой!..
Поехать и признаться к родителям? Кто даст отпуск... неважно... С этим – к отцу-матери... доченька единственная... нет; невозможно.
Нет выхода.
Повеситься.
Да и к чему тут жить... Нет страха: в глазах черно.
Родители... но сил нет.
Но ребенок... Их ребенок... любовь их, плоть их, маленький... ему бы остаться на земле; ему бы жить.
Ах, должен он жить: смысл единственный, да чего же стоит остальное, в конце концов.
И – долг перед любимым: есть долг перед любимым; что тут от подлинного ощущения его и осознания идет, что надуманно, на что инстинкт жизни подталкивает исподволь – кто разберет, разграничит.
Бросить институт, уехать, устроиться на работу, родить...
Куда? Как? На какие деньги?..
Девчонка только из-под родительского крыла... Едва в начале – жизнь рухнула. Растить сироту... Одной. Одной.
...Так и возникает дикое для первого восприятия собственных чувств, и укрепляется во спасение: выйти замуж. Избежать позора, ребенок в семье, устройство всего... Обыкновенное, по сути, решение. Да рассуждать легко...
За кого?.. Ох, не все ли равно! То есть говорится только – не все ли равно, хотя в таком состоянии верно может быть не только все равно, но даже чем хуже, тем лучше: горе по горло – так пусть все под откос, и в мученичестве удовлетворения ищешь. Но каждый выбор понуждает к последующему: решил жить – решай как, далее – конкретней...
Мысль о друге Брянцева была естественной. Он оставался частью его мира, и через это представлялся не совсем чужим.
Стать женой друга – меньший ли грех перед любимым, ближе к нему ведь; или больший – ведь к другу ревновал бы больней...
И попросту: сдержанный, одинокий, не красавец, не юнец... он подходил...
...Ну, трудно ли молодой симпатичной девушке завлечь и женить на себе заучившегося обычного мужика, не избалованного женщинами и их, в общем, не знающего. Главное – каких

мук, какого напряжения ей стоило играть эту влюбленность в него, внутри мертвеца от отчаяния и тоски. Сколько же сил душевных понадобилось! И откуда берутся у таких девчонок, – а ведь у них именно и берутся.

И – торопиться приходилось, быстро делать, быстро! Беременность шла; не приведи бог заподозрит, догадается.

Тоже сердце рвет: знать ребенку, кто отец его, любимый, не доживший! или пусть во всем счастливый живет, при живом отце... Любя по-настоящему, им счастья желая, как бы и сам Брянцев рассудил...

Другое: открой, что беременна – разбежался он чужую заботу покрывать. С чем подойти, «женись как друг»?.. Слово вылетит: скоро молва... И женится – где зарок, что не попрекнет в тяжелый час, не будет собственную душу грызть и на тебе срываться... Все люди.

Нет, по всему выходило скрывать.

Не девушкой – что ж... дело такое. Ничего. А остальное – он, тихоня, до нее, может, и вообще мужчиной-то не был. Может, и не снилась ему такая.

Совершились ее намерения наилучшим образом. За нос такого провести нетрудно: приласкай – и верти им, любому слову поверит.

Она стала хорошей женой. Лучшей желать нельзя.

Потому и угождала, что дорожила положением своим?

Какую твердость, какую волю надо иметь, чтоб с такой тайной жизнь прожить. Не выдать себя, не обмолвиться.

Нет; всю жизнь не пропритворяешься. Привычка. Роль становится натурой: бывшее так отойдет, и не поймешь: приснилось ли... Привязалась постепенно; были и радости, и счастье, и всякое; жизнь была.

Он оказался хорошим человеком, хорошим мужем: она не ошиблась.

Брак обошелся ей в жестокую цену; она стремилась к нему более всего на свете; та боль скрепляла его.

А вынужденность его не могла хоть сколько-то не тяготить.

Но был еще единственный ребенок и его счастье.

5

– Женщины... смейся и плачь. Вообрази: он все знал. Знал он!

И отдавал отчет в жути ее положения.

Что он должен был делать? Оставаться безучастным? Поддержать, утешить, – чем мог? не те дела: как поможешь...

Аборт ей сделать на себя взять? Криминал, риск, судьбу на карту... а вдруг неудача, последствия, дознаются...

Она пошла бы ли еще на это. Восемнадцать лет, все в первый раз, жгучая гордость, трепет перед оглаской... понимал: ей и на признание не решиться.

Она здорово держалась! Как понять: самообладание? Или, очень вероятно, то запредельное состояние изнеможения, когда махнешь на все: «Будь что будет», опущены руки, неси течение к неминуемой развязке, истрачены вера и воля, и существу враждебны мучительные усилия к спасению, противоречащему всеподчинившейся логике событий: блаженный наркоз засыпающего на морозе. Опасно затрагивать человека в подобном пассивном смирении с пока неопределенно отодвинутой гибелью. Его оцепенение чувств – неверное равновесие подтаивающей лавины. Легчайшее прикосновение извне может послужить к катастрофе. Как отточить интуицию до ювелирной чуткости... Оскорбишь своим знанием: а она головой отрицательно замотает в ужасе – и после покончит с собой. И все благие намерения.

И тут она явно ищет с ним сближения. Встреча, вторая. Взгляды, интонации, позы, весь этот женский бедный арсенал...

Он не дурак был, трезвая голова, на свой счет не обольщался. Все понял. Понял, и согласился про себя, что для нее это выход и спасение. Так... Это максимум и одновременно едва ли не единственное, чем может он реально ей помочь.

Тут надо немало души. У него достало.

...Он не показал ей, что знает: ни тогда, ни позже. Зачем. Истинное благородство – выше показа.

Вообще собственное благородство вдохновляет к идеализации мотивов. Ну: на одной чаше весов – возможно, жизнь невесты друга и их ребенка; на другой – что, собственно? одиночество – не постыло ли... развестись всегда можно; алименты? ерунда... Чужой ребенок? никто не знает, зато знает он: самолюбие спокойно – уже полдела.

Вначале скрыл – щадя ее и боясь оттолкнуть. Жертвы она могла не принять. Приняв – тяготилась бы обязанностью, благодарность по долгу – рождает подсознательную жажду раскрепощения, неприязнь.

А позже – обнаружили свои прелести и преимущества. Как жена полностью устраивала. Семья – куда лучше. Дочка славная растет; а больше детей-то не было, может у него своих и не могло быть. Признайся – простит ли унижение, не потеряешь ли ребенка, которого привык считать своим и любишь, к чему все приведет... Нет, если устраивающее тебя положение стабилизировано – не следует нарушать его чем бы то ни было.

Не покинет краешком и лестная надежда, что и сам не так плох – почему самого и вправду полюбить нельзя; хоть разуму известно – да слова, да чувства, да ночи, да тщеславие мужское неистребимое...

Вдобавок тайное знание вселяет силу и власть. Хранишь последним оружием: в таких соображениях и лучший не волен, пусть даже совесть не позволит и в крайнем случае использовать. Отсюда – дополнительная выдержка, снисходительное достоинство вооруженного к слабому.

Разнообразны благие намерения, по которым мы скрываем от ближних знания о них. Тактичность, жалость, любовь, расчет, великодушие и душевный комфорт... Разве всегда один супруг жаждет знать все о другом? А зная – жаждет выложить? Или зная, что другой знает нечто о нем – жаждет услышать? Несказанное – неустойчиво к существованию, отчасти и не существует. Мало ли некасаемых семейных мин тикают механизмами к забвению.

6

– Фьюить-тю!.. Не укладывается в толк. Ну...

ё-моё! Чего я сейчас не могу понять – почему раньше это никому не пришло в голову. «Кому это выгодно?» Но кто б, непосвященный, свел воедино...

Конечно. Он любил ее.

Одному ему, другу, Брянцев поведал секретно: беременна, теперь жениться; в тот же вечер. А он, знакомый издали, он полюбил – да тут Брянцев рядом... все предпочтения, она влюбилась; не суйся. И Брянцев (не трепач отнюдь), эдакий симпатяга, живая душа, с ним и делился заветным: как целовались... как женщиной ее сделал. Та еще пыточка. Молчал: крепок был, да невольно поведением зависишь от сильного. Молчал – до обморочной ревности, стиснутые зубы немели, небось, воображение рвалось как киноплёнка на словах обнаженных, сокровенном полупшепоте, в темноте, под последнюю папироску, как это бывает.

Планы безумные перебирал. Надеялся еще на что-то? Женитьбой – на искорку ему дунуло. Конец. И одновременно: случись что с Брянцевым – каюк ей, беспомощность: шаткий

момент, единственный шанс. Простая логика, и холодок от нее. Все продумал, все рассчитал, все учел. Семь раз отмерил...

И на следующий день как раз стипендия. С ребятами немного выпили в общежитии и пошли домой. Пришли, Брянцев говорит, посидев: пойду к ней схожу, не так поздно еще. (Она с подругой комнату снимала.) Он – пошли, говорит, вместе в гости. Пожалуйста. Случай подставляется: он сам предлогов искал вечером вдвоем прогуляться из дому; да тут еще снег сыплет. И специально пальто на вешалке в коридоре оставил, и шапку, только куртку и фуражку старую надел. Тепло, машет, закаляюсь. А март, и снежок.

Только вышли – погоди, говорит, папиросы забыл. Быстро вернулся, включил настольную лампу (окно на другую сторону, не видно, но верхний зажечь – по отсвету заметить можно), чтоб в коридор через щель дверную пробивалось, и комнату не замкнул, ключ изнутри оставил. Будто он дома – для хозяйки, предусматривая алиби.

И сунул в куртку, рука в кармане, припасенный обрезок стального стержня.

На улице сугробы, темно, пусто. И перед углом, где у высокого забора намело, тропка узкая в снегу, Брянцев первый шел – он его по темени и хрякнул. Тот оседать – еще раз! Шапку сорвал – и упавшего еще два раза, наверняка. Отвалил его к забору, снег ногой закидал, и стержень в снег. (Голой рукой не брал, без отпечатков, в газету завернул, и руки в перчатках). Ходом обратно. Газету скомкал – в уборную. Порошило – отряхнулся. Минуты три прошло, не дольше. Повстречается хозяйка или спросит – в уборную скажет выскакивал.

При расследовании прошел чисто. Никаких причин, ссор, выгоды. Видел последний, подтвердил. Из дому не выходил. Хозяйка подтвердила. Никаких улик и подозрений. Нервами он будь-будь обладал. Да что и в лице – друг все-таки, некоторые переживания уместны.

... Сошелся его расчет. В точности и тоньше. Девка очутилась при гробовом интересе. А он норовил попадаться на глаза – хотя и остерегаясь. Пусть было ей уж куда не до дедуктивных выкладок – но ее-то и могла озарить истина, зарвись он увлеченно. Кто б ей поверил, нет улик... все равно выдать себя недопустимо.

Предусмотренный вариант: знает от Брянцева, предлагает для выручки фиктивный брак. А там – тихой сапой обрабатывать. Семья, отец ребенку, опора, благодарность... Вероятно, получилось бы. Такие берут не мытьем, так катаньем.

Сложилось же для его желаний намного удачнее. Действительно, когда решаешься твердо любой ценой – судьба поворачивает навстречу.

Жестокое испытание обнаружилось, главная трудность. Любил – сильнее законов божеских и людских. Подушку грыз и плакал – двадцатичетырехлетний мужик, который в двадцать старшим лейтенантом был и на фронте ротой командовал. И – прикосновение первое, поцелуй первый, первая ночь. Сознание отрывается. От касаний ее плавился, от наготы слеп.

А волю любви дать не смей! Себя теряй – помни! Поймет – гибель!

Кара и истязание.

Превозмог.

(Ситуация: балансирование на проволоке. И так-то чужая любовь ей тяжка, и догадаться может, – и чтоб уверилась в покое за собственный обман.)

Месяцами; годами. Не скоро бросил беречься, раскрепостился: со временем, мол, полюбил так; и она уже привыкла...

Оттого и любил всю жизнь так сильно, что первый жар не изгорел, калился?..

Ладно в заботливости мог не сдерживаться – на характер, склонный к порядку, спишется: семья – значит заботиться надо.

Но вот сомнение: таким макаром себя давить, ломать, – что хочешь задавить можно. Уже не медовый месяц, не первый годок – столько напряжения по укоренившейся привычке постоянно, что и вправду незаметно для самого любви уже может не оказаться...

Но прожил. С любовью, и с тайной захороненной.

Все же кремень... Кремень.

По сути – изверг, чего там... Убийца, и не просто... Друга – накануне свадьбы. Девушку любил – своей рукой обездолил. Ребенка – осиротил.

Но это – любил!.. Подумать – и жуть оказаться на ее месте... и не одна, наверное, замерла сладко, чтоб ее кто настолько любил...

7

– Нет у меня ощущения свершившейся катастрофы. Странно: естественность и закономерность. Пережил заранее?.. Только не раскаянье. (Глупцы каются. Человек всегда поступает единственно возможным именно для него во всей совокупности данных обстоятельств образом. Кается – из иного положения, и будучи сам иным, изменчив. Кающийся неадекватен совершающему поступок: свидетельство изменения; и свидетельство забывчивости и непонимания человеческой природы, в первую очередь собственной; если есть хорошая память, развитое воображение и честность с собой – сознаешь абсолютную неизбежность прошлого.)

С собой не хитрю. Даже сейчас – я горжусь тем, что сделал: хотел и смог! Самоутверждение?.. Тщеславие перед собой как зрителем?.. О боже – и наедине с собой, силясь быть честным – насколько трудно, если вообще возможно, отделаться от роли, которую играешь перед собой же! Несовпадение личности с идеалом?.. «Оно», «Я», «СверхЯ»... Что надумано? Что истинно? Как отделить одно от другого? и возможно ли?.. Мы формируем себя на основе импульсов, эмоций, которые в свою очередь зависят обратной связью от образа мыслей и убеждений, – где определить сердцевину истины, вожденную точку верного отчета? И существует ли она?

По здравом размышлении я отвечал себе – нет. Нет. Лишь степени приближения к ней. Проще: до конца себя не познаешь, но можно достаточно глубоко.

Почему я не покончил с собой? Незачем. Взвешено, отмечено, отрезано... Подбита черта. Что под ней? Восемь лет заключения и потеря всего в жизни (да хоть бы и самой жизни) – нет, недорогая цена за женитьбу на единственно любимой женщине и четверть века счастливой жизни с ней. Счастье... соответствие всех условий жизни твоим истинным потребностям... Я жаждал – и получил. Единственное: так ли? Если был счастлив и потерял все – зачем остался жить?..

Вот такая штука – с каждым серьезным поступком меняешься ты, и меняется мир для тебя. Поэтому ты никогда не получаешь именно то, чего добивался. В самом лучшем случае – получаешь близкое (в собственном восприятии, разумеется, а не как нечто объективное). Но поскольку любовь, ценность духовная, субъективна, именно здесь цель менее всего оправдывает средства. Платишь дорого – можешь возненавидеть, или разочароваться добившись; платишь дешево – можешь охладеть... Добиваясь – перестаешь быть собой! Вплоть до парадоксального рассуждения: любить – желание обладания и одновременно желание ей счастья; но счастлив любящий; любовь редко взаимна – разлюби, пусть ломая себя, чтоб легче и вернее добиться любви, – и исполнишь долг любящего: дашь ей счастье любви, причем овладеешь ею; да только, разлюбив, не пошлешь ли все к чертям за ненадобностью?.. Нет; задача не имеет решения.

Но если б только в этом было дело... Если б я мог сейчас с уверенностью сказать себе, что да, любил ее настолько, и отсюда все последующее...

Брянцев был блестящ. Умен, остер, обаятелен, красив. В молодости не понимаешь исключительности ближних. Для юнца знакомая красавица – просто симпатичная девчонка, гений-сосед – просто способный человек, герой – просто не трус. Наживая долгий опыт, сознаешь им цену. Им и себе.

Он был легок. Я никогда не был легок. Может ли быть тяжелый человек счастливым? Почему нет. Но обычно счастливы легкие. Два человека – жизнь их одинакова: один полагает себя счастливым, а второй – несчастным. Претензии мешают? Характер, характер!..

Он был счастлив. Удачлив. Меня воспринимали при нем, не самого по себе. Причем – он меня в такое положение не ставил. Отнюдь – великодушен был, добр; благороден, черт возьми. Да если всем наделен и никакая конкуренция не опасна – чего же не быть благородным. Все равно первый – да еще и благородный. Сильному просто быть добрым, его самолюбие лишь выигрывает. Он от этого еще больше на свету, а ты – в тени. А он и на тебя посветит – его не убудет.

И это – не заслуженно, не горбом, а – благодетельствован природой. Я занимался ночами – он слыл корифеем. Я был умнее – он блистал. Я был глубже – он вешал лапшу на уши. И все его любили, – меня же принимали как его друга.

Мог ли я в глубине души не желать ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего: и чем ниже, тем лучше!.. Зависть? Зависть. Даже – я желал его гибели. Даже – ненавидел. Несправедливо, несправедливо! ему быть таким, а мне таким! Его дружба мне льстила: я ненавидел и за то, что воспринимаю лестным его благоволение: что же, я ниже его? Почему, за что?

Но – другу – вряд ли я много сильнее желал ему бед, чем любой – ближнему. Редко ли люди, сочувствуя словами и лицом, да и поступками, и переживая искренне – в глубине души испытывают удовлетворение от неудач и несчастий ближнего: тем удачливее и значительнее воспринимают они собственное существование. Инстинкт самоутверждения?.. (Отчего мелькают иногда противоестественные мысли об убийстве самых родных людей? Фрейдизм, мазохизм... убого сознание, глубоки его колодцы.)

Возможно, я просто низкий завистник. Элементарный подлец. Подлец с волей и крепкими нервами. И с фронта с умением убить человека деловито и без истерик. А убил бы я его, не будь на фронте? Трудно ответить. В жизни каждое лыко в строку.

Как искренне он делился своими успехами! Как подкупающе, заразительно полагал, что я тоже должен радоваться его радостям! Откуда этот животный эгоцентризм жизнерадостных людей?

Мы познакомились одновременно, я полюбил – она уже влюбилась в него, конечно... я не подавал виду – я не имел шансов. Я любил – а он рассказывал мне, как продвигаются дела. И я поддакивал поощрительно!

Флюиды, говорят, флюиды... Чушь! Он бы умер на месте от одних моих флюидов – он здоровствовал, и все шло ему в руки само. Он таскал девок – я любил один раз. Я становился как стеклянный от звука ее голоса – он с ней спал и передавал мне подробности. Я встречал ее в институте – доверчивая девочка, ясное сияние, – и представлял, что они делают вдвоем, и как делают, ее лицо и тело, и жил отдельно от себя, отмечая со стороны, что это я и я живу.

Да я бы сжег этот институт, весь этот город со всеми обитателями, чтоб ничего этого не было и она любила меня! Чего мне было бояться? Я воевал, я видел, сколько стоит человеческая жизнь. Жениться на любимой – что, меньше смысла чем взять высоту или держать рубеж?

Я рассчитал правильно. Гарантий не было – но я получал максимальные шансы. Я сделал все что мог.

Но дальше... Убийство из ревности – старо как мир. Смягчающее обстоятельство. Кто не стремится устранить соперника. Во многие времена подобное числилось в порядке вещей. Но если б и сейчас это было в порядке вещей...

Когда я убил его – как-то сместилась система ценностей. Я продолжал ненавидеть его – за то, что она все равно его любила, все равно он был ее первым, все равно она, полуребенок, моя любимая, была от него беременна. И – мне было его и ее жаль. И – я чувствовал себя и здесь униженным: он вынудил убить друга в затылок, а сам никогда не поступил бы так! но сам

никогда не попал бы и в подобное положение, удачливый красавец! А попал бы? проиграл бы благородно... Но от чего в силах отказаться – того не хотел по-настоящему.

Но вот что – я не торопился в том, ради чего убил, – и не мог объяснить себе причину этой неторопливости. Изменилось что-то, сдвинулось... Я наблюдал за ней – именно наблюдал; я знал один, каково ей, и следил с холодностью и удовлетворением естествоиспытателя, что она предпримет. Злорадство? Месть за оскорбленное чувство? Страх за свою шкуру, боязнь что она догадается? Торможение реакций в результате стресса?..

Так или иначе – женитьба на ней уже не представлялась мне обязательной! Более того – временами мне вовсе не хотелось жениться на этой девчонке, беременной от другого, не любящей меня и в общем не стоящей ни меня, ни всего, что я сделал! Еще более: мне представлялось, как славно, если б они поженились с Брянцевым, и я бы пил на их свадьбе, и у них родился ребенок, и так далее.

Короче – я воспринимал ее как чужую. Не как вожеленную, ради обладания которой убил друга. На черта я все заварил, пытал я себя? Что за помрачение на меня сошло, что за сумасшествие? Порой доходило до того, что я мысленно молил Брянцева и ее о прощении.

Неужели я настолько ненавидел Брянцева и завидовал, что не ее любил и ревновал к нему, а его ревновал к еще большему счастью, чем он и так имел? Я отвечал себе: не может этого быть! отвечал без уверенности...

Или – сладко лишь запретное? Удовлетворенное самолюбие успокаивается? Я и сейчас не могу толком разобраться... Однако – что-то сместилось во мне. Или в мире для меня. Или сам я сместился в мире. Что-то сместилось.

Я не допускаю, что перешел в иное качество лишь вследствие убийства. Я пробыл два года в пехоте на передовой – навидался смертей и убивал сам; опуская то уже, что я врач, а здесь и этот профессионализм играет роль.

Возможно, я отчасти ненавидел ее – виновницу убийства мною друга; подсознательно мучился сделанным – и настраивался против нее?..

В любом случае – прежняя любовь исчезла. Я пребывал в неожиданном для себя и диком состоянии; и в дикости обретал какое-то мазохистское удовлетворение.

И тут события приняли наилучший для меня оборот – наилучший для меня бывшего, и совершенно ненужный для меня нынешнего. Она решила все скрыть и выйти за меня замуж.

Я почувствовал себя полновластным хозяином положения. Но и в то же время почувствовал себя жертвой – жертвой собственного воплощенного плана, который теперь диктовал мне мое прошлое, настоящее и будущее; я пытался противиться, бессильный. Теперь уже она вынуждала меня к действию. И неприязнь моя увеличивалась. Презрение! – предает память Брянцева, их любовь! пытается провести, обмануть меня! мелкая душа!..

Жалость, остатки внутренней привязанности, комплекс вины, просто физическое влечение – и отчуждение, брезгливость, злорадство, нежелание взваливать обузу, – я колебался. Себя я расценивал как отъявленного негодяя – не без известного удовольствия: но к ней относился свысока! Я переступил предел – происходящее словно отделилось стенкой аквариума. В редкие моменты эта стенка преодолевалась жалостью – когда отмечал подавляемое дрожание ее губ, удержанные на глазах слезы; но проходило быстро – я был трезв. (Или, если играть словами – напротив, пьян до остекленения?)

Я стал рассеян; это приписывали гибели Брянцева. Однажды, когда я, очнувшись, ответил невпопад, был вопрос: «Ты что? Влюбился, что ли?» Сжавшись от укола, я механически отыграл: «Да». Пустяк – но я не мог отделаться от впечатления, что это явилось той точечкой, которая все завершила; перевесившей каплей...

Нет; главное – я знал, что такое настоящая усталость: она ложится на нервы, и делаешься безразличным к самому-рассамому желанному. Надо пересилить себя – и выполнять намеченное. Это как второе дыхание. Желания возвращаются вместе с отдыхом и приведением к норме

нервов из перенапряжения. Отказаться в состоянии изнеможения от раз решенного (изнеможение еще надо уметь определить, обычно самому оно представляется успокоением и трезвостью), когда чувства и разум услужливо доказывают нерациональность дальнейшей борьбы и никчемность результатов – это, собственно, и есть малодушие. Умение достигать – скорее не умение добиваться желаемого, а умение заставлять себя добиваться представляющегося ненужным, но задуманного когда-то; а иначе серьезные дела и не делаются.

Начавши кончай. Иначе для меня все теряло смысл. Это был долг перед собой уже. Больше: это было как заполнение пустого места, причем приготовленного, специально освобожденного, так сказать, места в собственной сущности. Трудно выразить, сформулировать – но так требовалось самим моим существованием.

Фактически я руководствовался чисто рассудочными доводами. Явился вывод и убеждение: я должен поступить так.

Я женился на ней.

Я женился на ней – ну, так обрел ли я желаемое?.. Еще и потому на работе за все хватался: меня никогда не тянуло домой. «Жил работой!..» На работе я был сам собой, и вроде действительно неплохой хирург, и вот это терять действительно жаль: здесь все ясно, просто и по-человечески.

Дома... Забота, внимание... Если б она меня любила!.. все бы могло быть иначе... Но она тоже скрывала – свое. Она любила его. А в чем-то – ты победитель, Брянцев, чтоб ты сторел, и чтоб я сторел, и ничего тут не поделаешь. Здесь ты сильнее. Высшая справедливость?..

Но если б она меня любила... Тогда бы, быть может, и я мог бы ее полюбить... Трудная порода – однолюбы... Она – тебя. Я – ее, ту, до всего. Оба, как говорится, сразу выложили все отпущенные нам на жизнь запасы любви.

Я хотел любить ее. Да понимал, ощущал, что стоит за ее безупречным поведением. Мы обрели себя оба, и каждый тайно от другого, не признавать льда между нами – двойной преграды, а растопить ее можно только с двух сторон. Вот – примерная семейная жизнь. Что не жить? любви ни к кому, друг другу подходим, накрепко повязаны, – и маска делается лицом... если бы! И лицо-то забылось, да не все в душе на заказ переделаешь. Можешь торжествовать из могилы, Брянцев – она тебе верна, она тебя любит, я проиграл... чего еще?

Но как глупо и невероятно вышел конец. Как глупо!.. буквально чудится какая-то непреложность, но ведь ерунда это все, я не мистик, не неврастеник, не верю в рок... глупо... Ты достал меня...

В вашу первую ночь она подарила тебе колечко – серебряное недорогое колечко. Ты показал его мне. Ты носил его в часовом кармашке.

Тем вечером я помнил о нем. Не следовало, чтоб его нашли на тебе – могли запросто докопаться до нее, – я его вытащил. Кинуть в снег? Скоро стает, вдруг найдут, – чепуха!! – но... В уборную? Зима, все замерзло, будет лежать, а если кто приметит... черт его знает... В щель пола сунуть? в комнате не было щелей, ковырять – еще обратят внимание на свежую. И, глупость, психопатия, но – слеп, безумен, любил тогда, – где-то и сохранить хотелось. Так, говорят, и сыплются на мелочах. Не предусмотрел я заранее, значения не придавал – а после уж в мандраже был некотором, естественно, да и домой поживее вернуться требовалось. Отжал я ножом стальной уголок своего чемодана, забил его туда, и бумажки вслед забил, и некуда было ему деваться, никаких случайностей, а специально – в голову никому не придет.

...Дочку я любил, очень. Она очень похожа на мать... Она ничего не скрывала. Ничего не знала. Она любила меня. И я – единственную ее любил. Кого мне еще было любить. Наверно, любил в ней и ее мать, которую любить не мог... Не любил ли я и тебя в ней, Брянцев?.. Не любил ли и свою жертву? разве не любят жертв... какой-то извращенной, но сильной любовью...

Она вошла в комнату, и я увидел на ее руке это колечко.

Под моим взглядом она невольно отдернула руку. Потом растерянно показала:
«Колечко...»

Я обернулся: глаза жены расширились: ужас истины пустил стремительный росток.
Потемнение опустилось на меня.

Как будто это она – нашла свое колечко, и теперь ее ничего здесь не держит, все было заблуждением, опечаткой, сном, она опять молода и сейчас уйдет, все поправила. Я взглянул на жену, постаревшую, словно прошедшие годы и грехи разом прочитались на ее лице, и понял, что эта моя жизнь – ошибка, я не на той женился, а надо жениться на дочери. И логически подумал, что могу это сделать, так как она мне, во-первых, не дочь, а во-вторых, меня любит. А следом подумал, что раз она нашла колечко, то теперь она уже не выйдет за меня замуж, и я теряю ее навсегда. И значит все, что я делал, было напрасно, и вся жизнь была напрасна... Очевидно, выражение моего лица вызвало у жены крик, и этот крик превратил догадку и озарение в свершившийся факт.

И все сразу, вдруг, стало до жути и абсолютно ясно.

Дочь ничего не понимала. Она стояла – уже вне моей жизни. «Уйди!» – кощунственно закричал я, и она отступила испуганно, она а не жена! повернулась и быстро вышла. Я ждал в отчаянии, что она подойдет вопреки сказанному и обнимет меня, и все будет хорошо, но она всердцах, хлопнув, закрыла дверь, и я увидел в окно, как она вышла из подъезда и прошла по дорожке мимо кустов, и идет к углу, и когда она свернула за угол я понял, что все кончено.

Ощущение... прибегая к сравнениям – будто поезд пошел не по той стрелке, а все осталось там, на развилке. Я люблю дочь?... иначе чем раньше... не совсем как дочь... уж очень сильно похожа. Из жены же – теперь вынута для меня и та немногая суть, которая была. Смысла не осталось.

8

– «Хватило мужества... Жив человек в нем...» Походит даже на истину – мог ведь избежать, наверное... Жена догадалась? Э, выкрутился бы: нервы, устал, то-се... мало ли чего наплести можно, разуверить человека в том, чего он и сам не желает: мало ли безумных ложных откровений подчас в мозгу выстреливает.

Нет же – попер в милицию! Совесть заела? душа груза не вынесла, потребность возникла страданием искупить? вот уж вряд ли... не тот человек!

Рассудить: чего добился? Жене – за что еще такое страдание, мало ли намучилась в жизни – от него же. Дочь – уж ни в чем не виновата, ради нее хоть прежнее сохранить стоило. Больница, область лишилась хорошего хирурга, еще не одну жизнь спас бы, много добра принес. А вера в людей, наконец? эдак каждого черт-те в чем подозревать начнешь.

Планида такая? по истине своей поступил? так что угодно оправдаешь, удобный взгляд. Избавляться подобной ценой, за счет других, от собственного душевного дискомфорта – тот же суперэгоизм. Никто так не беспощаден, не причиняет столько зла, как стремящиеся превыше всего к приведению жизни в соответствие с некоей истиной и ставящие эту истину выше конкретного блага конкретных людей. Нет добра в такой честности. Мертвого не воротишь – так искупи хоть посильным добром.

Нет, братец: взвалил – так уж тащи до конца. Ишь ушлый: он о душе задумался, а другие по его милости страдай заново.

Одно ясно: такому – лишь свое желание в закон.

Самолюбие вознеслось, гордыня обуяла – снова презреть судьбу, поступить наперекор? Надоело все, ненужным стало – так уйди тихо, по-человечески, не руша жизни близким, – ну найди способ. Или – считал сделанное своеобразным подвигом, главным в своей жизни –

и свербило где-то, чтоб все узнали? ахнули, оценили решимость!.. – типичная горделивость преступника.

И получается, что такое признание – продолжение и повторение преступления; нет оправдания жестокости – по сути бессельной.

А вероятнее – все проще, по-шкурному: боялся, что жена все равно сообщит – а за явку с повинной смягчат ему, учтут.

9

– Человек любит надеяться, что самое тяжелое – позади... Трудно сказать, что хуже: остаться без настоящего, или остаться без прошлого. Но мне – мне суждено было потерять прошлое и настоящее разом.

Господи, разве я не хотела, не пыталась полюбить его? Но он такой был... добропорядочный и мелкий, без изюминки и изъяна... весь от и до. Внушала себе чувство – тем вернее не могла действительно чувствовать... Лучше б бил, бил!.. ах, тоже – лишь кажется...

Теперь... я должна ненавидеть – и не чувствую ненависти...

Брянцев, Брянцев... ох... так же далеко, как та, восемнадцатилетняя – я... Теперь я понимаю спокойно, никогда не было уверенности у меня, что он женится. Нет, не мне одной он обещал... не мне одной...

Если он действительно любил меня... Тогда он должен был бы быть рад, что жизнь моя шла счастливо. Счастливо?! Но поглядеть на других... Господи, прости мне мои кощунственные мысли.

Разве он не положил свою жизнь ради меня? Кто из них положил свою жизнь ради меня?.. Все спуталось...

Он сделал это из-за меня! И узнав... это отталкивает, пугает... и притягивает меня в нем.

Он не понял... лучше б сказал, что все знает и женится из жалости!.. я могла бы полюбить... Сказать самой! но дочь так любила его; и он ее... я жалела...

Его слова... отрекался, прощался... не любовь ли подталкивала к решению? Отчаявшийся, опустошенный – не пытался ли в глубине души последним средством, фактически самоубийством, отказываясь от обладания – обрести мою любовь? Если так... Нас связывает большее, чем просто двадцать пять лет, прожитые вместе. Он всей жизнью пророс в меня насквозь, – сейчас, когда его нет, по боли я ощутила это. Я должна проклясть!.. но мужчины поступали так испокон века... кому хватало мужества... Я ищу оправданий – как соучастница...

Можно любить преступника – не ничтожество. Я сопротивлялась признаться себе... Я прожила жизнь с ним, моим любимым. И сейчас, полюбив, – должна потерять. Дочь... Единственное, в чем я уверена, что знаю определенно; она, она есть у меня. Опять; отказаться от любимого – ради дочери... любимой моей дочери, которую я боюсь возненавидеть.

10

– Нет правды выше верности. Чем еще сохранить себя самое среди всеразьедающих сомнений. Кем бы ни оказался человек – был один кров и хлеб. Но тот, кто убил твоего отца... тот, кто сам был отцом – которого любила, которым гордилась...

Прислушайся к голосу крови: судить мать?.. где право! Но вся его жизнь – следствие любви! вся ее жизнь – следствие предательства! Каждый платит. А я? «за грехи отцов»... Когда любишь – ищешь свою вину. Я бы хотела, чтоб его не существовало вообще! и хочу принять и на себя ту тяжесть, что на нем. Я чувствую себя виноватой – в чем?.. Разве можно разлюбить

самых родных людей – что бы ни обнаружилось на их совести: они постигнуты не знанием – нутром; они те же для тебя!

И все-таки... стена, пролегла стена... за этой стеной они... он – преступный... жалость к нему? уважение? боль... он ближе мне чем-то, чем она. Она – единственный родной человек, он – должен стать чужим! но в душе они смещаются с предназначенных разумом мест: он – ближе, она – дальше.

От чего бы ты не отрекался – ты отрекаешься от себя. Но невозможно обрести себя, отрекаясь вторично. Мера верности – поступок, а не время. Он остался верен: она не должна жить с тем, кого знает как убийцу любимого; она не должна остаться с его безнаказанностью. Она! которая стыдилась родить меня без формальностей – от любимого! «незаконнорожденная...» не упомянула мне об отце! Пусть же хоть сейчас сумеет быть верной; она должна ждать его, она должна остаться с ним. Не только ради него – ради себя; иначе что же от нее останется.

Мне трудно жить с ней, даже видеть... Я уеду отсюда... выйду замуж, стану ей помогать... Мы никогда больше не сможем быть втроем, это невозможно... Но с ней я не буду – ради него? скорее, может, ради нее же.

11

– Меньше всего руководствовался я снисхождением, «гуманизмом». Будь моя воля – не жить ему. Это как человек. А как судья – что ж, закон. Рассуждая логически, житейски, не следовало ли бы вообще его не наказывать? Исправляться ему – некуда, так сказать. Исходи наш закон из десяти– или двадцатилетнего срока ненаказуемости за давностью – так и случилось бы. Справедливо?

Конечно – повинная... Заяви хоть жена – суд не имел бы ни единой улики; хозяйка та умерла, дом снесен... абсолютно недоказуемо.

«Фактически – всей остальной жизнью своей он искупал совершенное преступление, являя и своим трудом, и своим поведением без преувеличения сказать пример для любого члена общества...»

Именно – здесь заковья. Так у людей может составиться представление, что нет разницы между преступником и порядочным человеком. Убил – и живи дальше на благо ближних и собственное. Подрывается вера в целесообразность закона?... гораздо хуже, закон – лишь отражение необходимости жизни; подрывается вера в необходимость быть человеком.

Но – с колечком, а!.. Конечно – он избавился от него на следующий же день. Такие делал один кустарь-ремесленник, старичок и сейчас жив, промышляет помаленьку. И дочь их – просто купила похожее! он его и увидел.

Осуждение

– Любовь моя, осень, – изрекаю я. – Когда приходит знание и покой, весна раздражает, пора беспокойства, и я жду сентября.

– Ста-ре-ешь, – улыбается Анна.

– Так, – перестаешь проповедовать, что раньше было лучше, и это старость: ясность и смирение.

– Мужчина излагает кристально, – кивает бородатый из угла. Грязноволосые эстеты, мудрецы в поисках жратвы и аудитории, богема без искусства: шайка идиотов. Отыскиваю на столе невыпитую рюмку. «А в Швеции, – повествует мырма в свитере, – вместо „Нет выхода“ над задними дверьми автобусов пишут „Выход с другой стороны“ – чтоб уменьшить число самоубийств». Интеллектуи отдают дань проблеме самоубийств и мудрости шведов, переходя к обсуждению свободы секса. Все они гении в сослагательном наклонении. Моя причастность томительна. «Не злись, – трогает меня Анна, – лучше мы уьем время, чем оно уьет нас». Туда же.

– Мы сейчас пойдем в ту комнату и закроем дверь, – говорю, – или побудь-ка одна, моя юная грация тридцати восьми лет.

– С римской прямоотой, – констатирует с удовольствием бородатый. «Вы умрете не от своей руки», – отворачиваюсь.

– Ты... ты... – Анна изображает готовность к эффектному жесту.

– Я? Подонок, мм? – Она охает: синяки будут. Идет покорно, опустив голову в своих химических волосах.

У Люды были не такие волосы.

Волосы такие... похожие, м-да... у Маринки были такие.

Волосы эти легко ласкают мое остывающее лицо. Потом она ложится, прижавшись, и дышит успокаиваясь. Сейчас захочет пить.

– Мы встречаемся, только когда я сама прихожу, – говорит она.

– Тем лучше, – соглашаюсь я. – Мы встречаемся по твоему желанию.

Принц из андерсоновской русалочки был осел, каких поискать. Русалочка была прекрасна, смертельно любила его – и не говорила ни слова, немая. Это ли не идеал женщины? Он женился на другой – надеюсь, получил по заслугам.

Прикосновение Маринки приятно. Смытые картинки тасуются... я слышу собственный всхрап и размыкаю веки. Она приподнимается. Я тяну одеяло.

– Я не нужна тебе, – с умеренной скорбью.

Началось; началось; ох!..

– Хочешь сливу? – остались.

– Ты не занят завтра?

– Я тебе позвоню.

Мне капает слезинка.

Из «Мира мудрых мыслей» я почерпнул, что «счастье есть удовольствие без раскаяния».

Она одевается у окна. У нее красивое тело.

– Ты не проводишь меня?

За окном фонарь, дождь; ее профиль изящен.

У Люды был не такой профиль.

Линия профиля отсвечивает голубым на летящем фоне снежинок. Убранные деревья Александровского сада отдают сумеречный свет.

– Я так боюсь первой сессии, – говорит Вика. Я успокаиваю солидно.

Мы гуляем долго после кино, и она не отнимает руки.

Прожекторы зажглись, звенят куранты Адмиралтейства.

Я читаю Блока.

Вика печальна, девочка.

– У тебя не промокли ноги, Вик? Пойдем пить чай.

В гастрономе она тоже пытается платить, «позавчера была стипендия».

Дома я пристраиваю ее сапожки под батареей.

– За благополучную сессию!

Вика пьет хабро. Я показываю стройотрядные фотографии. Пою ей наши песенки под гитару. Музыка, свеча. «Ты гладишь меня, как кошку», – морщит носик. «Кошек гладят те, кому больше некого». Она позволяет целовать себя и смотрит отчаянно.

– Какая ты красивая, Вик... Я знаю тебя давно, только ты не знала этого...

– Правда?

Она гладит мою щеку и в этом прикосновении вдруг на мгновение становится родной, и становится истиной все что я говорю и делаю.

– Милая...

И уже в темноте какое-то время мерцают отрешенно и закрываются ее глаза.

У Людъ были не такие глаза.

Сейчас среди толчеи Невского я упираюсь во взгляд этих глаз.

– Сережка... – она смотрит на мое пальто, ботинки. – Что с тобой? – риторически вопрошает с жалостью, но и с отпущением... Так всплывает забытая боль, чтобы уже исчезнуть.

– О, мать, – говорю я. – Вы прекрасно сохранились. И элегантно чертовски.

В угловом кафетерии она берет нам кофе и пару пирожков мне. Я приношу чистый стакан:

– Не угодно? – вынимаю початый портвейн.

– Нет больше водки с апельсиновым соком, – усмехается Галя. – Ты изменяешь себе.

– О нет.

Не могу отказать себе в удовольствии снять шапку. Она боится смотреть на мою лысину.

– Как живешь?..

– Так. А ты: замужем, дети?

Подтверждает.

– Я ж говорил, все будет у тебя хорошо; помнишь? а ты не хотела соглашаться.

Выйдя, закуриваем.

– Дай два рубля, – прошу я. Получаю пятерку.

Она ищет формулу прощания.

– Ну что, все бабы твои были? Вся водка выпита? Выполнена программа? – говорит она своим красивым голосом.

У Людъ был совсем не такой голос.

Голос Танин – закрыв глаза на солнце, я забыл о счастье – напоминает:

– Ты сожжешь плечи, Сергей, – и внутренняя улыбка постоянна в ее лице и голосе.

Уже июнь, и трава у залива высокая. Кузнечики нажаривают в ней, а позади шуршит о песок вода. Песчинки в сгибах истории и муравей на странице; мы дремлем, касаясь плечами. Таня покрывает мне спину своим платком; ее кожа нагрета и блестит. Рассеянное в воздухе светлое золото июня отполировало ее.

– А я загораю лучше чем ты, – и целует.

Тени отмечают время. Мы купаемся напоследок. Она не умеет плавать, но здесь мелко и дно чистое.

Собравшись, мы уходим босиком. Я переносу Таню через мазутистое шоссе. Она старается лежать удобнее.

За листвой видна автобусная остановка.

– Ты из-за меня совсем не учился сегодня, – говорит Таня. – Если ты получишь четверку, тебе не дадут медаль... Ты не сердись на меня?

Она самая красивая девочка в школе. Везение мое щемит нереальным. Мы строим планы.

Разбиватель сердец

1

- А я говорю – полюбит она тебя как милая, никуда не денется.
 - Не верю я в это... Нет во мне чего-то, что нравится женщинам.
 - Характера в тебе нет.
 - А, знаешь... Посмотришь на себя в зеркало, плюнешь, – кому такой нужен...
 - Ладно. Буду тобой руководить. От тебя ничего не потребуется – только беспрекословно и точно выполнять мои указания. И ни шагу в сторону – хоть сдохни! Понял?
- Летний пейзаж летел за окном вагона. Два холостяка ехали в отпуск на юг.

2

Пожелтевшая страница из общей тетради в клеточку – юношеского дневника. Неустоявшийся, старательно-твердый почерк:

«Как добиться любимой женщины:

1. *Всегда держать себя в руках, иначе крышка. Думать, что делаешь.*
2. *Быть не таким, как все. Выделяться, поражать воображение, иметь какое-то особое качество.*
3. *Изучить все ее сильные и слабые стороны – чтоб уметь на них играть.*
4. *Научиться видеть себя и ее – ее глазами.*
5. *Уметь льстить, уметь вызывать жалость.*
6. *Пока она не стала полностью твоей, ни в коем случае не давай ей почувствовать всей силы своей любви: она должна быть постоянно неуверенна, что ты не уйдешь в любой момент.*
7. *Поставь себя существом высшего порядка.*
8. *Берегись чувства принуждения, зависимости, обязанности по отношению к себе: человеку свойственно стремиться к свободе – в данном случае это свобода выбора, свобода распоряжаться собой. А потому она может стремиться избавиться от тебя – даже если ты „лучший из всех“ и очень нравишься ей.*
9. *Умей создать ситуацию и обстановку.*
10. *Умей ждать случай – и пользоваться им.*
11. *Никогда ничего не проси: должна захотеть сама.*
12. *Делай меньше подарков: не обязывай ее ничем.*
13. *Никогда не отказывайся ни от чего, что она хочет сделать для тебя. Любят тех, для кого что-то делают, а не наоборот. Она должна реализовать в тебе свои собственные хорошие стороны – и привязаться к тебе поэтому.*
14. *Помни: основной рычаг – самолюбие, основное средство – боль, основной прием – контрасты в обращении.*
15. *Умей сказать „нет“ и уйти. Этим никогда ничего сразу не кончается. Откажись от малого сейчас, чтобы получить все позднее.*
16. *Старайся не придумывать и не лгать – но никогда не открывай лжи: это может иметь самые скорбные последствия.*
17. *Добивайся всего – но не смей травмировать ее душу. Не избегай любых средств. Не принимай во внимание сопротивление.*

18. *Обрети культуру секса – как хочешь. Иначе окажется мерзость вместо обещанного блаженства.*

19. *Давай поводы для ревности – но чтоб они не подтвердились.*

20. *Умей показать ей свое презрение.*

21. *Не торопи события.*

22. *Разумеется, выжми все из своей внешности, одежды, речи.*

23. *Перечитывай постоянно:*

Стендаль, „Красное и черное“, „О любви“.

Лермонтов, „Герой нашего времени“.

Пруст, „Любовь Свана“.

Гамсун, „Пан“.»

– А где ты взял в те времена Пруста?

– Рыковские переводы тридцать четвертого года.

– Однако... Смешно, но не лишено... Это все откуда? Или ты сам придумал?

– Обижаешь, шеф. Что ж я тупой, по-твоему?

– И давно? Сколько тебе лет тогда было?

– Двадцать, милый друг. Двадцать...

– Однако... А где же юношеский романтизм, чистый идеализм, возвышенное благородство?..

– Волной смыло.

– Какой волной?

– Волной слез в отчаянных трагедиях юности. Бери кошелек, пошли обедать.

3

Стучат колеса, проходит официантка, звякают фужеры на столике.

– Почему все-таки любовь так редко бывает взаимна?..

– Огласите, пожалуйста, весь список. Я вам отвечу на все вопросы сразу, мой любознательный друг.

– И самое дикое: почему так часто любят полнейших ничтожеств, предпочитая их людям замечательным, красивым, достойным и любящим вдобавок? Почему жена красавца-графа сбегает с пьяницей – директором собачьего цирка?..

– И очень просто... Давай возьмем еще по бифштексу? Да-да, и бутылочку во-он того нам, пожалуйста! Так о чем ты? Ага.

Потому что глупые люди вроде тебя вечно допускают в своих умственных поисках роковую ошибку: обладание чем-то путают с наслаждением от этого обладания. А любовь, милый, – это чувство, как-никак, – оно живет внутри человека, оно субъективно.

Есть у меня один приятель: красивый, здоровый, зарабатывающий, непьющий, над женой трясется, по дому все делает сам – а она выкобенивается, черт-те когда является домой и вечно еще закатывает ему сцены. А сама! – ни рожи, ни души: отоцалый гренадер после самовольной отлучки. И все знакомые ломают голову: ну чего он с ней живет и мучится, с крокодилом, на него масса красивых баб заглядывается?

Отвечаю: значит, он с ней имеет такие условия жизни, которые требуются его душе. Он-то думает, что в неге и покое был бы счастлив. Глупости! Он бы с массой других обрел куда больше неги и покоя. Значит, на самом-то деле он этого не хочет в глубине души, в самой-самой глубине, куда даже сам не заглянешь. Человек страстей жаждет, а не благополучия, другая ему все дома сделает и приласкает – а эта его до того доводит, что он тарелку в телевизор швыряет! За то и любит: страсть она ему внушает.

– Ха-ха-ха! Кхх... пкхе... Ох, подавишься с тобой.

– Не переживай, от этого все давятся. Так вот: когда один из двоих сильно любит, другому уже неинтересно: ему нечего хотеть, что пожелай – тут же и получит. А где же страсти, препятствия, метания души? Зато у первого страстей – сколько влезет: как ни переживай, все равно не получаешь того, что хочешь, и от этого хочешь еще сильнее, потому что цель в принципе-то достижима и кажется возможной. И вдобавок любит он тут не реального человека с массой неприятных черт, а выдуманного – такого, какого ему в душе и надо.

– Короче, пожени спокойно Ромео и Джульетту – и никаких страстей не будет?

– Примитивно, но в общем верно.

– Ты что, хочешь сказать – «Нет в жизни счастья»?

– Есть... Довольно редко, как известно. А чтоб надолго – и того реже. Человек от добра добра ищет, и ему то и дело худо кажется добром. Уметь удерживать счастье – хитрое дело.

Здесь есть вот какие «крючья» для удержания:

Психологи ставили опыт на щенках. С первой группой обращались ласково, со второй – грубо, с третьей – то ласково, то грубо. Спрашивается: какая группа сильнее всего привязалась к исследователям? Ответ: третья. Чувства которой швыряло из воды да в полымя. Одно по контрасту с другим куда как сильно воспринималось.

Вывод: если ты не сумеешь заставить женщину плакать – будешь плакать сам. Не бойся делать больно – так надо. Почему женщина в общем любит сильнее, чем мужчина? Потому что любовь для нее начинается болью, когда она становится женщиной, и кончается болью, когда она рождает ребенка. На два эти пика и натянут канат ее счастья, которое граничит с болью. Это – природа, а против природы не попрешь. Официант, это чай или кофе? Вы в нем что, половую тряпку полоскали?

4

О, юг!.. О, Черное море!.. Достаточно сказать это, чтоб остальное возникло перед взором само – полный курортный набор: солнце, тепло, лазурный прибой, пальмы, загорелые тела, отчаянно смелые купальники, и звездные вечера в стрекоте цикад, и гуляние по набережным, и музыка танцплощадок... все это так известно, что говорить решительно излишне, сплошные штампы и общие места – но все равно приятно отдохнуть на море.

И прохаживаются пары, и отношения их как правило несложны и весьма сходны, и не льются слезы при расставании навсегда, хотя всяко бывает, всяко бывает, верно?..

Пролетел месяц, пролетел. Пожалуйста возвращаться в обычную колею, к дому и работе. Да и надоел уже этот юг, скучно тут.

А подробности – подробности у каждого свои. Не в них дело.

5

И вот первый из двух наших приятелей. Бедный заморыш стал буквально выше ростом, загар благообразит его, и вообще появилась в нем не то чтобы уверенность, но некое раздражающее нахальство и самомнение. И провожает его на вокзале роскошная женщина, и смотрит на него влажными собачьими глазами, и удивляются тихо окружающие дисгармоничности этих отношений: неказист повелитель, в чем тут дело?

А дело просто... Он полагал, что ему с ней все равно не светит, такая красавица, и чувствам воли не давал – не надеялся. И показывал пренебрежение. И был спокоен – не терял головы. И молчал языком умно и даже интересно. И красивой женщине, конечно, захотелось капельку пококотничать и мимолетно проверить свою власть над сильным полом. И никакой

власти не оказалось. И в ее самолюбии появилась щербинка, и за эту щербинку зацепилась нить чувств и стала разматываться.

Да-да, пушкинское «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».

Он привлек ее внимание: он вел себя необычно. Он внушил некоторое уважение: ему было плевать на ее чары. Он уязвил: явно не стоил ее – и однако пренебрегал ею. Красивую женщину заело.

Он заранее замкнул свою душу, боясь поражения и не желая боли. И эта душа, к которой ей было не прикоснуться, сделалась для нее загадочной. Стала манить. И она сама придумала, какая это душа. И придумала, понятно, так, как ей хотелось бы!

Он расчетливо дразнил ее, как бы тая в жаре ее чувства – и тут же обдавая холодом. Она начала страдать. Красивые и сильные мужчины, веселые развлечения – перестали интересовать ее. Она ощутила боль – еще не понимая, что это боль вошедшего в нее крючка, о который она сама рвется.

Она гордо переносила эту боль – но он тут же делался ласков и покорен, она торжествовала было победу, покой, удовлетворение и была краткое время благодарна ему за избавление от этой боли, – но он тут же дергал крючок вновь, осаживая ее, уязвлял, унижал пренебрежением, – и все повторялось сначала, только все сильнее и сильнее с каждым днем.

Ее губило то, что она недоценила противника в этой любовной борьбе. Его спасло то, что он с самого начала был готов к проигрышу в любой момент, и чувства его оставались в покое. Она пыталась бороться, привязываясь к нему все более; и не могла подозревать, что ночь, утро и те редкие дни, когда он намеренно не виделся с нею, он посвящал разбору событий и выработке планов на ближайшее будущее – с холодной головой, упиваясь только своим успехом, – и под руководством «опытного тренера» – своего приятеля, потертого жизнью ловеласа, которого, казалось, вся эта история страшно забавляет.

Какая жалкая пародия на Печорина и иже с ним!

День за днем он методично и расчетливо сокрушал и гнул ее волю. Она начала плакать. Его рука поднималась на нее. Ему понравилось ее мучить – он уважал себя за власть над ней.

Он стал для нее единственным мужчиной в мире. Ведь ничего подобного она в жизни не испытывала, и только читала о таких терзаниях – и таком счастье, которым было временное избавление от этих терзаний.

Она оставалась для него лишь удовлетворением тщеславия и чувственности. Как только он замечал в себе росток любви к ней – он торопливо и старательно затапывал его: он полагал, что она охладает к нему в тот самый миг, когда уверится и успокоится в его любви.

Она стояла у вагона – предельно несчастная сейчас, предельно счастливая в те минуты и часы, когда «все было хорошо»: она любила его.

Поезд тронулся. Он лег на верхнюю полку в купе и стал смотреть в потолок.

Он спрашивал себя, любит ли ее, и оказывалось, что он этого не знает, пожалуй нет. Он спрашивал себя, счастлив ли, и на этот вопрос тоже не мог ответить; но, во всяком случае, лучше ему никогда не было и, надо полагать, не будет.

Он остановился на той мысли, что если она приедет к нему (как и будет, видимо), он продолжит «дрессировку» и, пожалуй, женится на ней. И вот тогда можно будет позволить себе временами действительно расслабляться и любить ее. «Но вожжи не опускать?» – заключил он свои размышления, закрыл глаза и стал дремать.

Засыпая, он успел в который раз подумать, какой молодец его умный и опытный друг и какой молодец он сам.

Его друг, его наставник и покровитель, теоретик и донжуан, лежал на нижней полке и задыхался от презрения и ненависти к нему.

6

«Она даже не пришла проводить меня... Я должен был нарваться. Я сам устроил себе это истязание. Не с тобой же мне равняться, ничтожный соплик, поганая козьявка, самодовольный червяк. У, засопел, паразит.

Бедная девочка, дура. Зачем я все это устроил? Впрочем, она счастлива.

Моя была лучше. Надо покантоваться столько, сколько я, чтоб понять, что такое настоящая женщина.

Я проиграл.

Когда я проиграл ее? Наверняка, в тот самый миг, когда раскрылся.

А когда полюбил? Тогда же, наверное.

Она сидела в полумраке, такая милая, доверчивая, незащищенная. И мне не было ни интересно, ни хорошо. Я знал наизусть, что будет дальше, и знал свою власть, и читал все варианты, как в шахматах. И знал, что все будет так, как я захочу, и знал, что будет через полчаса, и утром, и через неделю... и всего этого мне было мало. Ну, одной больше... толку-то.

Она была в моих руках, и я знал, как она будет любить меня, какой станет верной и привязчивой, как будет сносить мою небрежность, будет счастливой и тихо смирившейся... Ну а я-то сам, что я получу – еще одну замену тому, чего у меня нет, еще одну нелюбимую женщину?..

И я захотел быть счастливым – наперекор всему, всем победам и потерям, всей судьбе, наперекор паутине, выросшей на сердце, и неверию в счастье для себя когда-либо: я захотел любить. Потому что ничего не стоило добиться ее любви – но я уже не верил в возможность полюбить самому.

Неужели я это еще могу? Да ведь могу. Вот что во мне тогда поднялось.

И это ощущение – что у меня может быть не женщина, а любимая женщина – понесло меня, как полет в детском сне, как волна в стену, и я уже знал, что сейчас со звоном вмажусь в эту стену, – буду любить, и буду счастлив, и буду живой – а не разочарованный герой юнцов и дам.

И я открыл рот, чтоб сказать ей все – хотя это было еще неправдой, было только предчувствие, сознание возможности всего, – а когда все слова были сказаны, они оказались уже правдой. Почти правдой...

И все те первые дни я раскалывал свою душу, как орех об камне, чтоб освободить то, что в ней было замуровано и забыто. Я выражался, как щенок, и чувствовал себя щенком. Я в изумлении спрашивал себя – неужели я и впрямь это чувствую? И отвечал: вот да – ведь правда.

Как я был счастлив, что люблю. Как радовался ей. Как поражался, что это возможно для меня: любить и быть любимым, не скрывать своих чувств – и получать то же в ответ.

Все у нас было в унисон. Единственный раз в моей жизни. Мы сходили с ума друг по другу – и не скрывали этого, и были счастливы.

Я открывал в ней недостатки – и умилялся им: на черта мне победительница конкурса красоты – а вот эта самая обычная, но моя, и я с ней счастлив, и никакой другой не надо.

„Ты казался волком, – сказала она, – а оказался ручным псом, который несет в зубах свой ошейник и виляет хвостом“. И я радовался, что сумел стать ее ручным псом, безмозглый идиот.

Это такое счастье – быть ручным псом в тех руках, которые любишь и которым веришь.

А потом – потом все пошло как обычно...

Я сорвался с цепи и вываливал на нее все свои чувства – без меры. Ей нечего было желать – я опрометью выполнял и вилял хвостом. Она стала властна надо мной – я сам так захотел: мне ее власть была сладка, а ей – переставала быть интересна.

Для меня происшедшее было невероятным – для нее нет. Я не мог опомниться – она опомнилась первой. Я не хотел опомниться – а она побаивалась меня, побаивалась оказаться от меня в зависимости.

Она стала утверждать свою власть надо мной – и я рьяно помогал ей в этом, ничего не видя и не понимая: я был пьян в дым невероятной взаимностью нашего чувства.

И оказалось, что для меня нет ничего, кроме нее, зато для нее есть весьма много вещей на свете, кроме меня, который все равно никуда не денется.

Вот тут я и задергался. До меня все еще не доходило, что все уже не так, как в первые дни.

„Ты делаешь ошибку за ошибкой“, – заметила она. Бог мой, какие ошибки, я не желал обдумывать ничего, я летел, как через речные пороги, и радовался, что способен на это...

„А вот конец, хоть не трагичный, но досадный: какой-то грек нашел Кассандрову обитель, и начал...“ М-да.

Милая, хорошая, дурочка, что ж ты наделала.

Неужели же невозможно, чтобы – оба, сильно, друг друга, без борьбы, без тактики, без уловок – открыто, счастливо?..»

– Что-то ты кислый какой-то, – приветливо сказал меньшей друг, свешивая выпавшееся лицо с верхней полки.

– А ведь засвечу я тебе сейчас по харе, – сдавленно сказал больший друг. – Вали-ка в другое купе от греха, поменяйся. – И выходит в тамбур.

Там он долго курит, мрачно гоня счастливые воспоминания, которые еще слишком свежи и причиняют слишком много боли. Потом уплывает в иллюзии, что еще случится чудо и все устроится хорошо.

– Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны...

– Слушай, ты старше меня на девять лет... когда-то я подражал тебе... скажи, что же: это неизбежно? не бывает, чтобы – вместе?

– Эк тебя прихватило. Что же – всерьез?

– Похоже... И на старуху бывает проруха.

– Я такой же глупый, как все прочие. Но думается мне, коли уж ты пришел за жисть толковать, что ты не прав... Не прав.

– В чем?

– В том, что когда король Лир отказывается от власти, он не вправе рассчитывать на королевскую жизнь. Благ без обязанностей не бывает. И в любви тоже.

Женщина не может главенствовать в любви. И не хочет. И не должна. И не будет. Ты это знаешь?

– Знаю. Но я не хочу главенства, я хочу, чтоб это было само, естественно, взаимно, друг другу, понимаешь?

– Не нужна корона – катись из дворца в бродяги. Властвовать – это тяжкий труд. К этому тоже надо иметь вкус, силы, способности. Тебе тридцать лет – неужели таких простых вещей не знаешь?

– А тебе сорок – и счастлив ты с этим своим знанием?

– Настолько, насколько это вообще возможно. До тебя не доходит, что ли: женщина рождает детей и готовит еду – мужчина эту еду добывает и защищает семью. Дело мужчины – подчинять, дело женщины – подчиняться, и счастье каждого – в этом. Ты хотел хотеть того, что она хочет. А должен ты был хотеть, чтоб она хотела того, что ты хочешь. Люби как душу, трясина как грушу, – и вся народная мудрость, бесконечно правая.

Да хоть ты застрелись из-за нее – но веди себя как мужчина, а не как раб.

– Но ведь я же хотел – для нее все!..

– Значит, ей нужно было не это, а? Я тебя понимаю: подчиняться легче, чем подчинять.

– Мне плюнуть раз было ее подчинить. Но тогда бы для меня все исчезло. Не нужно стало бы.

– Вот тут ты и не прав. Настрой у тебя неправильный. Чувствуешь неправильно. Не по-мужски.

– Ты циник.

– А ты лопух. В отношении к женщине всегда должно быть что-то от отношения к ребенку: иногда и запретить, и наказать, – но для ее же блага. Из любви к ребенку не делают же его повелителем в доме? Это современная эмансипация все поставила с ног на голову: и женщины мужественные, и мужчины женственные, полный кавардак и неумеренные претензии. Доставай из холодильника, там еще есть.

...И наш герой через ночной город долго бредет пешком к себе домой, что-то шепча, сморкаясь, отирая слезы, и все пытается сообразить, как же это он умудрился превратиться из Дон-Жуана в Вертера, беспрекословно согласного на все ради счастья увидеть ее еще раз.

Наутро он чувствует в себе достаточно сил, чтобы написать ей гордое прощальное письмо, но через неделю решает, что может еще раз съездить в город, где она живет: в его власти не ездить, но такое счастье увидеть ее еще раз... это ничего не изменит, но хоть еще раз увидеть.

Мимоходом

- Здравствуй, – не сразу сказал он.
– Мы не виделись тысячу лет, – она улыбнулась. – Здравствуй.
– Как дела?
– Ничего. А ты?
– Нормально. Да...
Люди проходили по длинному коридору, смотрели.
– Ты торопишься?
Она взглянула на его часы:
– У тебя есть сигареты?
– А тебе можно?
Махнула рукой:
– Можно.
Они отошли к окну. Закурили.
– Хочешь кофе? – спросил он.
– Нет.
Страхивали пепел за батарею.
– Так кто у тебя? – спросил он.
– Девочка.
– Сколько?
– Четыре месяца.
– Как звать?
– Ольга. Ольга Александровна.
– Вот так вот... Послушай, может быть ты все-таки хочешь кофе?
– Нет, – она вздохнула. – Не хочу.
На ней была белая вязаная шапочка.
– А рыжая ты была лучше.
Она пожала плечами:
– А мужу больше нравится так.
Он отвернулся. Заснеженный двор и низкое зимнее солнце над крышами.
– Сашка мой так хотел сына, – сказала она. – Он был в экспедиции, когда Оленька родилась, так даже на телеграмму мне не ответил.
– Ну, есть еще время.
– Нет уж, хватит пока.
По коридору, вспушив поднятый хвост, гуляла беременная кошка.
– Ты бы отказался от аспирантуры?
– На что мне она?..
– Я думала, мой Сашка один такой дурак.
– Я второй, – сказал он. – Или первый?
– Он обогатитель... Он хочет ехать в Мирный. А я хочу жить в Ленинграде.
– Что ж. Выходи замуж за меня.
– Тоже идея, – сказала она. – Только ведь ты все будешь пропивать.
– Ну что ты. Было бы кому нести. А мне некому нести. А если б было кому нести, я бы и принес.
– Ты-то?
– Конечно.
– Пойдем на площадку, – она взяла его за руку...

На лестничной площадке сели в ободранные кресла у перил.

– А с тобой, наверно, было бы легко, – улыбнулась она. – Мой Сашка точно так же: есть деньги – спустит, нет – выкрутится. И всегда веселый.

– Вот и дивно.

– Жениться тебе нужно.

– На ком?

– Ну! найдешь.

– Я бреюсь на ощупь, а то смотреть противно.

– Не напрашивайся на комплименты.

– Да серьезно.

– Брось.

– А за что ей, бедной, такую жизнь со мной.

– Это дело другое.

– Бродяга я, понимаешь?

– Это точно, – сказала она.

Зажглось электричество.

– Ты гони меня, – попросила она.

– Сейчас.

– Верно; мне пора.

– Посиди.

– Я не могу больше.

– Когда еще будет следующий раз.

– Я не могу больше!

Одетые люди спускались мимо по лестнице.

– Дай тогда две копейки – позвонить, – она смотрела перед собой.

– Ну конечно, – он достал кошелек. – Держи.

О ней

Любовь

Любовь!! Волнует кровь!! Кто еще хочет комиссарского тела?!

Что там насчет божественной страсти? Где там библиотеки любовных романов? А как хороши разделы «Любовь» в бесчисленных сборниках афоризмов «В мире мудрых мыслей»! Прочитал – и обогатился. Поразмыслил, оценил... И все равно не стал умнее. То понял, сё понял, многое понял, и все равно ни хрена не понял.

Либо она есть, либо ее нет. Это в конкретном случае.

А вообще – все знают, что она есть, и никто не знает, что это такое. Или еще: все знают, что это такое, но никто не знает, как это сказать. Можно сказать одно, другое, третье, пятое, и все это будет верно, но не полно. Не исчерпывающе. Не всеобъемлюще.

Есть многое на свете, друг Горацио, что часто снится нашим мудрецам, и пробуждаясь ненадолго от грез, они одаряют нас формулировками насчет того, что непостижимы пути слияния сердец.

Хотя практики-эмпирики, профессиональные соблазнитель и многоженцы, по этим путям ходят, как по тротуару возле собственного дома. Легко и беззаботно. Зная все повороты наизусть.

Есть любовь к родине, родителям, деньгам, славе, украшениям, риску, вину, работе, развлечениям и ковырянию в носу. Эти виды любви мы сейчас рассматривать не будем. Равно как и страсть нежную и бесплодную сексуальных меньшинств: мы предоставляем им наслаждаться равноправием и скромно отводим глаза в другую сторону – в необъятную сторону, где громоздятся друг на друге люди нормальные.

Любовь женщины и мужчины интересует нас.

Удивительные вещи происходили вечно по причине ея. Рыцари совершали подвиги во имя Дамы, а Антоний предал войско и потерял полмира и жизнь. Хозе убил Кармен, а Ромео убил себя. Парис похитил Елену – и этим уничтожил свое государство в Троянской войне.

Чем сильнее любовь – тем больше наломано дров. Вечно какие-то препятствия, вечно какие-то страдания, и чем трагичнее страдания – тем более прекрасные и проникновенные песни слагают поэты. Пострадал старик, пострадали пассажиры.

Понятию «любовь» придается какое-то магическое значение. Если человек в личных интересах нарушил государственный долг – он кто? Вообще-то изменник. Нехорошо он поступил. А если из непреодолимой и великой любви нарушил? Тоже, вообще-то, изменник, но у него была уважительная причина, надо его понять, пожалеть, сострадать ему. Такова великая сага о Тристане и Изольде.

То есть: влечение достигает такой силы, что переходит в некое иное качество. И этим все можно оправдать. В крайнем случае можно казнить, если он совершил нечто ужасное – но все равно сила его чувства внушает уважение, симпатию, жалость, зависть. Леди Макбет Мценского уезда.

1. В основе любви лежит половой инстинкт. Это понятно и не заслуживает разъяснений.

2. Любовь обычно выглядит культурной надстройкой на половом инстинкте. Человек не кошка, чтоб просто совокупляться. У него есть речь, обычаи, представления о мире, – и вот он переживает, произносит разные слова о своих чувствах, совершает разные поступки, демонстрируя силу своих чувств. То есть обычно представляется, что тупой и грубый человек, о котором иногда говорится «да это просто животное», не способен к такому высокому и прекрасному чувству, как любовь, – ему лишь бы похоть удовлетворить. Для любви необхо-

дима некая душевная тонкость, духовность, так сказать, что и отличает человека от животного (такова традиционная точка зрения).

3. А есть ли любовь у животных? Один партнер может оберегать другого, помогать в добыче пищи, заботиться при ране или болезни. Это, предположим, можно списать на тот же простой половой инстинкт – забота о появлении и выживании потомства.

Полагаете, любовь у попугаев или кошек не существует? Да? А вот вам элементарный волнистый попугайчик в клетке, тоскует один, бедняга, семечки не клюет и перья теряет. Ветеринар выносит заключение: бабу хочет. Езжай на птичий рынок за самочкой.

Подсаживают в клетку самочку – а он ее не хочет. Не дружит, не покрывает. Меняют самочку. Разборчив жених, эту тоже не хочет. И только следующей начинает перышки поправлять, семечки ей лугать и принимать перед ней обольстительные позы. Понравилась.

Точно так же не всякого кота подпустит мяукающая в течке кошка. Орет, катается, не жрет неделю – а ухажера когтистой лапой по морде! Потребен ей мужик – но всякого первого попавшегося она не хочет. Может и первый понравиться – а может и второго спровадить.

Это любовь или нет? Нет, гневно ответит высокодуховный моралист. Это говорит только об избирательности полового инстинкта. Не с кем попало потомство давать, а с подходящим – а уж насчет подходящести природа диктует и направляет.

Без всякой возможности выбора любая пара кот-кошка в конце концов, не с первого раза, примирятся и начнут делать котят. Так это и о паре людей сказать можно. А есть возможность выбора – выбирают.

Мы имеем избирательное действие инстинкта. Это пока тоже элементарно.

4. Половой инстинкт – это оформление биологической энергии, он направлен на существование и размножение вида. Он совершенно целесообразен.

Да? Сейчас! Общеизвестна масса вариантов в животном мире, которые выглядят вполне «очеловеченным» проявлением любви – это гибель особи, потерявшей партнера. Овдовевший лебедь набирает высоту, складывает крылья и разбивается о землю. То же может сделать и голубь, а может зачахнуть и умереть от тоски. Попугайчик в клетке с собой не покончит, но может впасть в такую меланхолию, что тоже сдохнет. Вот разлученный с подругой волк в зоопарке: есть отказывается, лежит неподвижно, глаза погасшие и шерсть лезет клочьями. И относится это ко многим животным.

В чем тут целесообразность? По логике целесообразности – надо немедленно искать другого партнера, а если его нет – как минимум поддерживать себя в наилучшей физической форме: на случай встречи, увеличивая тем самым шанс возможности размножения, или уж как минимум сохранять себя как полноценную и жизнеспособную особь своего вида. Инстинкт жизни должен повелевать именно это.

Инстинкт размножения может противоречить инстинкту жизни индивидуальной. То есть: инстинкт сохранения вида может доминировать над инстинктом самосохранения. Вид – важнее! Да – но это если жертвовать собой ради потомства.

Мы констатируем такую доминанту полового инстинкта в животном мире, которая выглядит анти-целесообразной: умереть без всякого толка вместо жизни и возможного в будущем размножения.

Как же так?

5. Наблюдаются и другие «нецелесообразные» проявления полового инстинкта у животных. Скажем, гомосексуализм селезней или мартышек. Или кобелек, пытающийся совокупиться с диванной подушкой или вашей ногой. А яснее всего – онанизм высших обезьян.

Животное не шибко рассуждает. Оно хочет. Ему потребны ощущения. В данном случае – доминирует потребность полового удовлетворения.

Дети от этого не рождаются. С точки зрения размножения это нецелесообразно. Но для особи это целесообразно с точки зрения удовлетворения непреодолимой потребности в ощущениях.

6. Целесообразность размножения – через особь являет себя как целесообразность получения половых ощущений.

Животное, при отсутствии «рационального мышления», стремится к этим ощущениям гораздо «прямее», чем человек. Заменить секс ему нечем, оно спортом и бизнесом не занимается и в кино не ходит.

А ощущения эти и потребность в них так сильны, что сильнее некуда. Ведь в основе их – базовый инстинкт жизни всего вида.

7. Поэтому потребность в партнере сильнее потребности жить, в общем, в принципе. Перефразируя старую римскую поговорку: размножаться необходимо, жить не так уж необходимо.

Наличие партнера, постоянная возможность обладания им – для животного есть самый главный момент жизни, более ценный, чем индивидуальное существование. Эта «главность» и «ценность» живут в животном на уровне ощущений: есть партнер – желанно, хорошо, положительно, нет партнера – нежеланно, плохо, отрицательно.

Индивидуум стремится испытывать одно и не испытывать другое.

А что такое пара ощущений «хорошо-плохо»? Это кнут и пряник. «Хорошо» – природа манит к этому ощущению пряником. «Плохо» – гонит кнутом от этого ощущения к противоположному, к «хорошо».

«Хорошо-плохо» – это диалектическая пара, одно определяется через другое и одно не существует без другого. Как бы ты узнал, что это хорошо, если бы никогда не испытывал ничего другого.

«Хорошесть» наличия секса соответствует «плохости» его отсутствия. Способности к этим ощущениям заложены в устройстве центральной нервной системы. И – такая штука – они взаимонезависимы!

Нет боли – как узнаешь, что необходимо лечиться? Отсутствие понятия «болезнь» влечет за собой и отсутствие понятия «здоровье» – одно определяется через противопоставление другому. Нет голода – как узнаешь, что необходимо насытиться? Не страдаешь от отсутствия секса – как узнаешь, что надо совокупиться?

Нам нужен кнут. Поймите и запомните это хорошо. Через кнут мы ощущаем необходимость пряника. Через избавление от страдания познаем наслаждение и счастье.

Нежелание, избегание, боязнь кнута – есть вечная и обязательная половина потребности в прянике, где вторая половина – положительные стимулы: желание, стремление, радость.

Стремится ли сознание особи к тому, чтобы кнута вовсе не было, чтоб оно о кнутах даже не подозревало? О нет! Оно именно стремится к тому, чтоб кнут был, чтоб было знание о возможности подстегивания, чтоб угроза кнута наличествовала всегда, ибо через степень болезненности кнута постигается степень сладости пряника. Равнозначная равновеликость и взаимообусловленность.

Короче: индивид не мог бы испытывать такую радость от наличия партнера, если бы не мог испытывать такое горе от его отсутствия.

Это своего рода «зеркальный» комплекс «дву-ощущения». Чем больше растет одна половина – тем больше и точно так же растет и другая. Как сила действия и противодействия, как два равных груза на перекинутой через блок веревке.

Вот таким макаром внушает животному инстинкт размножения, что партнер ему важнее жизни. И когда животное чахнет и гибнет без партнера – целесообразность здесь не в наличии-отсутствии механической возможности размножения. Эта целесообразность, повторим еще раз, заложена и являет себя на уровне психологических побудительных мотивов, на

уровне положительных-отрицательных ощущений. А отрицательные ощущения здесь необходимы, потому что без них невозможны положительные.

И вот – нет партнера. Отняли, застрелили, волки съели. Мышка устроена просто, она утешится быстро, ее все хавают, ей надо размножаться любой ценой. Но мозги у всех, даже маленькие, устроены чуток да по-разному. И маленький волнистый попугайчик, куда менее плодовитый, чем мышка, уже может и вовсе не утешиться, и однажды утром будет лежать в клетке лапками кверху. Не говоря о лебеде.

Затухание сенсорной доминанты. Это по-научному. А по-простому – жить больше незачем. Исчезло то, что было самым дорогим в жизни, самым ценным, дороже собственного существования.

Вот вам и «избирательный половой инстинкт». Не так все просто.

Метафора «без любимого не жить» становится простецкой реальностью. *Ценность партнера определялась мощью положительных ощущений. И одновременно – мощью возможных отрицательных ощущений от его отсутствия.* Мощь эта такова, что сбивает нормальное функционирование всей центральной нервной системы. Гибель организма.

Самоубийство лебеда – предельно конкретизированный случай этой общей закономерности для многих существ.

8. А теперь вернемся к людям с их вечной головоломкой «загадочности» любви.

Является ли любовь условием, необходимым для размножения? Отнюдь, скажет каждый, и первые ряды будут состоять из мужчин.

Является ли любовь условием, необходимым для социального института брака и семьи? Тоже нет, повторит эхо, и на этот раз первые ряды будут состоять из женщин.

Кто ж не слышал и не знает, что брак по расчету устойчивее и прочнее брака по любви. Что для брака предпочтительней дружба, похожая на любовь, нежели любовь, похожая на дружбу. Что «брак по любви – белые ночи и черные дни».

Общность взглядов и целей, общность ценностной ориентации, как выражаются социопсихологи, – это главнейшее для долгого и прочного союза. Когда люди здраво и трезво, рассудочно, оценивают и анализируют ситуацию – они вернее создадут устойчивую семью. Ведь характер, ум, привычки, душевные качества – они остаются навсегда в том человеке, с которым живешь. А страсть – искры летят, а приостынет – и что там будет, как будет? Влюбленный не заглядывает в будущее с линейкой и калькулятором, он мечтает, он грезит и верит, а, все устроится, как-нибудь, главное – быть вместе.

Читатели, критики, социопсихологи давно стали задавать идиотскую задачу: все романы о любви кончаются свадьбой, а вы опишите их жизнь через пятнадцать лет – денег мало, он шляется по друзьям, она неряшлива и плохо ведет хозяйство, первый огонь любви остыл, ничего завидного.

А их друзья, женившиеся без такой «ах-любви», живут не хуже них, а, скорее, лучше: без скандалов, без разочарованности, и быт лучше налажен, и карьера успешнее.

Естественно: друзья, вступая в брак по расчету, думали об удобстве его для создания своего дома и рождения детей, для успехов материальных и карьерных. Добыть денег с приданого, обрести родственные связи в верхах и пр. Материальную базу никак со счетов не спишешь. Влюбленным же гони мигом рай в шалаше! И вот любовь прошла, а шалаш остался. А расчетливые друзья во дворце.

И более того, более того! Можно влюбиться в человека, который не в состоянии иметь детей! Сколько на свете влюбленных бездетных пар, стоящих в многолетней очереди на усыновление чужого ребенка! И ведь тот из двоих супругов, который сам не бесплоден, но уже давно осведомлен о бесплодии другого – продолжает любить его, коли брак был по любви, жалеть, заботиться, опекать. А ведь имеет возможность развестись и вступить в другой брак, где будут и дети, и деньги.

А девушки, любящие знаменитых старцев! А те, кто продолжает обихаживать любимых жен или мужей, ставших безнадежными калеками в результате несчастных случаев или болезни!..

Итак, любовь не только не необходима для размножения и брака. Любовь может противоречить самой своей основе, самой своей биологической сущности, на которой она же и базируется, – противоречить деторождению.

9. Хорошо. Любовь – начало чувственное, а не рациональное. И чувство ориентируется не на рациональный прогноз желательных результатов – умом вычислять здоровье будущих детей и материальный достаток семьи. Чувство ориентируется на сумму явных признаков, которые воспринимаются как залог того, что с будущими детьми будет все в порядке. Тогда – в основе лежит сексуальная привлекательность...

Женщина должна быть стройна, красива, с большой грудью и широкими бедрами. Готова качественно выполнить предназначение природы – рожать детей. Мужчина должен быть рослым, мускулистым, с мощными плечами и руками – добытчик и защитник. Он должен быть силен, храбр, энергичен, а также невредно быть умным, – самец первого сорта, преуспеет в жизни, и дети от него будут хороши. Ей желательно быть кроткой, привязчивой, верной, хозяйственной, не давать первому встречному – надежная хранительница семейного очага.

Вот примерно так вульгарный позитивизм рассматривает целесообразность половых признаков и особенностей.

Действительно, на таких особей повышенный спрос, конкуренция претендентов – казалось бы, казалось бы... Тогда все должны любить самых красивых, и никто не должен любить самых некрасивых. И тогда что? Некрасивые вымрут, а красивые размножатся, тем лучше для человечества в целом. Ан на деле этого не происходит.

Некрасивые тоже хотят размножаться, и успешно это делают. Мало того: они тоже любят друг друга, и не слабее красивых. Более того, и что характерно:

Красивая пара – большая редкость. Обычно хорош только один из двоих. И все судачат за спиной: «Такой мужик, да за него любая пойдет, чего он в этой мымре нашел», или: «Да она могла отхватить себе кого угодно, на что ей этот дохляк сдался...»

Если у красивого есть возможность любого выбора, почему он не выбирает неукоснительно себе в партнеры тоже самую красивую? Другие достоинства перевешивают? А если нет там никаких особых достоинств – как чаще всего и бывает?

И почему, наконец, красивые так же часто (если не чаще!) несчастливы в любви, как некрасивые?..

И тогда мудрецы качают головами и говорят о неисповедимости любви.

Но подождем качать головой, чтоб не отвалилась. Она не для того, чтоб ею качать, она для того, чтоб ею думать.

10. Вот добрачная связь: женщина любит мужчину, а он лишь позволяет любить себя, ему с ней неплохо и только. Она красива, сексуальна, умна, порядочна, эта связь ему приятна и льстит и он прекрасно понимает, что она будет прекрасной женой, ну во всех же отношениях устраивает. Но не любит он ее, и все тут. И хочет не очень-то почему-то. И проходит время, и они расстаются, и благополучно живут в браке с другими, и вот годы спустя он вспоминает ее и недоумевает: да почему же он ее не любил? Да ведь она была лучшей женщиной в его жизни. Причем он это и тогда понимал. А вот не тянуло...

А ведь и счастлив бы с ней был, она и в постели была прекрасна, и всем хороша. Да ему явно должно было быть с ней лучше, чем с последующими, и чем с нынешней женой. Вспоминает, мечтает и вздыхает. Ах, хороша. Эх, опять бы. Вот незадача, не хотелось.

Аналогичным образом и женщины отшивают достойных воздыхателей, чтобы потом раздумывать иногда о собственной незадачливости и превратностях любви.

Резюме. В условиях полной свободы выбора человек выбирает («любит») не идеального и не лучшего (и на свой собственный взгляд не лучшего!!!) партнера. И говорит: «Не по хорошу мил, а по милу хорош». И терпит некоторые физические и нравственные недостатки избранника, а у отвергнутого этих недостатков не было.

11. Обыкновенная вещь: она его не любит, а упрекать его не в чем, и ей даже самой как бы неловко, что она его отвергает, и со всей искренностью она говорит: «Ты очень хороший, лучше тебя я никого не знаю, но...» Это «но» означает: всем ты хорош, а вот не люблю. И никого сейчас не люблю. Чего-то не того мне надо. Или второй вариант: а люблю Ваську из соседнего дома, он выглядит во всем хуже тебя, но люди просто не понимают его, а на самом деле он хороший, но я не умею этого объяснить. И рвется за него замуж, и уж он ей покажет супружеское счастье, будет ей и любовница на стороне, и синяк под глаз.

И с тупым Васькой она будет изредка счастлива донельзя, а чаще рыдать будет и участь свою проклинать. Но будет жить. А с тобой, таким хорошим, все будет гладко, но будет подташнивать от твоей хорошестьи, и счастья такого не будет.

В чем же смысл такой любви? Разводят руками мудрецы и бороды себе дергают.

12. Вы думаете, привлекательная и очень темпераментная женщина остановит выбор на мужчине, который в постели обеспечит ей небо в алмазах? Если бы. Чаще она полюбит такого, с которым (о, у него масса своих достоинств, конечно!) она все больше остается сексуально неудовлетворена. И у нее невроз. И она мастурбирует. И наставляет мужу рога. И живет, и любит!! За душу, за деньги? Если бы. Как обычно – неясно за что. Либо она считает его красивым, либо лихим и храбрым, либо благородным и беззащитным, нуждающимся в опеке и ласке, либо непризнанным гением, с видимыми ей недостатками мирится, а видимых ей достоинств не видно никому, кроме нее самой.

А по ней такие орлы сохли! Ау, любовь, где твоя целесообразность?..

13. Вы думаете, мужчина в результате женится на женщине, близкой к его идеалу? Смотри пункт 10. Он почти всегда устроится так, чтоб испытывать дискомфорт от недостатков жены по сравнению с желанными достоинствами женщины, которая могла бы у него быть. Причем не в расслабленных грезах могла бы быть, а и реально запросто и несложно. Или уже была. Это может относиться и к физическим, и к духовным данным избранницы.

Почему ж ты не полюбил другую, балда, не женился на другой? Из двух одно: или она не нравилась (постфактум-то понравилась), или «любовь не получилась». И всегда найдутся причины и объяснения!

14. Подытожим, что у нас пока получилось:

Для размножения любовь необязательна, а бывает вредна.

Для брака любовь необязательна, а бывает вредна.

В любви редко выбирают наилучшего из возможных партнеров.

В любви редко получают то счастье жизни, которого хотят.

15. Любовь зла, полюбишь и козла. В этой народной мудрости дивно отражена нецелесообразность любовного выбора. С другой стороны, гуманисты человеколюбиво утверждают, что каждый человек достоин любви. Они тоже правы, гуманисты, – опыт практики на их стороне.

В большом городе и выбор большой, и можно считать, что твой избранник – один из миллиона. А в деревне – выбор маленький. А замуж надо – семья, хозяйство, как же жить без этого. А парней всех девять человек. Так что, и любить некого? Да нет, конечно, если избранник кажется единственным в мире, а мир состоит из еще восьми его конкурентов – то размер этого мира никакого значения не имеет.

Можно не встретить свою любовь в Москве, и найти ее в геологической партии, скажем, где всех баб три, и все три страшнее пленных румынов, в Москве ты бы на них и не взглянул никогда. Условия, обстоятельства, сотрудничество, узнать человека, и др. и пр.

Сколько любовью начиналось на пляжах и в турпоходах, на танцах и вечеринках. Ну, условия такие, располагающие. А что, не было бы этого пляжа – и не полюбила бы никогда никого?

В ком живет любовь – в любящем или в любимом? В любящем, да? Дело ведь в субъекте чувства, а не в объекте. Миллион в городе или десять в деревне – выбор условен.

Сколько бывало случаев, когда девушка влюблялась в кого-то заочно, а потом вместо него «подставлялся» не тот, ошибочка происходила, ждала на площади героя, а подклеился проходимец – и бац! получал проходимец всю дозу любви, сначала предназначенную совсем не ему, но когда любовь уже оформилась в чувство к определенному объекту – заменять его поздно, первоначальный избранник опоздал, поезд ушел, место занято.

Объект случаен, выбор произволен, диапазон выбора весьма широк. Успех в любви во многом подпадает под универсальный рецепт успеха – в нужном месте в нужное время. Выбирают из того, кто есть.

Способность к любви, возможность любви – заключается в самом любящем. Есть у человека потребность в таком чувстве, кто ж этого не знает. И чувство ищет объект своего приложения. Оно разума не слушается, у него свои законы, ждать в «законсервированном» состоянии «достойный» объект ему трудно. Невтерпеж! Вот и подворачивается порой черт знает кто.

Размножаться, говорите, пора? Смотри пункт 14.

16. Любовь редко бывает взаимной. Посмотрите по сторонам, послушайте друзей, обратитесь к опыту мировой литературы и истории. Чего тут доказывать, это факт, а не реклама. Вот так она устроена. Чем больше женщину мы любим, тем меньше больше нам она, как удачно выразился классик.

...А взаимная любовь редко бывает счастлива и благополучна. Какие-то препятствия, разлуки, моральные нормы и законы, неодолимые барьеры, свои и чужие дети и родители, приказы начальства и государственные границы.

В чем дело???!!!

17. А теперь вернемся к белым лебедям. И спросим себя, что такое любовь.

Двое хотят быть друг с другом, ласкать друг друга, спать друг с другом, вместе рожать и воспитывать детей, наживать добро, смотреть мир и разговаривать обо всем на свете. Это любовь? Еще нет. Все компоненты наличествуют, но любви тут может и не быть. Взаимное влечение, симпатия, склонность, общность взглядов, естественная потребность иметь свой дом и свою семью, детей, близкого человека. Можно любить ребенка и не любить его отца (или мать). Хотеть переспать, но можно спать и с другой. Хотеть разговаривать, но можно разговаривать и с другим.

А если тебе откажут? Не получилось? Печально, но мир не перевернулся. А заменить кандидата другим можно? Можно, особенно если тот еще и лучше. И вообще в жизни много хорошего и интересного.

Вроде бы любовь и есть – но (это очень важно! принципиально!) человек не выходит за пределы своих индивидуальных, эгоистических нужд и желаний. *Его чувство не выходит за пределы направленности на себя самого.* Его чувство обслуживает интересы его личности. Оно рационально: все, что он хочет, естественно, полезно и приятно. Заботиться о другом приятно, и жертвовать какими-то удовольствиями ради другого нетрудно, это естественно, это входит в общее устройство жизни.

Любовь – это та степень чувства, когда оно достигает нерациональной силы. У человека «съезжает крыша». Он находится как бы в состоянии постоянного аффекта. Очаг возбуждения центральной нервной системы так активен, что становится постоянной психической доминантой. Это совершенно сродни тому, что психиатры называют «синдромом сверхценной идеи» – придумал человек какую-то ерундовину, а возбужден так, будто совершил мировое

открытие, искренне считает так и только ради этого и живет... бедолага. Истинно влюбленный – это параноик, маньяк, что с него взять.

А доминанта центральной нервной системы подчиняет себе и гасит другие очаги. Есть не хочется, пить не хочется, спать не хочется. Отвлечься ничем невозможно. Смотреть кино неинтересно, путешествовать неинтересно, работать и зарабатывать деньги неинтересно, и все помыслы только о своей любви и любимом.

Что с него взять? Сумасшедшего даже суд не казнит, отправить его в камеру на лечение, несчастного.

Никто любимого не заменит, ничего с другим не хочется. Как давно замечено, «влюбленный – самый целомудренный мужчина, ему нужна только одна женщина».

Если все хорошо и благополучно – то любовь от просто удачного взаимосимпатичного союза не отличишь, без любви даже может быть больше расхожей внимательности, ласки и вежливости. А вот если что плохо, то любовь – это там, где летят искры и трясутся стены. «Если ты никогда не будешь меня бить, как же я узнаю, что ты меня любишь?» – простодушно спросила папуаска. Нет, не жлоб-алкаш, который всегда жлоб, а тот, который может заваливать цветами и сдувать пылинки, а вдруг размолвка – и темпераментный итальянец бьет посуду об пол, а голову – об стену, а флегматичный удмурт идет в сарай вешаться.

Самая дежурная характеристика любви: «Я не могу без него/нее жить». И сразу все понятно.

«– А ты можешь ради меня прыгнуть с моста? – Да! – А ты можешь ради меня совершить преступление? – Да!» и т. д.

Ушел бы честный Хозе из солдат в разбойники, если бы не любил Кармен? Убил бы он ее, если бы не любил? Да на фиг бы она ему сдалась, подпоил бы после службы любую девку и завалил на лугу.

Суицид из-за несчастной любви – обычный вариант. Вешаются, стреляются, бросаются с мостов и на рельсы, пьют снотворное, уксусную эссенцию и крысиный яд. Боже!

Убийство из несчастной любви, как правило в ситуации ревности, – чего обычнее. На улице и на кухне, ножом и гантелей, обдуманно и вдруг, – тома уголовной хроники.

Есть в этом чего рационального? Разве что момент избавления от страданий.

А и ничего не делает с собой – может угаснуть безо всякого стороннего вмешательства. Нарушается обмен веществ, снижается иммунитет, не проходит депрессия, человек становится добычей туберкулеза, пневмонии, язва желудка развивается и все что угодно вплоть до инфарктов.

Чувство делается самодовлеющим. Человек из эгоиста превращается в раба своего чувства, обслуживает его, подчиняется ему. Невыразимое блаженство ему наградой, ужасные страдания вплоть до смерти – карой.

Это больше твоих эгоистических интересов. Это больше тебя самого. Любимый для тебя – значительнее и главнее тебя самого.

18. Степень чувства бывает трудно определить через позитивные проявления. Ну, ласки, совместное времяпрепровождение, все хорошо и отлично, но есть и иные радости и ценности. Но через негативные проявления – через страдание, если невозможно быть с любимым, разделить с ним свое чувство, обладать им, – степень чувства определяется очень ясно.

Без страдания человек не мог бы определить, насколько он любит, и любит ли вообще.

Массу примеров может привести себе каждый: когда все было хорошо, он/она не ценил/а то, что было, этому не придавалось особого, сверхценного значения, а как потерял/а, так стало понятно, как много это чувство для человека значит. Ага.

19. Стремясь избавиться от страдания, человек развивает большие душевные усилия, чтобы сделать свою любовь счастливой, разделенной, быть с любимым и обладать им. Работает «кнут». И здесь счастье определяется через свою противоположность, как избавление от стра-

дания. Чем больше страдание – тем больше счастье от него избавиться. (Поэтому «пессимист» Шопенгауэр и полагал счастье вообще категорией негативной: страдание всегда наготове как стимул к любому действию и к исполнению любого желания, а счастье – всего лишь избавление от страдания.)

20. Поэтому многие люди нередко декларируют, или даже действительно стараются, избегать любви – чтобы не подвергать себя вероятным страданиям. «Я больше не хочу страдать», – вот обычный аргумент девушки, которая однажды уже обожглась на несчастной любви.

Но от человека это зависит очень мало. А в конечном итоге – вообще не зависит. Можно волевым усилием подавить в себе хрупкие ростки только-только зарождающейся любви, еще не любви даже, а только ее возможности, которая вырисовывается из первых шагов к сближению. И сожигательствовать с ровным удовольствием, без скандалов и страданий. Пройдет время – и другой человек, в другой ситуации, вызовет у тебя это чувство. А у натур сильных и волевых будет еще хуже: подавляемые эмоции раньше или позже вылезут депрессией, нервным расстройством, физиологическими нарушениями, и страданиями уже на более абстрактную тему: бессмысленность жизни, отсутствие цели, невозможность насытить жизнь положительными эмоциями – короче, в жизни человека не оказывается того самого счастья.

И партнер есть, и деньги, и все благополучно, а мечется человек внутри себя, и все ему плоховато.

Ты не хотел счастья через страдание? Так ты получишь страдание без счастья. С этим делом у природы не заржавеет. Ты что, ее обмануть решил? Балда.

21. Каждая вещь стоит ровно столько, сколько за нее заплачено. Дивный тезис. Как все банальные истины, подтвержден веками.

«А теперь, чтоб любовь разгорелась, создадим им препятствия». (Читайте, читайте Шекспира, вот он понимал жизнь.)

«Разлука гасит слабую любовь и раздувает сильную». Ну, и далее по «Миру мудрых мыслей».

Выражаясь простым языком – страданиями человек платит за счастье любви. Трудности, препятствия, разлуки, вариантов масса.

За все надо платить, без труда не вытащишь рыбку из пруда, любишь кататься люби и саночки возить, и т. д.

«Если тебе нужно что-то – возьми это и уплати положенную цену», – сказал Эмерсон. А за что ты ничего не заплатил – то для тебя ничего не стоит, отозвался народ.

22. *Стремясь к любви – человек стремится к такому чувству счастья, которое всегда способно обернуться страданием.*

23. Почему во всех великих произведениях мировой литературы о любви, любви прекрасной, высокой, непреодолимой, – изображаются всяческие страдания двух влюбленных (реже одного, несчастно влюбленного)? Почему вообще произведения о великой любви тяготеют к жанру трагедии? А если даже «конец хороший» и любящие счастливо соединяются – то перед этим они страдают и терпят всяческие лишения, преодолевая массу препятствий?

А потому что иначе никак не показать силу их любви. Ну милуются, ну заботятся... Когда все хорошо и благополучно, каждый может выглядеть любящим (см. п. 17). А вот когда прищучит покруче, становится видно, кто чего стоит, и каково было чувство на самом деле.

«Вот на что способна любовь, вот какова ее власть и сила», – говорят трагедии и легенды. И плачет публика, и завидует, и мечтает каждый о таком же прекрасном чувстве для себя.

24. Но в мировой литературе страдают от любви всё больше люди, у которых есть на это страдание время и деньги. Или они рыцари, или они дворяне, а если даже и работают – от работы не переламаываются: условные пейзажи среди лугов и венков, наемные служащие с изрядным досугом и гениальные поэты, для которых страдание – просто-таки тема творчества, рабочий материал, так сказать.

Любовь окружена какой-то роскошью, некоторой праздностью, она приподнята над бытом. Знаки проявления любви оттачиваются и изошряются культурой. Наворачиваются всякие ритуалы, манеры, обычаи, груды красивой атрибутики. Цветы, драгоценности, стихи и подвиги. Серенады и поединки.

То есть: чем выше уровень культуры общества, тем больше у влюбленного возможностей выразить свою любовь через внешние проявления. Возникает отдельная культура любви: речи, музыка, вздохи, подарки, прогулки, и несть числа.

Это обычно и позволяет сделать традиционный вывод, что любовь – это сильно «окультуренный» человеком половой инстинкт. И что «любви удостаиваются высокие души». А низкие души женятся по расчету и совокупаются из похоти.

И то сказать, представьте себе двух нищих косноязычных уродов на тряпках в углу – это любовь?! От этого тошнит... Любовь – это бархатный камзол, бездонные глаза и вечная разлука. Вот примерно такой ассоциативный ряд.

И вообще чтобы мечтать и страдать, тоже нужно время. Чтобы испытывать блаженство любви, тоже нужны силы. Загнанной ломовой кляче не до любви, она от отдыха кайфует, и ни о чем больше не мечтает. Это Вертер может страдать и плакать. А если ты по двенадцать часов корячишься в шахте, чтоб прокормить братьев и родителей, тебе мечтать некогда.

Получатся так: с развитием цивилизации жизнь делается безопаснее, сытнее, высвобождается часть времени для досуга, уже не все силы расходуются на физическое выживание среди стихий и хищников, и некоторая часть чувств дополнительно направляется на базовый половой инстинкт. И постепенно «окультуривается».

Опять же получается: половой инстинкт превращается в любовь по мере «окультуривания» человека с развитием цивилизации.

25. В пользу этого говорит и тот известный факт, что тяжелая работа, особенно если она обязательна, отвлекает от страданий любви и уменьшает их. Это знают и прачки, и архитекторы. Тебе плохо, тяжело, нет сил переносить страдание, разлуку, потерю? Меси тесто! Стирай белье! Грузи мешки! Устанешь до изнеможения – станет легче.

Логично: любое действие координируется очагом возбуждения в мозгу, и этот очаг возбуждения «отсасывает» часть возбуждения от доминирующего очага, чувство страдания уменьшается.

Поэтому ложится в постель и угасает от страдания любви тургеневская барышня, Наташа Ростова, дама в замке. А крестьянской девке, страдай не страдай, пахать надобно: скотину затемно напоить-накормить-подоить-в поле выгнать, воды нанести, печь истопить, еду приготовить, белье постирать, к вечеру ноги не носят, ей лежать и угасать некогда. У нее жизнь и без того тяжелая, дела полно.

Она, конечно, страдает тоже, но разве так сильно, как ее барыня?..

26. Так вот, на всю эту «культуру любви» можете наплевать с того этажа, на котором живете; можно с крыши. Ерунда это все, милые. Вы еще не забыли разбившегося лебедя и сдохшего попугая?

Во-первых, человеку естественно хочется ассоциировать любовь с праздником, показывать неординарность, показывать красоту этого чувства. И в культуре, в литературе красота чувства передается через красоту всего, чего касается любовь, чем она сопровождается: прекрасны влюбленные, их лица и одежды, их жилище и их вещи, их слова.

Второе: чем значительнее и заметнее человек, тем и все его чувства заметнее людям и интереснее им. Герой, рыцарь, правитель, как сейчас – политик или кинозвезда, оказываются в центре общественного внимания, его браки-разводы, его постели и страсти через газеты и телевидение входят в мозги масс, на его биографии наживаются издатели. Вот он застрадает, впадет в депрессию – и рухнет его финансовая империя, завалится многомиллионный кинопроект, есть о чем поговорить.

Третье: в страданиях героев персонифицируются страдания всех. Перефразируя газетную шутку-истину: страдания одного – это человеческая трагедия, страдания миллионов – это статистика. Мы помним пятерых повешенных декабристов – где скорбь по сотням расстрелянных солдат, которых вывели под картечь эти горе-переворотчики? Где страдания и смерть десятков тысяч солдат, которых уложили в землю великие триумвиры Цезарь, Помпей и Красс? Солдаты Плутарху неинтересны... Плач по Ромео и Джульетте – это ведь плач по всем влюбленным мира.

Четвертое: вся мировая культура – это «барская» культура. Умные, образованные, высокодуховные люди почти всегда – почти всегда! – писали о себе подобных. Или о тех, кто выше, потому что любой человек стремится наверх, а не вниз, и ему интересна жизнь верхов, она влечет его к себе, а не жизнь низов. В конце концов, любой литературный герой – это одна из ипостасей самого автора, а автор – он человек, а человек – он ограничен. Косноязычные простяги книг не писали и легенд не слагали. Если они весьма обойдены вниманием мировой культуры, которая предпочитает людей чем-то примечательных и выделяющихся, из этого еще не следует, что они недочеловеки, верно?

И пятое, пятое, пятое! Самоубийства из-за несчастной любви у «простолюдинов» отнюдь не реже аналогичных суицидов у «культурных»! Трех слов увалень связать не может и норовит избранницу за задницу в сарай заволочь... хам. А выдадут ее за другого – он пойдет и повесится. Тупая у девки рожа, и руки мозолистые, и сохнет она по парню неинтересно и молча, без отрыва от производства. А потом наложит на себя руки, побежит и утопится в омуте. Неумение выразить свои чувства еще не означает их отсутствие, верно. Как ей их выразить? Вздыхает, да из рук все валится.

27. Мало кто из людей был занят больше, и работал более напряженно, чем Наполеон в Итальянскую кампанию. Он уже переворачивал мир, и все висело на нем, и все проверял лично, и речь шла о жизни и смерти. И каждый день он писал пылающие любовью письма к Жозефине, томясь разлукой и страдая от ревности! История знаменитая. А вы говорите – занятость... Аспирин, конечно, помогает при головной боли, но туберкулез холодной повязкой на лоб не вылечишь.

Уж пехотинец на передовой работает тяжелее любой скотины. Получает письмо об измене любимой – и начинает откровенно искать смерти в бою. Или вообще стреляется – это на фронте-то! Истории нередкие. Посоветуете ему дрова колоть, чтоб отвлечься?..

Никакие путешествия, приключения, опасности и труды не перешибали в человеке страдания любви. Отвлекали, ослабляли, помогали переносить – но в принципе ничего не меняли.

28. Короче, любовь – это страшная сила; и губительные последствия ее неисчислимы.

Теперь перечитайте пункт 14 и прибавьте к перечню в нем еще несколько положений:

Сила любви определяется через силу страдания.

Сила любви не зависит от степени «культурности» человека.

Страдания любви очень мало поддаются излечению.

Попытка избежать страданий волевым подавлением самой любви ведет к неврозам, т. е. расстройству центральной нервной системы.

Любовь есть гипертрофия полового избирательного чувства сверх разумной индивидуальной целесообразности.

29. Вот с этой целесообразностью у нас пока выходила незадача.

А вы слышали когда-нибудь: «Замуж хочу – дом сворочу»? А о том, что любовь горы переворачивает, тоже слышали?

На что готов влюбленный, чтоб счастливо соединиться с предметом своей любви? На все он готов.

А силы откуда? А найдутся. Все забросит, а соединением с любимым будет так заниматься, что без экскаватора пророем тоннель под Ла-Маншем. Да ему на месте не сидится, не

спится, он расхаживает непрерывно, обмен веществ резко увеличивается и он быстро худеет, иммунитет резко подпрыгивает, никакая хворь его не берет, давно сказали: «Солдаты и влюбленные не болеют» (это если есть надежда, конечно, но в большинстве случаев она есть, смерть одного из двоих или гарантия пожизненной разлуки – это в меньшинстве случаев).

Ресурс энергии организма, как мы знаем, у человека изрядный. В любви мы имеем сильнейшее перевозбуждение центральной нервной системы. Протуберанец нервной энергии! А если получается направить его в мирное русло? На целенаправленное достижение цели?

О, каких только невероятных подвигов не совершали в истории влюбленные! Какие феноменальные возможности человеческого тела и духа демонстрировали!

Способность к страданию – это ресурс прочности брачного союза.

Способность к страданию – это ресурс дополнительной энергии человека, преобразующего окружающий мир «попутно» со стремлением к единению с партнером.

В обыденной жизни любящий подобен вооруженному воину в латах: меч на боку топорщится, копье занимает руку и задевает люстру, панцирь рвет обивку дивана, а шпоры царапают паркет. Вилку держать в железной рукавице неудобно. Шлем мешает слышать, забрало мешает видеть, чисто слон в посудной лавке, каждое неловкое движение чревато ущербом домашнему хозяйству: чуть что – звон и треск. Но если запахнет угрозой – он во всеоружии, хана врагам, семейный очаг надежно защищен.

На случай опасностей и трудностей – это отлично, а пока все в порядке – только мешает. А что делать?.. Жизнь всегда готова выдать неожиданные гадости, на тишь да гладь природа не рассчитывает.

На поединок? Выйдет против сильнейшего, без любимой все равно не жизнь, любые рассуждения тут побоку. Заслонить собой от опасности? Да за счастье почтет. Спасти из огня, из воды, из пропасти? О чем вы говорите, сам погибнет, но спасет. Да любовь удесятерит силы, он берсеркер, он же одержимый! Деньги необходимы? Заработает, выиграет, найдет, украдет. Он ногтями выроет подкоп из темницы, руками медведя задушит, море переплывет.

Вспомните испытания женихам в мифах и сказках. Победитель делает то, что нормальному человеку просто не по силам. Он готов объявить войну соседнему государству, мечом добыть королевскую корону, стяжать славу и заработать миллион.

Да это тот же естественный отбор. Побеждает сильный. Тот, кто способен развить большую энергию. А энергии у влюбленного – хоть отбавляй.

Соперник сильнее тебя? Ее могущественные родители против? И вообще ты ей не нравишься? Двадцать четыре часа в сутки будет думать влюбленный, как исхитриться и обломать всем рога, как уничтожить соперника, вывести из игры, победить неожиданным приемом. Из кожи вон вылезет. Кроме любви для него ничего не существует.

Желающий лишь удовольствия с партнером – на рожон не поперет, жизнью не рискнет, все на свете не отдаст. На фиг надо, не свет клином сошелся. И проиграет вероятнее.

А в природных, первобытных условиях? В критических ситуациях? Не любящий предпочтет спасти себя. Любящий будет спасать любимого, покуда жив сам.

При любви – к инстинкту размножения подключается весь инстинкт жизни совокупно с инстинктом самосохранения. А без любимого все равно не жить. Хочешь жить сам – делай что угодно, но соединишься с любимым.

«Нецелесообразная» смерть ради любимого – это лишь частный случай совершенно целесообразных усилий по соединению с любимым (вроде как состояние покоя – лишь частный случай равномерного прямолинейного движения).

Все мы – потомки тех, кто умел любить великой любовью. Потому и выжили. И способность к этому чувству сидит в наших генах.

Сражаться с врагами и хищниками, отбивать пещеру и отмахиваться дубиной от конкурентов, гоняться за опасной добычей и спасаться от стихий, выкручиваться из неожиданных

напастей и невероятными порой усилиями обеспечивать выживание семьи – вот к чему должны были быть постоянно готовы наши предки, устроенные точно так же, как мы с вами.

И при равной силе и равном уме выживал тот, чье желание было сильнее. Чья страсть была сильнее. Тот, для кого любовь значила больше.

...Понять явление можно лишь тогда, когда проследишь всю тенденцию до логического завершения, упора, конца, крайнего случая. Так можно понять суть столба электропередач, лишь если дойдешь до электростанции с одного конца и лампочки с другого.

Поставим чистый опыт в крайних условиях. Мужчины отдельно, женщины отдельно. Между их территориями – полоса препятствий, проволока под током, минные поля и ловушки, и везде таблички честно предупреждают: «Стой! Стреляют без предупреждения». И действительно стреляют, суки, погибнуть – пара пустых.

Что делают здравомыслящие? Риск погибнуть велик, и избежать его по условиям задачи невозможно. Здравомыслящие налаживают возможно хорошую жизнь. Жилье, кормежка, досуг. В качестве удовлетворения половой потребности есть гомосексуализм и онанизм. И показывают друг другу трупы на полосе препятствий.

Что делают любящие? Страдают, чахнут, лелеют безумные надежды и вынашивают безумные планы. И лезут преодолевать полосу, потому что шанс ее преодолеть все-таки есть, а здесь они в разлуке со своей любовью жить не в силах. Желание их отчаянно!

И часть из них действительно достигает «территории любви»!

Кто-то бесшабашный и рискованный ползет и без любви. А кто-то любящий, но робкий и трусливый, зачахнет здесь. Но в основном соединятся любящие.

А полос препятствий в жизни до фига... И рядом с каждой всегда найдутся спокойные местечки.

Что ж гонит людей на полосы препятствий? Заманчивость пряника или непереносимость кнута? Если речь идет о том, чтобы преодолеть инстинкт самосохранения? Не в том дело, что пряник сладок, а в том, что без него жить невозможно.

Итак, для преодоления критических ситуаций, для мобилизации всех ресурсов организма, для вернейшего достижения цели – страдание целесообразно.

Это заградотряд с пулеметами позади наступающей цепи: в бою с противником ты можешь победить и уцелеть, но уж при отступлении свои пристрелят наверняка.

30. Другой «чистый опыт» – представим себе абсолютную первобытную анархию. Кто сильнее, тот делает все, что хочет. Гарем красавиц у самого сильного, «средние» подбирают тех, кем тот пренебрег, всем мужчинам женщин не хватает, слабым плохо, да и некрасивые питаются объедками.

Слабый не может занять место сильного. А если слабый полюбил красавицу из гарема сильного? Он думал дни и ночи и придумал, как свалить с горы камень сильному на голову. Или просто побежал с яростью отчаяния драться с сильным, сам изувечился до полусмерти, но и врага отделал, ну его к черту, такого претендента, себе дешевле обойдется, отдам ему одну, у меня еще есть, обойдусь и так неплохо. Или украл ее ночью, заткнул рот, взвалил на плечо и развил такую прыть, что не догнать, свалил за тридевять земель и стал там с ней жить.

В условиях обнаженной дочиста первобытной конкуренции получается так: нет большого желания – остался без бабы и не размножился. А силен не только мышцами и умом: страсть и отчаяние делают сильным.

А баба? А бабе без мужика хана-а, и детям тоже. Защитник и кормилец. Подложи лучший кусок, обереги сон, стереги костер, стань рядом в битве, если туго. Он за тебя и детей постоянно жизнью рискует, все ему отдай и мало будет, чем в лучшей форме сумеешь его содержать – тем вернее семья выживет. А мужик твой хорош, другие-то, безбабные, слабее, хилее, глупее, где им толком семью прокормить или с врагами справиться. А уж и какой достался, береги,

на всех приличных спрос, если что – уже имеющиеся жены зашибут тебя и вон выкинут, им с детьми самим еды еле хватает, чтоб на тебя отделять. Вот в таком примерно духе.

Нет, в условиях первобытной скудости, суровости и конкуренции целесообразность любви с ее ресурсом энергии и кнутом-страданием понять вполне можно. И самоотверженность ее понятна. Будь спокоен, любимый, будем вместе, выживем, прорвемся любой ценой, я не дам тебя в обиду, раньше сдохну.

31. «Чистый опыт» номер три. Один мужчина плюс одна женщина среди бескрайней и далеко не всегда приветливой природы. Для продолжения рода нужны двое. С точки зрения целесообразности природы тут единица равняется нулю. Если остался один – хоть тебя вообще не будь, природе уже все равно. И – «или выживем вместе, или не выживет никто».

За собственную жизнь борешься всем инстинктом самосохранения. За жизнь другого – инстинкт самосохранения прибавляется к инстинкту размножения.

32. «Куда же девается любовь?» в длительном благополучном супружестве, которому ничего не грозит – вот один из вечных вопросов. А уже нечего добиваться, нечего познавать и нечего хотеть. Семья создана, дело сделано, сверхнапряжения некуда прикладывать, да и поводов для них нет. Отсюда сентенция «Привычка убивает счастье».

33. В счастливом, благополучном, спокойном браке любовь (если она есть) живет как бы в «законсервированном» состоянии – оружие разряжено, смазано и спрятано в сейф. Но чуть что – малейший повод к обиде, сомнению, подозрению не в неверности даже, а только в возможности неверности – оружие вылетает на свет и затвор щелкает: у любящего начинаются бурные переживания и страдания. Любящий мнителен, воображение его гипертрофировано, он обидчив до невероятности, он из всего норовит устроить мелкую сиюминутную трагедию и скандал.

«Они любили друг друга так сильно, что частые размолвки между ними были неизбежны», – сказал мудрый Стендаль.

Жить в браке по большой любви психологически весьма трудно, а иногда просто невозможно: страсть требует выхода, а никаких позитивных выходов и целей уже нет. И двое изводят друг друга бесконечными и мучительными придирками, претензиями и сомнениями. Обычная причина размолвки любящих – просто потребность поскандалить и пострадать. О, вдвоем против целого мира, в борьбе с окружающими стихиями и врагами они бы выстояли и были счастливы вдвоем, а так что делать? Куда энергию любви девать, если все в порядке?

Размолвка, скандал – это малый предохранительный клапан для сброса излишка энергии (страсти).

Некоторое взаимное охлаждение, успокоение, уменьшение страсти в браке – это просто-таки защитная реакция организма. Во-первых, он не может долго и сколько-то нормально функционировать в состоянии любовного аффекта. Во-вторых, сколько-то долгий и прочный брак с воспитанием детей и т. п. также невозможен на перегретом котле воспаленной страсти и распаленного воображения.

34. И наконец, наконец, наконец, после всех этих многочисленных выкладок, рассуждений и анализов мы подъехали к тем двум главным вопросам, которые так волнуют в свое время всех нормальных людей:

Почему любовь так редко бывает взаимна?

Почему любовь вообще так редко бывает счастлива?

Ответ: потому что любовь есть степень чувства, превосходящая эгоистическую меру, за которой наслаждение переходит в свою диалектическую противоположность – страдание.

Ответ: потому что любовь и познается через страдание.

Ответ: потому что любовь – это желание такой силы, что неудовлетворение его есть страдание (вплоть до смерти).

Ответ: потому что любовь – это инстинкт размножения, превосходящий инстинкт самосохранения.

Ответ: потому что любовь – это чувство такой силы, которое способно преодолеть любые препятствия, даже ценой жизни, причем преодоление их сулит наслаждение, а непреодоление гарантирует страдания.

Ответ: потому что любовь – это наслаждение такой силы, что любое нарушение его есть страдание.

Ответ: потому что любое желание порождает страдание при невозможности его удовлетворить, и чем сильнее желание – тем сильнее и страдание.

Ответ: потому что стремясь к любви, мы стремимся к наслаждению такой силы, любое неполучение которого есть страдание.

Ответ: потому что наслаждение и страдание любви диалектически неразрывны, одно суть продолжение другого.

Ответ: потому что любовь – это та главная ценность жизни, потеря которой не возмещается ничем.

Вся эта страница с десятком ответов – по сути один и тот же ответ, выраженный чуть разными способами. Полезно это только с точки зрения пущей обстоятельности и вразумительности.

35. Совет философов. Это советовал и Будда, и древние греки, и Шопенгауэр. Да, говорили они, желание всегда как-то трудно толком удовлетворить, а неудовлетворенное желание – это страдание. А счастье – это, собственно, частный случай страдания: ты удовлетворил желание, пока удовлетворяешь – счастлив, а потом – и страдания нет, и желания нет, из-за чего был сыр-бор?.. Отдохнул – и тут же возникло другое желание, и все по новой. Страдать и добиваться – трудно и долго, а удовлетворить и быть счастливым – это ненадолго. Получается, что желания и страдание возникают сами собой, а счастье – просто в том, чтобы избавиться от страдания путем удовлетворения желания. Итак, счастье – это, строго говоря, избавление от страдания.

Но ведь можно избавиться от страданий, и, значит, быть счастливым, другим и простым путем – а избавиться от желаний с самого начала. Нет желания – нет страдания – вот и счастье безо всяких хлопот. Сведем желания к минимуму: кроха еды, рубашка, навес от дождя, жив – и хватит: желаний нет, страданий от их неудовлетворения нет, вот и то самое счастье. А половой инстинкт надо изжить, погасить: аскеза, пост, молитвы, физические упражнения. И ничто тебе не страшно, и ничто не заставит тебя страдать.

Логично. И случаев таких полно. Съездите в Индию, съездите на Тибет. Да и приличный христианский монах недалеко от такого мировоззрения.

Накладочка только в том, что таким образом на протяжении жизни одного поколения человечество вымрет, вместе со своими страданиями, разумеется. А вымирание человечества в задачи природы никак не входит.

Этот советик *противоречит энергетической эволюции Вселенной*. На минуточку.

Аргументов тут много, но совет людям бросить совокупляться вызывает здоровый смех аудитории. Это, значит, для того тебя предки на свет произвели, чтоб ты понял, что лучше б они этого не делали, а вымерли еще сорок тысяч лет назад? Съемка окончена, всем спасибо.

Мы нормальные люди, и оскопляться не хотим. Мы хотим любить и быть счастливы. И ждем от вас советов, как быть счастливыми, а не как вымереть. Нас интересует в частности, как быть счастливым в любви, а не счастливым без любви.

Мы даже согласны, что любви без страданий не бывает. Мы это знаем. Мы уже согласны и пострадать, но по возможности не очень сильно, не до смерти.

Так объясните нам, раз взялись, почему страданий в любви много, а счастья бывает так мало? Почему диспропорция такая? Ну было бы хоть пополам как-то.

Вы говорите, что наслаждение и страдание – суть одно и то же, в смысле одно переходит в другое и одно обусловлено другим. Ладно, можно понять и это. Но почему страдание без счастья встречается сколько угодно, а счастье без страдания – огромная редкость, если вообще встречается?

Ведь любовь должна бы быть взаимна если не в 50% случаев, то хотя бы, ну, в 30%, что ли, если следовать той логике, что счастье переходит в несчастье и прочее. Страдание подгоняет к наслаждению – ладно, понятно, – но почему так долго гонит и редко пригоняет?

36. Человек получает счастье и страдание «в одном флаконе». «В пакете». Он стремится к чувству, которое включает в себя и счастье, и страдание. Одного он хочет, другого он не хочет. Но стремясь к одному, он тем самым одновременно стремится и к другому. К счастью он стремится сознательно. К страданию он стремится подсознательно, бессознательно, иррационально, называйте как хотите, это неважно.

Он способен испытывать страдание? Так уже поэтому будет страдать! Реализация имеющейся способности – это уже жизненная потребность сама по себе. Его центральной нервной системе нужны сильные ощущения – и положительные, и отрицательные!

Влюбленному дороги его страдания! Понимаете? Он «не хочет» их, но вовсе выкинуть не согласен, в воспоминаниях они ему дороги, он находит в них отраду, черт возьми.

Любящий страдает потому, что это ему тоже нужно.

37. Но ведь страдания – не самоцель? Ладно, пострадал, подбивался, но ведь надо и добиться наконец, и счастливым побыть с любимым. А что за смысл страдать по неразделенной любви всю жизнь? Что за смысл всю жизнь прожить отдельно от любимой, скрывать чувства, перебирать бедные минуты свиданий?

Поехали.

Страдание – это неисполненное желание.

А как оно исполнится – это уже не желание.

А желания владеют человеком всю жизнь!

Еще раз, еще раз, еще раз, вспомним, вспомним, вспомним, что человек устроен с избыточным энергетическим балансом; что ему всегда всего мало; что функция его природная – передельватель мира, и он всегда хочет не то, что есть, всегда ему нужно сделать иначе, чем уже есть; это неравновесие человека с окружающим миром и есть суть эволюции, прогресса, истории: еще, еще, еще! больше, больше, больше!

Из этого следует, что неудовлетворенность – нормальное, дежурное, естественное состояние человека – «человека передельвающего», «человека изменяющего» (каким он и является в первую очередь, а «человек разумный» по отношению к «человеку передельвающему» находится в положении подчиненном, служебном, разум обслуживает передельвание, но ни в коем случае передельвание не обусловлено разумом, это принципиально, это предельно важно понимать: разум есть орудие, форма, способ передельвания мира человеком, а в основе разума лежит не безжизненная «способность понимать», а избыточный энергетический баланс центральной нервной системы, избыток энергии человека как такового, избыток энергии заставляет человека все делать и передельвать, это приказ природы, а разум только обслуживает этот приказ, разум сам по себе велит лежать и ни фига не делать, самозерцаться).

Человеку нужно не то, что у него есть. Человеку нужно то, чего у него нет. Что бы ни имел – ему нужно другое, иначе, не то, еще. Вот вам и страдание.

На уровне ощущений – есть потребность в таком ощущении.

На уровне действия в мире – это психологический аспект передельвания мира человеком.

38. В экстремальных условиях любящий, подгоняемый кнутом страдания, ради избавления от него и достижения наслаждения с любимым свернет горы, осушит пустыню, переплывет океан, победит всех врагов.

Человек создан с огромным ресурсом энергии на случай преодоления и выживания в самых экстремальных ситуациях. Человек создан с гораздо большим энергетическим запасом, чем любое другое существо, в чем и отличие его.

Любовь, инстинкт размножения, ценность № 1, обладает гигантским энергетическим ресурсом – на случай любых катаклизмов.

А что делать с этим ресурсом в обыденной и безопасной цивилизованной жизни????!!

39. Вот она, вот она простая истина:

Человек сам, добровольно, создает себе такой вариант любви, чтобы страдать.

40. Все обстоятельства, которыми он оправдывается, все аргументы, которые выставляет, – вранье. Всегда можно полюбить другого, всегда можно поступить иначе, всегда можно чем-то пожертвовать – если смотреть со стороны и оценивать ситуацию рассудочно. Пожимая плечами, мы говорим: «Любовь!..» – и это означает, что рассудок тут ни при чем, тут имеется страсть и потребность. А это потребность устроить себе именно такую жизнь, как вышла, будьте спокойны!

Кто заставлял? Только природа. И только потребность ощущать то, что он и стал ощущать. А уж обстоятельства он подтасует, за уши подтащит, не сомневайтесь.

41. Так что, человек создан для страдания? Старая песня...

Нет!

Э? Для счастья?

Тоже нет!

Человек создан для всего. И будет счастлив, и будет страдать, и с удивлением обнаружит ценность и отраду в своем страдании, и будет клясть свою жизнь, и все равно не захочет умирать.

И придерживался всегда примерно такого взгляда: жизнь плоха и тяжела, потому что я легко представляю себе жизнь легче и лучше, и хочу ее, и жаль, что она не легче и не лучше; но жизнь хороша, потому что в ней есть то-то и то-то, и самое главное, что она вообще есть, это так здорово, ведь меня могло не быть.

Страдать плохо. Но зато даже просто мечтать о любимой – это так хорошо!..

42. Умение быть любимым сводится всегда к полутора крайне простым и известным вещам:

Умей заставить другого страдать.

Умей казаться другому значительным. Этот второй пункт можно считать за пол-пункта: если любит, всегда найдет в тебе значительность, которую ты и сам не подозревал; но вначале надо же привлечь внимание и дать пищу воображению – мол, да, герой, достоин, можно открывать шлюзы чувств и обращать их на избранника.

Разумеется, есть много путей привлекать и привязывать к себе избранника позитивными ценностями: физическое наслаждение, удовлетворение тщеславия, подарки и путешествия, комплименты и внимание, «класть мир к ногам» и давать всячески почувствовать избраннице (избраннику) ее ценность и значительность – о, как человек ценит того, кто дает ему ощущение и сознание его значительности и всемогущества, как привязывается к тому, с кем делается крупной и влиятельной личностью, – поэтому женщины так сходят с ума в романах с ухарями-миллионерами, мировыми плэйбоями с их огромными материальными возможностями, – не за то их любят, что башлями осыпаны, а за то, что он делает ее царицей мира, он делает ее жизнь чудесной, и эти радостные чудеса перемешиваются с любовью, принимаются за нее, переплавляются с ней (трезветь, страдать, принимать яд и разводиться она будет уже потом). Поэтому мужчина так любит милую и кроткую, для которой он – гений, бог и герой в одном лице.

Но все это – ничто, если при этом ты не можешь дать ей страдание – так или иначе, вольно или невольно, через потерю всего или только угрозу этого в ее мыслях, ревность или

пренебрежение и т. п. Она может жить с тобой из жажды благ, из дружбы и благодарности, симпатии и сексуального наслаждения – но любить будет того, кто даст ей страдание, даже если не уйдет к нему.

Ей (или ему, без разницы) потребно страдать, ибо такова суть любви и суть человека.

43. Вот поэтому любовь так редко бывает взаимна. Для этого нужен темперамент специальный и предшествующий опыт жизни особенный. Если оба раньше уже сильно «пострадали» и очень боятся потерять друг друга (хорошо помнят «кнут»). Если характеры достаточно вялы и люди склонны удовлетворяться в жизни тем немногим, что имеют (в житейском смысле). Если по врожденности натуры дают друг другу в общем ровно столько поводов для страданий, что и температура чувств поддерживается, и перегрева нет, разбежаться нет желания.

Но, как давно вздыхали умудренные опытом знатоки, даже в счастливом браке любит только один, а другой только позволяет любить себя. Короче, из двоих всегда (почти совсем всегда) один любит больше.

Значица. Для любящего немислимо, больно, противоестественно, нежелаемо доставлять страдание любимому. (Я употребляю оба слова в одном роде не из намека или приверженности к однополю любви, а исключительно из равноправия двух полов перед лицом страсти. Мужчины и женщины равно несчастливы насчет взаимной любви, в смысле равно редко счастливы.) Любимый дороже себя самого. Его желание, счастье, защищенность от всех опасностей мира – первейшее желание любящего.

Вот тут-то он и вдевается, как бабочка на булавку. Любимый ощущает полную власть над любящим. Может дать счастье, может дать горе, может заставить сделать что угодно. А где мое страдание? что хочешь – всегда будешь иметь... чего желать?! спокойствие, скука, уверенность в обладании и благополучии отношений... как тут любить?.. Если война, разлука, страх потери, опасная болезнь, случайная ревность – о, страдание есть, чувство раздувается.

Эгоист, эгоцентрик, самолюбивый гордец – о, это страдание даст. О расчетливом оболстителе говорить не приходится.

Но чем сильнее ты любишь, чем больше свет клином сошелся на единственном в мире человеке, тем больше ты теряешь голову, тем настойчивее вручаешь любимому поводок от твоего ошейника. А ему самому потребно зависеть от другого! А здесь вся твоя жизнь зависит от мановения его мизинца. Да ему больше нечего хотеть от тебя!!! А ему потребно такое чувство, чтоб он вечно недополучал того, чего хочет – чтоб любовь его воспринималась и ощущалась безграничной, чтоб жажда была неутолимой даже при бесконечном питье – вот что такое любовь, черт возьми!

Брак полезен для успокоения чувственности, для успокоения любви он бесполезен, сказал мудрый японец Акутагава. Ты можешь постоянно обладать любимым, но если любовь твоя в равной мере не разделена – нет тебе покоя, нет избавления от страдания, и недолгие миги блаженства обладания еще больше оттеняют страдание в остальное время.

В период сближения, в начальный период двое могут стремиться друг к другу с равной силой – но вот разделенная страсть постепенно уменьшает накал, и один ощущает (получает, берет) большую власть над другим. И – начинается процесс перетекания власти от более любящего к менее любящему, все полнее и полнее.

Ты можешь бросить, уйти, жениться на другой, убить – наплевать: любимая отлично знает, что в ее власти поманить тебя и получить в любой миг, ибо чем сильнее ты любишь – тем менее можешь противиться ее зову.

Не было в мире романа о любви лучшего, чем «Красное и черное»; тем и славен. Его можно было бы воткнуть в эту главу целиком, пересказывать бессмысленно. Безумно любя, он безумно страдает, ибо разумом давит свое чувство настолько, насколько необходимо, чтобы заставить ее страдать – иначе она не будет любить его. Но другая, любимая прежде, любила его открыто и беззаветно – почему он разлюбил, ушел?.. И эта невозможность счастья без

страдания разрушает его, ведет к убийству и самоубийству. Читайте, перечитывайте Стендаля, это был великий гений любви!

А вы тысячелетиями удивляетесь, почему любовь так редко бывает взаимна. Да потому что человек, энергоизбыточное существо, переделыватель Вселенной, никогда не удовлетворяется тем, что уже имеет. И всегда стремится к тому, чего еще не имеет. В этом состоянии вечной неудовлетворенности – его вселенская, биологическая, физическая, психологическая, человеческая и философская суть.

Человек стремится к такому состоянию. Выше, больше, иначе, еще.

Десять мужчин складываются в штабель у ног женщины – и она выбирает одиннадцатого, который стоит и смотрит в другую сторону. Можете говорить о гордости, самолюбии, любопытстве – все это мелочи, частности, промежуточные понятия. Ей нужно не то, что есть.

«Чистый опыт»: О, как он страдает, как он любит. И вот – чудо! – она падает ему в ноги и молит в слезах: милый, я вся твоя, делай что хочешь с верной рабой, только будь счастлив. О, какое счастье. День счастье, год счастье, гарантия абсолютного счастья дана пожизненно. И этот говнюк через пять лет трахнет случайную знакомую, да еще и увлечется ею!!! Да как же, с любимой-то все в порядке, куда она денется, а жизнь всего одна, и полна разных разностей и удовольствий, и всего хочется отведать, жаль же умереть не отведав, да и вообще, не слишком ли он погорячился, женившись на ней, на него и другие красивые бабы смотрят... а хочется всего, разного, еще. Да... а когда подышал от любви – так ничего больше не хотел... животное. Чо уж так – животное; человек есмь.

Надо ли еще формулировать в заключение? Или достаточно перечитать пункты 34, 36, 37, 39.

44. И вот почему в наше время, отнюдь не дикое и не первобытное, что бы ни выплакивали пессимисты, так много долгих и даже пожизненных любовных связей в стороне от брака.

Имеются в виду не мимолетные и ни к чему не обязывающие сексуальные контакты – а отношения серьезные, длительные, глубокие, с переживаниями, с редким счастьем и постоянным некоторым страданием.

Юность тут рубанет с прямой Ивана Грозного: «Любишь? Так женись!» Нет... – жена, муж, дети, родители, квартира, карьера, его или ее здоровье/нездоровье... вздыхают и объясняют: «Жизнь!» И друзья/подруги кивают сочувственно: «Жизнь». Обмениваются паролем, понимаешь.

Слушайте. Из любви люди жертвовали короной, честным именем, родиной, всем! Значит, у наших любовничков не любовь, а так – связишка?.. Ну, если моногамность-монотонность брака приелась и покувыркаться всласть охота – да, тогда понятно. А если трогательно заботятся друг о друге, переживают, жалуется, расцветают при встрече, плачут от тоски, что не вместе – и счастье, и страдание, и все признаки любви. Но – не очень сильной. Не насмерть. Но любви. Той, которой в собственной семье уже нет. Но – дети, работа, (см. выше).

Вот вам любовь. По классике – не шибко счастливая. Возлюбленные не вместе. Разлучены суровой судьбой и прозой жизни.

А кто им мешает развестись с прежними и жениться?! Но – дети, родственники, (см. выше).

Они имеют то, что им надо. Только и всего. В семейной жизни им не хватает соли, перчику, патоки и прочих горько-сладких приправ. Если они поженятся – будет точно то же самое, только уже с другими партнерами. Не сразу. Через время. А может быть, и не будет. Но тогда им будет этого не хватать. И поэтому они трогательно обнимаются в гостиницах и чужих квартирах и говорят о своей любви. И жизнь их от этого полнее и счастливее – через получение своей умеренной дозы страдания они получают свою умеренную, но очень желательную дозу счастья.

Их можно было бы назвать малодушными недоделками, но... человеческое, очень человеческое... не у всех же хватает решительности на сколько-то крупные поступки.

45. А если разведутся и соединятся? Развод и брак сейчас – дело недолгое и обычное, акт гражданского состояния, только и всего. Реальных примеров – тьма, уж в мире звезд кино и эстрады – это просто норма жизни.

В реальной жизни и наблюдаем: раз брак, два брак, три брак... кой черт суетиться, если результат один. Вот уже люди делают конкретные шаги, чтоб их любовь была счастливой. А все равно... то им оказывается, что любовь не та, то – ошибка произошла, то – «я повзрослела и переросла его», то еще что-нибудь.

46. Счастливая любовь да, бывает, но редко, зато говорят о ней много – так, в мире мало миллионеров, но много разговоров о них, и все хотели бы мультон. Да кишка тонка.

И счастливая любовь не бывает идеальной, разумеется, – идеальной ее делают молва, легенда и биографы.

Кто хочет все, тот не получает ничего, – в любви счастливы скорее люди умеренных требований, нежели максималисты-идеалисты.

Как же быть счастливым в любви?

Вот вопрос вопросов.

Это ошибочный вопрос. Это ошибочный подход к предмету.

Ты никак не можешь изменить количество и соотношение счастья и страдания в любви своей жизни – это сидит внутри тебя. (Когда годам к 12 ты сможешь сам влиять на формирование своей личности – ее формирование в основе будет уже закончено; а воспитание детей так, чтобы они были потом счастливы – это разговор отдельный.) Под этим вопросом понимают обычно: как прожить жизнь с тем, кого любишь, – или, подойдя с другого конца, как любить того, с кем проживаешь свою жизнь. А это уже вопрос характера, такта, терпимости, доброты, мудрости, силы, заботливости и т. д. Свою долю страдания и счастья ты получишь все равно, как ни исхитришься.

Как добиться любимого человека – это вопрос тактики, техники, хитрости, ума, самообладания; вопрос отдельный. Тому посвящены массы романов, пособий и брошюр. (Я ничего не могу добавить к существу предмета, кроме того, что когда-то писал в рассказе «Разбиватель сердец» и той главе «Звягина», которая называется «Любит – не любит».)

Как быть счастливым в постели – этот вопрос сейчас в моде и фаворе, книжные полки ломятся (причем все больше от видеокассет). Техника секса – важная, но только частность.

Как находить во всем – и в человеке, и в явлении, – хорошую сторону, – этим усердно и иногда не без успеха занимаются психологи и психоаналитики (хотя всегда знали умудренные опытом мамки-сваты и батьки-ходоки).

«Ошибок» в любви не существует: она есть то, что есть, и рациональному подходу принципиально не поддается. (Хотя в какой-то мере корректируется.) Ты неизменно и неукоснительно напарываешься на то, за что боролся.

Философский подход «будь счастлив тем, что имеешь» обычным людям помогает очень мало.

Любовь – это не синоним счастья, это счастье и страдание в одном флаконе. Господь терпел, и нам велел. А что же делать, потому что надо! «Нет у меня для вас другой любви», – поморщился Всевышний.

Держись, понимаешь.

Ревность

«Жестока, как ад, ревность», – пожаловался Соломон, и через некоторое время Отелло задушил Дездемону, Хозе зарезал Кармен, а Российский уголовный кодекс признал ревность смягчающим обстоятельством при убийстве.

Мужуко уокошить бабу, конечно, легче – он здоровее и агрессивнее. Привычка к оружию, опять же. Но она берет сообразительностью: грибками с кашицей угостить, толченую лампочку в котлетку подсыпать, крысобоя в вино капнуть. А также удобно у спящего отхватить тот торчащий орган, единоличное обладание которым и представляется ревнующей стороне справедливой целью.

С ревностью тоже не все ясно народу. В эпоху всеобщей социалистической ясности ее попытались просто объявить «буржуазным предрассудком» и «отрыжкой собственности». Привык буржуй к собственности, вот ему и отрыгивается. У нас свобода. Каждый свободен распоряжаться собой по собственному усмотрению. Она с другим? И ты иди к другой. Две счастливые пары лучше одной несчастной.

«Какое ж вы имели право убивать?!» – надрывается судья. «Не имел», – соглашается убивец. «Но вы понимали, что ее не будет, а вас казнят?!» – «А как же». – «Но ведь всем же хуже, и вам тоже!» – «А как же».

Из установившейся потребности неукоснительно расковыривать исследуемый предмет до конца, чтобы понять, что у этой игрушки внутри и как она действует, мы попытаемся рассортировать варианты ревности по разным полочкам. Для простоты рассмотрения возьмем в качестве ревнующей стороны мужчину – он активнее дергается.

1. Он жлоб, невнимательный эгоист, ей от этого обидно и плоховато, и она дает ему повод к ревности. Он взвизгивает, бьет головой об стенку, чашкой об пол, кочергой об жену, кочерга сгибается, жена не сгибается, прямо разъяряет ему, что он (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист. Выпив, опохмелившись и уйдя на работу, он соображает, что можно вечером добить жену, но вообще жалко; можно достать и добить соперника, но тот сам может тебя добить, и вообще может тогда вся жизнь рухнуть; можно выгнать ее, можно уйти самому, но лучше всего – это чтоб все было хорошо. Может, он и правда (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист? Саня, одолжи двадцатку. Муж бреется, гладит брюки, покупает жене цветы и билеты в театр, и пока она радуется улучшению своей жизни, он кается и убирает квартиру. Это самый мирный вариант ревности, плодотворный вариант, можно даже сказать. Такая ревность нам нужна. Такое чувство целесообразно.

2. Соперника надо отвадить. Встретить, пугнуть, набить морду, пусть держится от нее подальше, понял?! Он здоровый, сам тебе ноги переломает. Гм... Найти ребят, можно им и заплатить, пусть ему сделают козью морду на пару месяцев больницы. В идеале надо соперника убить, это самое лучшее и верное – и так, чтоб никто тебя и не заподозрил. Это, может, против закона и даже против морали, зато очень хорошо.

Если этот вариант проходит – такая ревность тоже целесообразна. Ты устранил препятствие к постоянному единению с партнером. Молодец, возьми себе с полки пирожок.

Номер первый и номер второй – это, так сказать, позитивные случаи. Ревность побуждает изменить жизнь так, чтоб быть вместе с любимой.

3. Он вообще очень ревнив, а она вообще очень кокетлива, хотя без ничего такого. Жить невозможно. Скандалы, упреки, подозрения, дерганья, сил нет. А вдруг там чего у нее и есть? Нет, пока дров не наломали – надо разбежаться. Ну, не сошлись характерами. А если б она вправду изменила, а он ее убил? черт их знает... Тут ревность – это частный случай неподходящих людей друг другу. Тут все к лучшему, быть может...

4. Любит, ревнует, убил соперника в открытую. Она его проклинает, суд его приговаривает, всем хуже. Где логика?! Хорошо, тут можно списать на атавизм, схватка самцов за самку, здоровое соперничество на уровне инстинктов. Не смог владеть собой, слишком сильное чувство. Целесообразность проглядывается, в условно-первобытном обществе он был бы в выигрыше.

5. Любит, ревнует, хочет убить соперника в открытую, ну вроде вызывает на поединок, хотя понимает, что тот здоровее. И погибает сам. А здесь где логика?.. Ладно, это тоже можно списать на атавизм и первобытный инстинкт – сильное чувство, уже не до рассуждений, конкурентов не потерплю, с таким страданием жить не в силах, или сам сдохну, или его боги помогут уничтожить... ну, не помогли.

6. Любит, ревнует, мучится, сил нет, убивает ее. Вопрос решается по методу товарища Сталина: «Нет человека – нет проблемы». Тут где изволите найти логику и целесообразность? Тут человек, решаясь на поступок, отлично понимает, что никакого счастья больше быть не может.

(Честь, требования общества и морали, насмешки окружающих – это мы все оставляем в стороне, за скобками, не привносим и не рассматриваем, учитываем и берем только ревность в «чистом» виде.)

6-а). Убил, скрыл, отдохнул от страданий, живет спокойно без раскаяния. Убрал источник сильных отрицательных, нежелательных ощущений. По крайней мере, понятно. А разве не лучше было выгнать ее в чем есть вон подальше, с гарантией, что на глаза больше не покажется? Она ведь все-таки никого не убивала, ему смерти не желала, она ж не для того гуляла, чтоб его мучить, а чтоб себе удовольствие доставить, – не по вине кара получается.

Нет, когда он ее убивает, он на такой вариант не согласен, ему этого мало. Если он будет знать, что она жива, – ему покоя не будет, а если она еще и счастлива будет – он просто зачухнет от разлития желчи: не смеет она жить хорошо, если заставила его так страдать.

Более всего слабодушный ревнивец мечтает, чтобы изменница попала под трамвай. Тогда все решится само собой, и ему сразу наступит облегчение. Вспомните бедолагу Каренина.

Ее судьба, черт возьми, ему отнюдь не безразлична! Он к ней не равнодушен! Ему необходимо, чтоб ей было плохо, лучше – очень плохо, еще лучше – чтоб она умерла. Он уже думает не столько о своем счастье, сколько мечтает о ее несчастье. Он ее ненавидит. Даже если знает, что никогда ее не убьет, воображает тяпнуть ее палкой по башке или сунуть в петлю гадину.

С точки зрения первобытного атавизма можно рассуждать так: а чтоб все бабы знали, что мужик – хозяин, и если что – убьет, и вели себя соответствующе. Так... а если это баба замочила муженька? Гм, по-первобытному – чтоб все мужики знали, что он со всеми потрохами принадлежит семье и подруге, а на сторону косить не смей.

А анализируя на уровне чувств – мы имеем ненависть. Любовь как половое чувство достигает такой силы, что переходит в свою противоположность. Почему? Потому что в сфере положительных ощущений реализовать ее невозможно. Сильнейшее возбуждение центральной нервной системы не снимается ничем (можно, конечно, в дурдоме аминазином глушить до животной тупости и флегмы, но как рецепт против ревности это малореально по жизни). Это перевозбуждение взывает к действию, требует его! Да убедись он, что она его любит и верна, – он ей в ноги упадет и сам не свой от счастья будет.

6-б). Убил, скрыл, а потом сам всю жизнь мучится и страдает. Но живет. Так зачем убивал, дурак? Сил не было терпеть. Она была падла, но без нее все равно не жизнь. Хотя со временем, конечно, чувства несколько успокаиваются, и жизнь нормальнее.

Э-э-э... Тут получается, что даже убийство ее не избавляет тебя от страданий. А все равно она любила не тебя! А все равно в ее глазах ты не был достоин! А все равно ты не победил ее – убил, но не добился того, чего хотел: любви, обладания, верности. Каешься (но понимаешь,

что иначе в тот миг поступить не мог, и более того – и не хочешь иначе!) – и одновременно полагаешь себя правым. А больше не полюбишь, нет в жизни счастья.

И так – нет его, и сяк – нет его, но есть покой и воля, в мечтах ты счастлив, в воспоминаниях счастлив... короче – тогда ситуация требовала разрешения: или свалить, или убить, и из двух зол ты предпочел убийство. Ну... значит, теперь тебе все-таки жить легче, согласно логике своих чувств ты поступил целесообразно.

б-в). Убил и явился с повинной: судите, сажайте. А-а, грех на душе, знает, что поступил нехорошо. Но сам жить хочет, стервец-страдалец. Тоже, значит, ненавидел, но не так сильно, как тот, что скрыл и вздохнул с облегчением. Хочет принять теперь страдание, замолить грех. Это вариант, сходный с предыдущим: перенести страдание ревности не мог, а убить и понести наказание мог. Все равно была ненависть, которая требовала выхода и разрешения.

б-г). Убил ее и убил себя. Или сразу застрелился, или набежавшим закричал, чтоб закололи, или полиции сдался на верную смерть.

Слушай, а почему ты сразу тогда не покончил с собой? И не было бы тебя, и не знал бы ничего, какая тебе разница?... Значит, есть разница, чего уж там, и большая, принципиальная, можно сказать. Жить без нее не могу и не буду, но и ей не спущу. Убью гадину любимую, и сам своею рукой себя накажу и избавлю от всего.

Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал, тот, кто смел – кинжалом наповал; классики много писали о ревности.

Нет, мы понимаем, что так оно часто бывает, что вот так оно природа создала, что ревность мучительна, но почему, почему, для чего, зачем?

б-д). Убил себя. Хлоп – и нет больше мучений ревности.

Часто в этом есть элемент мести: «А, теперь она поймет, как я любил ее, оценит, заплачет, но поздно будет, вот». Какой-то частью сознания человек жаждет любви ценой собственной жизни: я умру, я не узнаю, но хоть сколько-то ты будешь меня любить. Со вздохом надо сказать, что нелюбимый самоубийца получает по смерти очень мало признания, обычно следует лишь чувство досады и раздражения, что этот проклятый идиотик доставил своим поступком еще одно неудовольствие, заставил ощутить некоторый душевный дискомфорт, что вот привязался со своим высоким чувством, а теперь я виновата в его смерти, хотя на самом деле я ни в чем не виновата, и знакомые что скажут... вот дурак, лучше б я его вообще никогда не знала.

Если любящий не мог соединиться с любимой – это самоубийство из-за несчастной любви, это на самом деле вариант другой, здесь срабатывает логика природы «1 = 0». Но мы сейчас говорим именно о ревности, что не есть вовсе одно и то же.

Здесь у нас тоже выглядит просто: сильное страдание, невозможно перенести, на любимую руку поднимать не хочет, не может, не смеет и не мыслит, лишь бы она, дорогая, была счастлива, о, как я страдаю, как мне больно, где мой револьвер, я прекращаю эти непереносимые муки, в моей смерти прошу никого не винить. Как вариант: в моей смерти прошу винить только ее; пусть хоть теперь поймет, помучится, оценит. Убрать источник непереносимого страдания, каким стала жизнь. Но – но:

7. Вот в семье все хорошо. И в постели отлично, и мир, лад и взаимопонимание. И он узнает, что она ему изменяет. Боже, как мешают ему жить эти невидимые рога, сколько мук и терзаний. Почему? Ничего не изменилось. Он имеет ее сколько хочет. И даже – ему может быть гарантировано, что она никогда его не оставит. И он – даже! – не сомневается в своих материальных, физических и моральных достоинствах. И она – даже – дает ему на словах и на деле все мыслимые доказательства того, что любит его. Так чего ему еще надо, несчастному кавалеру де Грие, возлюбленному прекрасной и неверной Манон?! И, предположим, никто об ее связи не знает, так что его честь и пр. (еще раз повторяем) никак не страдает.

Так чего ж он так отчаянно дергается? От него же ничего не ubyло, он ничего не потерял. Ну, мало ли почему она развела там с кем-то шуры-муры; от любопытства, от нефиг делать, или лестно ей, или скучно было, да подумаешь.

Нам говорят: он собственник, он хочет владеть ею безраздельно, он не современный человек, не признает ее права на свободу. Он вопит: я не собственник, я признаю свободу, я современный человек, но мне больно, я не хочу, переживаю, нервничаю.

Нам говорят: он боится, что другой чем-то лучше его – как мужчина или еще чего. Он отвечает: ничего не боюсь, я знаю, что я самый лучший... как она может с какой-то дрянью путаться!

Энгельс вступает: он, говорит, не хочет воспитывать чужих детей и отделять им наследство. Наш мужик в сторону Энгельса плюет: у меня, говорит, двое усыновленных негрят из детдома, а жена пользуется надежным противозачаточным.

И он начинает иногда хамить жене, он хуже спит и меньше ест, он роняет вещи, и вообще по вине его ревности хорошая жизнь кончается.

А Энгельс втыкает в бородищу сигару и говорит: это у него атавизм, рудименты первобытного инстинкта, когда мужчина никого не подпускал к своей самке. А с инстинктом ничего не поделывать, понимаешь, – мы-то культурные, а он вылезает, это надолго.

8. Так вот же вам крайний вариант.

У них был роман. Она ему надоела. Он дал ей отставку. Он живет с другой и увлечен ею. Прежнюю он не видит и она его не колышет.

И вот они неожиданно встречаются. Она живет плохо без него, одна. Ему немного тягостно, маленькое чувство вины есть, что он ее оставил, теперь ей плохо. И хочется скорей расстаться.

Или: она живет неважно. Есть у нее один, так, от безмужичья, не фонтан, наш-то был конечно лучше, с ним хорошо было, чего там. И нашему приятно, что он такой хороший, и она хорошая, ценила, но немного неловко, что он ее бросил, и т. д.

Или, наконец: она живет отлично! У нее теперь мужик – хана всему, орел! Хорошо, что она с ним рассталась, а то бы так и сгнила по мелочи. О-о! Вот тут наш уеден... Как же так. Почему ей так хорошо без него, и более того – так хорошо не с ним, а с другим? И в нем вспыхивает ревность. Ему неприятно, ему больно, что она живет с другим и ей так хорошо.

Это что? Нам ответят – это мужское самолюбие. А что такое самолюбие? Это утверждение чувства своей значительности. А что такое значительность? «Я все могу, я самый». Ну, все не все, но изрядно, достаточно весьма. А тут вдруг оказывается, что ты не самый и можешь не все. С другим лучше. Тебя не хотят. А!

...Да, ревность – это и боязнь потерять, и уеденное самолюбие, и опасение, что другой лучше, и ущемление твоего внутреннего сознания и ощущения своей значительности. Но еще, еще:

9. Она стала всячески его не устраивать, или не всячески, но все равно – просто не устраивать, и он решил твердо ее оставить. Завтра днем он ей это скажет – и расстанется. Вот.

И вдруг завтра, не днем, а утром, он узнает, что она его только что оставила и предпочла другого. Он ревнует, он жаждет объяснений и изменений! Он хочет оставить ее – но сам, когда он решит и как сам захочет! А теперь он хочет, чтоб сначала она рассталась с этим идиотским новым хахалем и приползла к нему на брюхе, виляя хвостом, и вот тогда он с ней расстанется! и уйдет гордо и не оглянувшись.

...Это приводит к странному на первый взгляд выводу: может любви не быть, а ревность вдруг может быть. Э? А возникает ревность – возникает и желание ее объекта, и вдруг этот «объект» обретает в твоих глазах ценность, которой не было миг назад.

Предмет тот же самый. И отношение к нему то же самое.

Бросил сам – и хрен с ней.

Бросила она – не хрен с ней.

Что изменилось?

Твоя собственная ценность в твоих собственных глазах.

Ты мог все – а теперь ты можешь не все.

Ты был свободен, мог делать что хотел – а теперь ты не свободен и не можешь делать что хочешь, ты ограничен, вариант тебе навязан, ты менее значителен, ты не можешь реализовать свои желания.

(Собственно говоря, любой аффект можно рассматривать как «первобытно» целесообразный, – но вряд ли это само по себе исчерпывающее или даже удовлетворительное рациональное объяснение. Фокус состоит в том, что в наше цивилизованное время человек, отнюдь не стремясь к результатам первобытного разрешения аффекта, сам вводит себя в состояние аффекта и поддерживает в нем. То есть человеку как таковому потребен не результат разрешения аффекта, а сам аффект.)

10. Подводим итоги и делаем выводы.

Ревность как состояние аффекта позитивно в том смысле, что ревнивец способен развить отчаянные усилия по сохранению для себя ревнуемой.

Ревность как состояние аффекта всегда негативно в том смысле, что ревнивец не способен адекватно оценивать ситуацию и совершает неправильные, ненужные, порой трагические и непоправимые действия. С точки зрения прагматической целесообразности лучше бы он был хладнокровен и рассудителен – чем крепче нервы, тем ближе цель, вернее и легче добьешься своего.

Но фокус в том, что ревнивец подчас не стремится ни к каким прагматическим целям (вар. 7), или даже вообще ни к каким целям (вар. 8 и 9). Ситуация, объективно глядя, его может никак не волновать. Его волнует только самоощущение в этой ситуации.

Недаром моряки и представители прочих профессий, связанных с долгими и постоянными отлучками из дома, нередко ставят женам такое компромиссное условие: «Делай что хочешь, только чтобы я ничего не знал». Он все понимает, он допускает возможность чего угодно, но не хочет скандалов, ухудшения отношений и т. д. В семье все хорошо? – и слава Богу. Никаких конкретных оснований для подозрений и ревности нет, ситуация его устраивает, а своим самоощущением и отношением к этой ситуации он справедливо дорожит. Все, чего он хочет, он имеет. Рассудочный вариант. Для буйного темперамента он не подходит.

Что же отнято у ревнивца, у которого на самом деле ничего не отнято? Свобода. Свобода как состояние возможности любого варианта, свобода как состояние максимальной энергетической значимости человека, свобода как потенциальное состояние максимальной самореализации всех своих сил и возможностей. Любое физическое тело стремится к свободе – как к состоянию, где оно может выделить максимум обладаемой им энергии. Это один из аспектов великого Второго закона термодинамики, и человек ему подчиняется безусловно, поскольку он тоже часть Вселенной, тоже физическое тело, а если это тело обладает чувствами и разумом – то только для того, чтобы выделять больше энергии. Ага.

А отвлекаясь от языка физики, это можно выразить словами менее точными и исчерпывающими, но более привычными в быту: невозможность полностью контролировать ситуацию, умаление своей значительности, ущемление своего самоутверждения. И этого достаточно! Это – основа! Плевать мне на эту бабу или ее нежный взгляд в сторону идиота – я не могу стерпеть своего унижения, умаления, ущемления.

Повод к ревности означает: я менее хозяин жизни, чем полагал, чем могу или мог бы, я менее всемогущ, чем хочу и полагаю возможным. Вот чего человек перенести не может!!!

11. Кто не ревнив (или ревнует предельно мало, скажем так)? Тот, кто предельно уверен в себе, и эту уверенность невозможно поколебать ничем. Она гуляет с другим? Вот уж презренная дура. А уж он просто даун. Она смотрит на кого-то? Ерунда, пусть смотрит, куда она

от меня, такого крутого, денется. Предельно уверенный в себе человек взревнует только тогда, когда явно и однозначно от него собрались уходить – и то может плюнуть вслед высокомерно и брезгливо: на кого меня променяла, шлюшка.

Почему говорят, что муж замечает свои рога последним? Потому что мужская самооценка вообще завышена.

12. Кто ревнует больше? У кого больше комплексов. Если бы Отелло был белым, молодым, красивым и куртуазно образованным, он бы высморкался в этот проклятый дареный платок и лег к Дездемоне в койку заниматься любовью, всех и делов.

13. А поскольку всегда сколько-то примешивается честь, мораль, мнение окружающих, весь комплекс «сверх-Я», то ощущение своего умаления от повода к ревности усиливается. Нонконформист, плюющий на мнение общества и традиции, менее ревнив.

В эпоху дивного распутства Луи XV связи супругов на стороне были делом обычным и нормальным, «так было принято», и ревность была связана или уж действительно с любовью страстной, или с довольно простым самолюбием в свете. А кавказец может и не любить, но любой намек на урон его мужской чести легко приводит его в состояние той ревности, которая есть самозабвенная ярость.

14. И разумеется, никакие проповеди «личной свободы» и «современных отношений» тут ничего в корне не изменят, поскольку устройства центральной нервной системы человека они затрагивать не могут.

А поскольку человеку всегда мало, он всегда неудовлетворен, ему всегда надо что-то изменять – эту нехитрую, но вечно забываемую истину я долблю с наивностью дятла и последовательностью молотка, – он всегда сумеет устроить себе переживания, и ревность в том числе.

Всегда найдется кто-то получше тебя. Всегда накопятся отрицательные эмоции, которые требуют какого-то выхода, привязки к какому-то внешнему объекту, повода, персонификации. Всегда захочется, чтоб любимая была тебе «еще больше что-то», ибо нет в мире совершенства и нет совершенству предела. Всегда найдется платочек, чтоб накинуть его на шейку – хотя бы в мыслях, хотя бы на миг.

А вы что решили – что можно прожить нормальную жизнь, никогда не ревнуя? Успокойтесь, покой нам только снится, как заметил на заре веселого XX века поэт.

.....

Заметки на полях:

Ревность – это реакция на угрозу для твоей биологической энергии, реакция на ограничение воспроизводства себя в потомстве. В идеале и мужчина, и женщина стремятся к такому положению, чтобы свободно, т. е. в любой момент и по собственному желанию, иметь возможность зачать потомство с любым партнером по своему выбору, без всяких ограничений. Если на данный момент, на «сейчас» выбор уже сделан и прочие особи как кандидаты не рассматриваются, то на них плевать, ревности быть не может. Но любой, с кем ощущаешь и в принципе допускаешь возможность сексуальных отношений, может вызвать ревность той или иной силы, если возникает хоть видимость возможности того, что сейчас тебе предпочтут другого, хоть ненадолго, на раз, хоть без особого желания.

Того, кто недоступен – кинозвезда, кумир, – можно любить заведомо безнадежно и без ревности: ревности нет там, где нет абсолютно никакой надежды. Но на концерте ты прорвалась к кумиру, удостоилась взгляда и слова, возникла реальная возможность познакомиться и провести вместе – о, не жизнь (хотя кто знает!..), даже не месяц – но хоть ночь, час, полчаса – призрак возможности, один шанс из тысячи, ты старательно вычитала это из его взгляда – и вот тут ты бешено, яростно ревнуешь его к любой из толпы поклонниц, друзьям, менеджеру и всему миру.

Ревность предполагает ту или иную вероятность доступности.

Страдание

Как-то на пресс-конференции в Японии Фолкнера спросили, считает ли он, что жизнь в основе своей трагична. «Безусловно», – без колебаний ответил Фолкнер.

Жизнь наша земная – юдоль страданий и скорби, учат практически все религии.

В жизни вечно нам чего-то хочется, и мы страдаем от неудовлетворенности своего желания, а как чего добьемся и получим – на минуточку счастливы, а потом снова страдаем из-за чего-то другого, так что жизнь – это сплошные страдания, а счастье – просто временное избавление от страданий, и лучше всего, чтобы не страдать, вовсе не жить, – заключил изобретатель философского пессимизма Шопенгауэр.

Однако человек устроен так, что у него есть потребность страдать, а поводы к страданию он найдет всегда (см. Часть I, гл. 2, раздел 5). Даже если у него все-все хорошо-хорошо, он то найдет какую-то обиду в прошлом, то захочет быть не таким, как он есть, и уж в любом положении может начать страдать от невозможности отыскать смысл жизни.

Что такое страдание? Это более или менее сильная отрицательная эмоция. Ногу сломал, любимая бросила, сладким куском обошли и тем перед всеми унизили, голод замучил до полусмерти.

Что лежит в основе страдания? Некомфортное для нас положение вещей. Что-то имеющееся здорово не нравится, и хочется, чтоб было иначе. Упрощенно говоря – неудовлетворенное желание (достаточно сильное, конечно, – неудовлетворенное желание съесть пирожное обычно мы страданием не называем).

Люди вечно задавались вопросом: на кой черт нужно страдание? и как устроиться так, чтобы не страдать?

Во-первых, отделим причину от повода. Для этого сначала различим виды страданий.

Страдания бывают физические, нравственные и физические как следствие и продолжение нравственных (болезнь от горя).

При страдании физическом (боль, голод-холод) повод одновременно является и причиной: ногу сломал, жратвы нет. Таких страданий избежать нетрудно, что от древности даже мудрецы и советовали: удовлетвори желания необходимые, физиологические, без этого никак.

При страданиях же нравственных, душевных, поводом может выступать что угодно: одет хуже других, награду не дали, предприятие лопнуло, – здесь уже не удовлетворено желание физиологически не обязательное. Теоретически рассуждая, от всех этих необязательных желаний можно отказаться – и не будет тебе никаких страданий. А не хоти. Зелен виноград. Врачи, кардиологи и психологи, инфарктникам и советуют: плюйте на все свои хлопоты, ерунда все это необязательная, и берегите здоровье.

Повод для душевного страдания всегда может меняться – от супа жидкого до жемчуга мелкого. Относителен повод. Причина же всегда одна, и сугубо внутренняя: энергоизбыточный человек всегда чего-то хочет и всегда ему что-то не так.

Чтобы не страдать, человек должен не хотеть ничего, кроме необходимого удовлетворения чисто физиологических потребностей: воздух-вода-пища, защита от непогоды, секс. Все. Но это получается не человек, это получается вполне животное. Но можно же еще наслаждаться мыслью, воскликнут мудрецы-аскеты! Увы, тоже нельзя. Неправы мудрецы-аскеты. Во-первых, мыслитель начнет мучаться несовершенством мира и неотвратимостью беспощадной смерти. – А я избавлюсь от всех чувств и привязанностей, отвечает Будда, и даже от мыслей избавлюсь и погружусь в нирвану: сливаюсь я с миром на чувственном уровне, ничего не желаю и полностью счастлив. Дай тебе Бог, ответим мы, но для большинства нормальных людей этот номер пройти не может, пахать надо и плодиться-размножаться, так уж устроено; факир может спать на гвоздях, но это не повод менять кровати на гвоздильные; исключения, в

том числе людские, лишь подтверждают общее правило. Во-вторых же, о наслаждении нестрадающего аскета мыслью, сама мыслительная способность есть аспект избыточной энергетики нервной системы, в основе этой способности – то же самое избыточное желание: мыслить ведь для выживания не обязательно. И начнет страдать мудрец от того, что понять чего-то не может, или от того, что другой мудрец с ним не согласен. Возраст утишает страсти и мудрец успокаивается – но откуда страсти есть, они себе выход найдут, и что подходит старику – не может подойти юноше.

Короче, ты не избавишься от страданий, потому что они тебе свойственны и потребны. Почему потребны?

Первое. Страдание как сигнал. Боль, голод, похоть. Это означает: лечись, питайся, размножайся, а то вымрешь. Страдание как стимул заботиться о своем и рода выживании. Страдание как проявление инстинкта жизни.

Второе. Страдание как стимул к размышлению. Пока все хорошо, можно ни о чем особо не задумываться – и так жить можно, нет проблем. А как тебя прищучило – начинаешь думать, как зацикленный: как же так мир-то устроен, что плохо тебе, больно и несправедливо? что в нем к чему? где причины, каковы закономерности?

Страдание – это ведь возбуждение центральной нервной системы. Вот она и начинает усиленно думать о чем ни попадя: очаг возбуждения, откуда не снят повод, плавает по коре и подкорке, возбуждение передается на соседние участки.

Третье. Страдание как стимул к действию. Избавиться от него, от заразы! Можно, конечно, избрать способ «интенсивный»: убедить себя, что виноград зелен, и подавить желание разумом и волей: да не хочу я вовсе вашего поганого винограда. Именно это рекомендовали мудрецы. На что уже в новые времена психиатры ответили: ничего хорошего от подавления желаний не будет, а будет невроз, болезни и преждевременная смерть в конце концов. Но человек, тварь самолюбивая, стремясь реализовать в жизни все свои возможности, избирает как правило способ «экстенсивный»: добиться желаемого, хоть тресни, тогда, мол, и страдания не будет, а будет, наоборот, счастье.

И вот страдающий человек усиленно думает и усиленно действует, стремясь изменить положение вещей таким образом, чтоб было не так, как сейчас, а так, как он хочет. И тогда он сможет счастливо перевести дух. Дух он, бедолага, переведет ненадолго, но что-то в жизни сделает.

Страдание, таким образом, – это кнут, которым избыточная энергетика человека подстегивает его: давай-давай! чувствуй! думай, действуй! тянись выше, делай больше!

Можно ничего не делать, и все равно страдать (от безнадежной любви или неизбежной смерти). Бессмысленно? Нет! Ибо ощущения могут не выливаться в действия – но действия невозможны без начального импульса на уровне ощущений. Часть страданий ведет к действиям, часть не ведет, но заранее знать всего невозможно, и невозможно всегда определить границу своих сил и достижений. Здесь свой КПД, так сказать. Сначала начнем хотеть и страдать, а там посмотрим, что из этого выйдет. А кроме того, страдающий человек, как уже сказано, острее чувствует и больше начинает понимать – а это, по общему счету, в масштабах человечества, уже движение к действиям в их первом приближении.

Несчастливые люди делали открытия и изобретения, писали книги и осваивали земли: сублимация своего рода: потребность избыть свое страдание выливалась в то, что повышенная энергетика эмоций перекидывалась в другую сферу действий. Страдаю, не могу добиться желаемого, хочу отвлечься и забыться – ищу смерти в борьбе и путешествиях, не жалею себя в работе, совершаю подвиги и т. п.

А если сломался и зачах от страдания, или вообще повесился? Плохо. Но это крайности, без которых невозможно, это крошатся и осыпаются края пряника, а общее генераль-

ное направление – строить свою жизнь сверх физиологически необходимого и двигать вперед цивилизацию.

Почему много сказано в истории о благотворности страдания (и христианской религией едва ли не в первую очередь)? Потому что счастливый и не познавший страданий человек весьма глух к нуждам окружающих: он упоен своим счастьем, да и трудно представить себе то, что сам не испытал. В страдании он познает, почем фунт лиха, ощутит и увидит свое сродство со всеми несчастными – и будет добрее и поумнее, душевно чутче будет. И о жизни задумается, и в отношениях людских больше поймет.

Заметьте: вся человеческая культура по большей части замешана на страдании. Трагические мотивы преобладают над комическими. Среди художников редко-редко встретишь счастливого человека. Страдание будит душу, выражаясь метафорическим языком литературы.

Что влечет зрителей в трагедии, что тут возвышающего и очищающего? Первое – сила ощущений: в страдании больше мощи, чем в счастье, оно в своем роде острее, богаче, сильнее счастья, оно в трагедии стремится к самому пределу человеческих возможностей; счастье переносимо почти всегда – жестокая пытка непереносима почти никогда. Второе: в страдании и борьбе с ним проявляется вся сила человека и величие его духа – и принадлежность к роду человеческому наполняет зрителя гордостью, он всегда частично отождествляет себя с героем действия – и, ощутив величие своих возможностей в принципе, делается крупнее и значительнее в собственных глазах: вот что люди могут, я тоже так могу, а если и не могу – то хотел бы быть таким же сильным, а все мои реальные трудности – пустяки по сравнению с тем, что бывает, их перенести нетрудно, легче, чем я думал раньше. Пример для подражания и сравнения. Третье: почему он плачет? Ему жалко хороших людей, он добр, благороден и справедлив – в театре за цену билета каждый может позволить себе быть добрым, благородным и справедливым, и ему это нравится. Четвертое: а почему же слезы его сладки, черт побери? А потому что он хочет страдать! ему нравится страдать! Это подсознательное желание – а сознательно-то он хочет, чтоб у него все было хорошо, – вот театр и удовлетворяет его подсознательной и сознательной потребности одновременно.

В реальном сильном страдании человек уже не плачет – не может: впадает во внутреннее оцепенение от неизбывной боли. «Поплачь – легче будет»; со слезами сбрасывается часть напряжения, кто ж этого не знает. При этом – воображаемыми картинками горя нередко расправлял себя каждый, и слезы были близки. В театре (кино, книга) человек реализует свою способность и потребность страдать, при этом безо всякого ущерба для себя, – и одновременно сбрасывает опосредованно через свое переживание часть реального страдания, которое у каждого в чем-то имеется. И жить после этого становится – хоть на самое первое время – легче и лучше. Собственная несчастная любовь, собственные потери и обломы увеличивают чувствительность от театральной картины; потому и рыдают сибирские доярки над страданиями красиво одетых мексиканских рабынь: чувства-то прямо как свои, а антураж-то отвлеченный, ничего общего не имеющий с прозаической действительностью, где все погрязло в удушающем вонючем быте, и душу-то расслабить в свободном страдании нет возможности – и не поймут, и не принято, и дел много, и крепиться перед людьми и собой надо, а уж перед телевизором с не нашей жизнью можно не крепиться.

В театре на трагедии не надо бороться, ничего делать, тебя это все не касается по жизни – сиди себе и страдай, затем и пришел. Своего рода наркотик, суррогат, заменитель. А хороший актер, хороший писатель – работает так, что чувства его передаются зрителю (читателю), проникают, заражают его – и он начинает чувствовать то, что автор и хотел в него вложить. То самое частичное отождествление, воздействие искусства. А хотели в него вложить, через картины страданий, благородство, доброту и величие духа – вот ими он и возвышается.

А когда некрофил-режиссер наворачивает на экране два часа кровавой мясорубки с массой страданий своих героев – никакого возвышения и очищения зрителя не происходит, а

только тошнит. Нервы щекочет, а слез нет. У психики свои законы. Можно плакать над собачкой, потерявшей хозяина, – а на мясокомбинате уже не страдаешь, только жутковато и противно с непривычки. Но здесь уже надо говорить о законах искусства и его восприятия: прямое изображение страданий еще не обязательность со-страдания зрителя. Заставить его страдать тоже уметь надо.

Итого вышесказанное.

1. Потребность в страдании коренится в психике человека. Человек хочет страдать.
2. Страдание есть возбуждение «сверх среднего» центральной нервной системы человека в области отрицательных ощущений.
3. Повод к страданию условен и относителен, и определяется выбором поставленной себе цели, цель же как правило для жизни не обязательна и поставлена посредством разума.
4. Причина страдания – в избыточной энергетике человека, которому необходимо всегда стремиться сделать не так, как уже есть.
5. Благотворность страдания и даже его человеческая необходимость – в том, что оно есть внутренний стимул к многочувствованию, размышлению и свершениям действий, что и есть суть человека.

Секс

§1. Сексуальная энергия. Водоросль растет и размножается, при благоприятных условиях может заполнить собой весь водоем – на эту работу идет вся ее энергия, получаемая из воды, содержащихся в ней (и в грунте дна) веществ, и солнечного света. Больше водоросли делать ничего не приходится.

Чем сложнее организм, тем большую часть энергии он расходует на собственное индивидуальное выживание и на все действия по изменению окружающей среды в процессе своей индивидуальной жизни.

Уже моллюск открывает-закрывает створки раковины. Олень – поедает траву, взрывает копытами грунт, удобряет почву пометом, переносит себя в пространстве с большой скоростью и на большие расстояния. Здесь только «пассивным» ростом и размножением не отделаешься. А сытый и благополучный волк на отдыхе любит бегать и играть «для удовольствия». Не говоря уже об обезьянах, которые в благополучном состоянии любопытны, предприимчивы и совершают множество «излишних» действий, никак не необходимых для простого выживания и размножения.

Если предположить, что водоросль или волк существуют только «сами для себя», и «цель» каждого вида – максимальное утверждение себя, тогда главное – размножение: стремиться к тому, чтобы заполнить своим потомством весь мир.

Если рассматривать Вселенную в ее эволюции и, в этой связи, жизнь на Земле от одноклеточной водоросли до человека, то «цель» природы крупней и выше «цели» любого отдельного биологического вида: все более активный процесс энергопреобразования вещества Земли. Размножение вида здесь не самоцель, но лишь средство.

Сексуальная энергия животного – лишь один из аспектов его общей энергии, которая идет не только на действия по размножению, не только на действия, необходимые для индивидуального выживания, но и на действия сверх необходимых: взрослые волки играют друг с другом просто от избытка энергии, когда все их потребности удовлетворены.

Если обезьяна в благополучных условиях имеет возможность совокупляться чуть не целыми днями, она этого однако не делает: она играет, ковыряет что-то и т. д. – ее сексуальные потребности ограничены.

Животного с безграничными сексуальными потребностями не существует.

В условиях «чистого опыта» высокопотентный мужчина в роскошном гареме не сможет, да и не захочет проводить в занятиях сексом все время, свободное от сна и еды. Он будет, допустим, совокупляться (особенно юный) до грани полового истощения, станет вял и расслаблен, но, во-первых, это дело ему несколько поднадоест, во-вторых, ему будет хотеться хоть в нарды сыграть, хоть кино посмотреть.

Создай человеку идеальные условия для безграничных занятий сексом – все равно он будет хотеть делать хоть что-то еще.

Это к тому, что рассматривать любую деятельность человека, кроме необходимых для личного выживания действий, как сублимацию сексуальной энергии – при добросовестном рассмотрении невозможно.

Фрейдовская теория либидо и сублимации условна и формальна – в том смысле, что психика и физиология человека рассматриваются изолированно вне взаимосвязей с окружающей средой, вне роли человека на Земле и во Вселенной. Своего рода антропоцентризм. Только, мол, природе и дела, чтоб человек – пуп мироздания – размножал свой вид.

Человек в мире все более активно переделывает мир. Энергия размножения играет здесь все более служебную, подчиненную, обеспечивающую роль.

Сексуальная энергия – это самый простой и «прямой» канал направленности общей энергии, общей «витальной силы» организма – прямо биологический (самый «прямой» после обеспечения жизни особи).

Но энергия человека превышает необходимую для выживания и размножения. Что и делает его человеком. Что и есть основание всех его свершений.

§2. Сублимация. Это значит перегнать часть сексуальной энергии в «культурно-рабоче-человеческую» энергию. Воздерживается человек от секса – и лучше думает, активнее работает, показывает более высокие результаты в спорте. Сил больше. Это рекомендовали, хоть на время серьезных дел, и древние иудеи, и древние греки, и многие современные «физиологические учения».

Действительно, если в мозгу есть активный очаг возбуждения, то если перекрыть ему возможность «прямого разрешения желания» и одновременно возбудить другой очаг, то «пятно» сильного возбуждения частично «переползет» на него. Это с точки зрения физиологии.

С точки зрения упрощенной энергетике – энергия человека, вся, имеет общий, универсальный характер – и ищет выхода, где может. Как бы – запруживаем реку плотиной и с высоты накопившегося водохранилища отводим воду каналами для орошения полей. И вместо того чтобы «бесполезно» течь прямо вниз-дальше, вода «совершает полезную работу».

Следует ли из этого, что энергия любой «культурной» деятельности человека – это сублимированная сексуальная энергия?

Вот тренеры и массажисты вечером накануне ответственного матча поголовно удовлетворяют женскую баскетбольную команду – такие вещи не рекламируются. Оттраханная команда играет лучше! Нет, не все и не всегда, это достаточно индивидуально – но вполне часто. Потому что слишком сильный очаг возбуждения может «не хотеть» переползть с сексуального центра в «игральный», а наоборот – тянет на себя часть возбуждения с «игрального». Ослабить его надобно.

А вот менеджер накануне матча боксеров провожает своего питомца в бордель и следит в щель, поганец, чтоб – кончил он только один раз! Точно тот же случай – ослабить сексуальное возбуждение, снять излишек сексуальной энергии. Иначе фиг тебе пройдет «сублимация».

Кому не знакомо чувство огромного подъема сил после хорошего акта с подходящим партнером. Усталости – на четверть часа, а подъема – на целый день. Индивидуально? Отчасти. Но – сублимация не получается...

Двадцатилетнего солдата можно уматывать так, что у него неделями не будет эрекции даже по утрам. Откуда и идут вечные солдатские слухи о «нестоине», который подсыпают в компот, и т. п. Сублимация? Эдак можно и импотенцию узников Бухенвальда объявить сублимацией, знаете. Здесь вечный дефицит общей энергии от недосыпа, недокорма (несбалансированное питание, «пустые» калории) и физических перегрузок. Вся энергия с трудом покрывает потребности по жизнеобеспечению индивида. В условиях дефицита энергии вся она идет в первую очередь на простое выживание, энергия-то берется из еды-питья-воздуха, плюс отдых необходим для нормального снабжения клеток питанием и кислородом и для выведения шлаков. Никакая сексуальная энергия здесь на марш-броски и наряды не перекачивается – энергия просто перестает поступать в сексуальные центры! Ведь сексуальная энергия – это не какая-то данность, не какая-то постоянная величина, это часть энергии организма, а энергия эта должна постоянно возобновляться! Здесь мы имеем не сублимацию того, что есть, – мы имеем простое отсутствие. Мы не откачиваем энергию из, условно говоря, секс-центра – мы перекрываем входы для энергии в секс-центр, и туда ни фигу не поступает. Не мозг сам по себе источник энергии, но питание для мозга.

§3. Секс и творчество. В сущности, любая человеческая деятельность носит творческий, «разумно-изобретательный» характер – и чем эта деятельность «более творческая», тем

творец более могуче-похотлив. Есть такая милая закономерность, замеченная давно. То есть не всякий половой гигант – гений, но среди гениев очень велик процент половых гигантов.

В дневниках Добролюбова есть примечательнейшее место – молодой интеллигентный мужчина, гуманитар, литератор, моралист, сидит дома и читает изящное и высокоэстетичное сочинение про высокие и отвлеченные материи. Худ, питается плохо, чахла. Был бы аскет, но скудные гроши носит в дешевый публичный дом – очень хочется. Да, так читает он, эстетически наслаждается и умиляется, увлечен, захвачен. «И вдруг, – пишет он, – у меня произошла эрекция. Вот и говорите после этого об идеальности эстетических переживаний и о том, что высокому искусству чуждо половое чувство».

Великий физик Ландау не пропускал ни одной юбки и набирал сотрудниц исключительно по принципу сексуальной привлекательности, справедливо полагая, что по сравнению с ним в физике они все равно мелкие тупицы. Не менее великий физик Оппенгеймер норовил совокупиться с любым женским существом в пределах досягаемости.

Тургенев зашел в гости к Дюма и обнаружил его катающим очередной роман, в то время как на коленях у него шалит полуобнаженная блондинка. «Александр, а она, гм, не мешает тебе работать? – Отнюдь, – жизнерадостно отвечал Дюма, – если бы на втором колене у меня сидела вторая такая же, я бы работал в два раза быстрее».

Распутство поэтов, художников, музыкантов – тема неисчерпаемая. Пушкин и Некрасов, Толстой и Достоевский, Бунин и Блок – это в великой-то и считающейся целомудренной русской литературе. Что ж говорить о да Винчи, Рембо и прочих Пикассо.

Творец – человек с повышенной нервной энергетикой, он работает на сильнейшем перевозбуждении, и очаг этого перевозбуждения «плавает» по коре мозга. А по силе это возбуждение соизмеримо с сексуальным, по абсолютной величине они близки. И ощущения такой же силы, как он получает в творчестве – он жаждет вообще, во всем, и в сексе в первую очередь – наслаждение, экстаз, эйфория. Здесь в мозгу происходят сходные химические процессы, гуляют те же элементы в тех же концентрациях.

Творчество и секс, если брать на уровне ощущений и физиологии мозга – это своего рода наркомания. Ты возбуждаешься на одном – и переезжаешь на другое с той же силой.

А кроме того, секс – это наилучший способ снятия нервной перевозбуждения после творчества, что с кокетливой мужской прямоотой справедливо отметил Хемингуэй. Ты перетягиваешь очаг возбуждения на другое место, и там его сбрасываешь и гасишь.

Пишешь картину – и вдруг хочется бабу. Лежишь с бабой – и вдруг осеняет идея, и вскакиваешь писать картину. А творчество – это акт не волевой, а интуитивный, а интуиция требует некоторой расслабленности, ты отдаешься на волю своих чувств, и если чувство хочет бабу, а ты ему фигу вместо бабы, то можно, конечно, заставить себя перестать о ней думать и «сублимировать», но чаще – организм говорит тебе: «Твори, падла, сам, а я хочу бабу, ну ужасно хочу, дай, не могу о другом думать». Дает. Кувыркается. Работает.

Что такое «богема» с ее распутством? Это образ жизни художников – только без их творчества. Внешние-то детали прихлебатели секли отлично, и очень их это устраивало, они вообще образ жизни художника и считали сутью. А что делать – таланта нет, а жизни художнической хочется.

Аскеты и одиночки, «сублиматоры» типа Микельанджело и Ван-Гога – те немногие исключения, которые вечно подтверждают общее правило.

§4. Сексуальность великих. Великий и премудрый царь Соломон был отменно женолюбив – три сотни жен имел, и без счета наложниц. И это с таким-то расходом сексуальной энергии – отлично соображал и славно управлял государством – именно при нем достиг Израиль расцвета и могущества.

Величие Цезаря покруче будет – встал во главе полумира. В зените своего могущества, будучи человеком уже весьма зрелым, мог, диктуя государственные распоряжения на

несколько секретарей одновременно, прерваться на четверть часа и удалиться в одну из ниш, отделенных от зала занавеской. Там всегда были наготове несколько мальчиков и девочек – на случай того, чего именно захочется императору в этот момент. Через четверть часа император возвращался удовлетворенный – и продолжал диктовать с того самого места, на котором остановился. А Цезарь, нельзя не заметить, заложил законодательные и исполнительные основы Римской Империи, с которыми она просуществовала еще пять веков – именно этим он, «Отец отечества», был славен в римской истории, а не своими военными победами, которых Рим имел без счета, было много побед куда круче и важнее цезаревских.

Очень похоже, что именно из подражания Цезарю устраивал сходным образом свои сексуальные дела две тысячи лет спустя честолюбивейший из смертных – Наполеон. Блеск его славы и величия обеспечивал ему обожествленное поклонение толп красавиц, почитавших за счастье близость с императором на любых условиях. В походной палатке, пища за складным столиком очередной приказ или декрет, он мельком бросал взгляд на впущенную поклонницу и делал пером жест через плечо в сторону койки: она могла раздеваться и ложиться. Наполеон дописывал до точки, вставал и «овладевал ею, лишь опустив лосины и не снимая ботфорт». После чего вставал, поправлял одежду и возвращался к столику, продолжая писать. Дама была свободна.

Иван Грозный фактически создал Россию как империю, воюя татар, шведов, поляков и присоединяя к себе все что ни попадя, до чего длань царская достигала. Его кошмарные оргии тщательно и стыдливо умалчиваются почти всеми историками – буен и невоздержан был царь во всем, перепортил девиц и опозорил честных жен великое множество. Полагая себя полновластным хозяином державы со всеми ее потрохами, желал обладать и всеми женщинами, которые могли ему понравиться – и, бывало, при проезде царского эскорта через селение жители получали приказ: «Бабам молодым и девкам стоять всем у окон, заголив и выставив срамные места».

Екатерина Великая с немецкой рациональностью пропускала кандидатов в любовники через «проб-даму»: каковы-то красавцы в постели? Не сдавшие «экзамен» до монаршего алькова не доходили. И сдавших хватало. До последних дней жизни вела престарелая императрица «активную сексуальную жизнь», как выразились бы сейчас. Что нисколько не мешало ей в масштабных преобразованиях огромной страны.

Вышеупомянутые, как и многие другие великие деятели в истории, имели столько актов, сколько им хотелось, безо всяких ограничений. А дел наворотили – будьте-нате. Так как там насчет «сублимации»? Ерунда. Огромная энергия являет себя во всем. А поскольку человек – создание биологическое, и энергия индивида в основе имеет биологический характер, то совершенно естественно: чем мощнее энергия – тем мощнее ее прямое биологическое проявление.

Интеллект и честолюбие зависят от условий формирования человека, от наложения внешней среды, «фенотипа», – но «генотип» задан с рождением, и в сексуальной мощи являет себя «автоматически». Импотент не может быть великим человеком – не потому, что у него плохо с эрекцией, но потому, что его проблемы с эрекцией – следствие общей вялости, общего недостатка энергии. (Случаи импотенции как явной болезни, которая может быть излечена медицински, без изменения общего уровня активности организма, сюда, разумеется, не входят.) Недаром едва ли не у всех народов на первобытном уровне развития общества вождь мог стать только тот, кто был сексуально мощен, а когда его половая сила ослабевала – подлежал замене. Насколько он мудр и хороший организатор – в обычных условиях судить бывает трудно, но в основе всего – энергия, а ее сексуальный уровень – как манометр, измеряющий по отдельному выходу общее давление.

Все ведь так просто. Если центральная нервная система способна к сильному возбуждению, а общее состояние организма позволяет возникать этому возбуждению – и позволяет реа-

лизовать его в действиях, вывести его с уровня ощущений на уровень физических проявлений – этот человек potentен в широком смысле слова, он годен и способен на многое.

Высокопотентный свинопас в сельской глуши не может стать великим человеком, потому что его энергия в период формирования личности, в детстве, не получила должного оформления – умственного развития и волевой закалки. Но уж драть он будет подряд своих свиней, если баб не хватит, этому учиться не надо. То есть – мы имеем годный материал, испорченный плохим раскроем, а качество-то ткани отличное.

Григорий Распутин – выдающийся пример того, как человек малограмотный и отсталый может подняться к управлению большим и сложным государством вопреки законам и, казалось бы, логике – через энергию свою, при этом половая его феноменальная энергия быстро стала притчей во языцех. Такой вот исключительный прорыв. Ну о-очень сильно он всегда хотел и сильно мог.

Поэтому отчаянно блудили Генрих IV и Луи XIV, Геббельс и Берия, Кеннеди и Онассис.

Гм. А вот титан товарищ Сталин в быту был весьма скромн и умерен и, кроме мало-счастливого, но вполне целомудренного брака, ни в каких амурных похождениях не замечен. Как же с сексуальной мощью? И с подавлением либидо? Да, но дело в том, что у нас есть достоверные сведения об аскетизме товарища Сталина, но нет и не может быть никаких сведений об онанизме товарища Сталина. Возможно, он был половой гигант, но любил только сам себя – этого мы уже никогда не узнаем. А организму, в общем, все равно, истощается он неумеренными половыми актами или неумеренным онанизмом – идет один, в общем, и тот же сброс энергии через сексуальный канал.

Так что примеры Черчилля, Фридриха II и Авраама Линкольна ничего не доказывают. А скорее доказывают нашу точку зрения, и вот каким образом.

§5. Гиперсексуальность. Обычно так называется высокий сексуальный уровень юношей в 18—24 года. Придуманно это понятие людьми зрелого возраста, и носит какой-то завистливый и ханжеский оттенок. По ощущению самих молодых людей, их сексуальность нормальна и естественна. И постоянная способность к нескольким бурным половым актам ежедневно ими отнюдь не воспринимается как «гипер» – наоборот, скрипуче рекомендуемая разными учебниками «норма» в 1—2 акта в неделю – с удивлением и насмешливым превосходством расценивается молодостью как убогая малосильность на грани полной импотенции. Еще одна иллюстрация того, что все относительно...

Просто у молодости вообще очень высокий уровень энергии, такие силы распирают, что мир можно перевернуть. Она все схватывает на лету, быстро думает, быстро действует, выдает идеи, бросается в авантюрные прожекты, остро чувствует и бурно переживает – сексуальная энергетика лишь находится в соответствии с энергетикой вообще.

И при этом в знакомстве с противоположным полом молодость часто скована, зажата, стеснительна и застенчива. Юноша так обуреваем страстью, для него это имеет такое значение, что он волнуется, дергается, заикается. Да на свете масса неудовлетворенных женщин, которые мечтают о горячем неутомимом любовнике – и одновременно масса этих любовников, которым «что-то внутри» мешает прямым ходом укладывать этих вождедеющих дам в постель.

Юноши повзрослеют, поостынут, успокоятся, сделаются развязнее и равнодушнее – и начнут преуспевать на полях Венеры больше, при том, что мочь уже будут меньше.

Если ты хочешь чего-то слишком сильно – это только мешает тебе добиваться этого в натуре. перевозбуждение приводит тебя в состояние некоторого аффекта, ты неадекватно оцениваешь ситуацию, и не в состоянии совершать адекватные поступки, с наибольшей вероятностью ведущие к желаемой цели.

Так в известном старом анекдоте жокей последовательно раскрашивает свою лошадь во все цвета радуги, мечтая привлечь этим внимание прекрасной дамы, чтобы хоть с чего-то завязать разговор: вот она его спросит, зачем он так размалевал животное, и тут-то он ей и пред-

ложит переспать – пока, наконец, она сама не подзывает его и не предлагает переспать, интересуюсь после этого, зачем, кстати, он так раскрасил лошадь. А затем, что так сильно хотел переспать, что от волнения впал в застенчивость и не мог просто подойти и предложить это напрямую. Изрядная доля истины в этой шуточке.

Из того, что далеко и далеко не все юноши ведут нормальную регулярную половую жизнь, никак не следует, что они сублимируют сексуальную энергию в «мирное русло». По всем исследованиям и статистикам 95% юношей регулярно и усердно мастурбируют – 95% означает все здоровое и нормальное поголовье. А иначе «сперма на мозги давит» так, что ничего делать нормально невозможно, все время только о сексе и думаешь.

Внешне же такой примерный и аккуратный юноша может выглядеть, с точки зрения ученого, историка, биографа и моралиста, аскетом и пуританином: ну словно только и думает о труде, науке и добре.

Это – о юношеских делах.

И – второе, второе, второе.

Вот один из обычных вариантов:

Мужчина очень хочет женщину, она ему очень нравится, давно нравится, но все никак – и наконец ему удастся лечь с ней в постель. И тут он с изумлением обнаруживает, что у него не стоит. Как же так, почему?! Опытная женщина все поймет, опытный мужчина тоже дергаться не будет: слишком сильно и долго хотел, бывает. перевозбуждение ведет к обратному результату: словно щелкает и срабатывает некий предохранительный клапан в мозгу, и слишком высокого напряжения энергия сбрасывается и уходит.

Это сродни чувству разочарования, усталости и опустошения, когда достигаешь наконец цели, которой добивался очень страстно, долго и тяжело. Никакой радости, никакого подъема и энтузиазма – нервная реакция типа приступа истощения и упадка сил. Отдохни, отвлекись, через недельку помалу придет та радость, какой когда-то и грезилось это достижение цели.

Так и в постели: отвлекись, «поговори о природе и литературе», засни до утра и успокойся – пообвыкнув, вы будете скакать на простынях, как гибрид кролика с молотилкой.

Ибо все, что «слишком» и «через», переходит в свою противоположность; только и всего.

Гиперсексуальность может приводить к частным случаям импотенции, что давно знают сексологи. Любимую девушку в брачную ночь сделать женщиной не может – а с проститутками пожалуйста: мудрый доктор и советует научно и цинично: сходите, батенька, к бляди, все у вас в порядке, это просто сбой от волнения.

...Теперь и вернемся к тем великим людям, о повышенной сексуальности которых истории ничего не известно. Если не известно – это ведь не означает, что там ничего не было. Они могли требовать, «для общего порядка», жесткого соблюдения морали и порядочности от подданных, как Октавиан Август или Фридрих Великий. И считали необходимым служить примером для остальных. И страсть их никак не выставлялась напоказ.

Именно гиперсексуальность, перехлестывая меру ощущений, и могла им мешать вести «нормально-очень-активную» сексуальную жизнь.

Ведь:

Верный признак влюбленности: «он» на «нее» старается не смотреть и делает вид, что не обращает внимания. (Ох и нравится она ему! так нравится, что он боится показаться ей слишком доступным, слишком на все готовым, ведь тогда ей неинтересно будет, а кроме того, она ему кажется уж такой желанной, такой привлекательной, что он делается не уверен, что сможет ее добиться, а в таком случае гордость и самолюбие велят не показывать вида, что она для него много значит. И все это только от волнения, от избытка желания. А в результате ее подклеивает развязный пошляк, которому она до фени, она ведь обыкновенная женщина, и он с ней спит и ею пренебрегает, а наш страдалец не спит ночи и выглядит аскетом, равнодушным к женщинам.)

Ведь:

Верный признак сильного сексуального воздействия женщины на мужчину: «он» старается никак не показывать, что у него аж глазки застилают при виде ее. Он с равнодушием пропускает мимо себя ее кокетство. Он не только не стремится коснуться ее, но и тогда, когда она, испытывая свои чары и шая, касается его, никак не реагирует на ее прикосновения, ну словно вовсе равнодушен. И тут же может гладить по волосам или шлепнуть по попке особу, не вызывающую у него никаких чувств: ему несложно на публике изображать невинные ласки с той, которая его никак не волнует. Гм... А много времени спустя часто оказывается, что он действительно нравился той, которая нравилась ему, а она, бедолага, была уведена, что он к ней так равнодушен. А его просто слишком сильно трясло от ее вида и касаний.

Максимумом сексуальной энергии наделен не только тот, кто пашет все, что шевелится, – но часто и тот, кто выглядит умеренным и добропорядочным, а сам в истощающих одиночных оргиях обладает всеми в мире гаремами, сералями, гинекеями и женскими банями.

Бесстрастные люди не могут совершать великие дела, ибо на хрена им великие дела с их потом, риском и муками, если и без них можно устроиться благополучно. Страсть – это высокая степень желания – это сильное возбуждение центральной нервной системы – это энергия требует выхода, реализации, приложения.

А возбуждение не может всегда возникать в одних очагах мозга и никогда не возникать в других. Оно «плавает» по коре полушарий, и сексуальный центр «проплывает» регулярно. Или что, сексуальный центр в мозгу можно новокаином обколоть, чтоб не беспокоил?

Сексуальность великих могла проявляться внешне, и могла не проявляться внешне, но не могла быть незначительной. Как равнодушием прикрывают волнение и заинтересованность – так подчеркнутой умеренностью и добропорядочностью прикрывают клочкотание страстей.

Известен аскетизм неподкупного Робеспьера. Но лишь дочь столяра, в доме которого он жил, знала, что выделявал и на что был способен всемогущий председатель Якобинского клуба! Так в конце концов он сделал своим любовником еще юного красавца Сен-Жюста, назначенного как бы боссом их КГБ.

§6. Асексуальность. А как же насчет великих стариков, которых возраст избавил от любовного пыла, а дела они воротили? Господа, старики просто слишком поздно добрались до вершины, к которой лезли всю жизнь. Ничего великого в старости они уже не совершили. В лучшем случае – на них работал имеющийся государственный (или иной, промышленный и т. п.) механизм, и в лучшем случае они реализовывали идеи своей молодости...

Все великие дела совершались людьми в цвете всех сил. Назовите человека, который великое творил в старости. Долго-долго будете рыться в памяти и в книгах.

Да и продолжительность активного возраста у людей разная. Чарли Чаплин, известный трахальщик, в 52 года женился на 18-летней Уне О'Нил и, прожив хорошо за 80, еще наделал кучу детей. Иной и после 60 способен устроить молодой женщине хорошую ночь.

А как же с советами старейшин и т. п.? Не только у спартанцев, но и у многих народов было принято вручать именно старикам изрядную власть. – От спартанского правления требовалось одно – всеми силами и мерами сохранять в неприкосновенности законы Ликурга, воздерживаясь от любых нововведений. Старик – он всегда консерватор, он всячески склонен сохранять то, что уже есть. Великие люди, всегда новаторы, взломщики имеющихся порядков и положений, отчаянно лаялись со старейшинами, норотившими их укоротить.

Старость обрастает связями, забирается за всю жизнь вверх по социальной лестнице, нарабатывает уважительную репутацию, набирает опыт, имеет знания, знакома с прецедентами. Старик хорош как судья, учитель, консультант. Он может возглавлять отлаженную структуру, которая чем лучше собрана и отлажена, тем менее нуждается в управлении – смотри себе сверху, чтоб все шестеренки работали и смазывались. Поэтому Брежнев мог быть начальником огромного, великого, страшного СССР, даже «не приходя в сознание» – пирамида власти

функционировала себе потихоньку без всякого руководства, все было и так расписано, главное – ничего не менять.

Не потому старик дел великих не воротит, что импотент, а потому импотент, что органон вообще увял и силов нема ни физических, ни духовных – не тот обмен веществ, не та возбудимость нервов.

Так. А евнухи, которые, бывало на Среднем Востоке, правили государствами?

Здесь такая вещь. Холостят барашка или борова. Что получается? Тело нагуливает быстрее, толстеет, жиреет. Холостят коня – мерин тоже упитаннее выглядит, он спокойнее, в хозяйстве работает лучше. Почему? Грубо говоря, от его биологической энергии отсекали фактор размножения. А особь оставили. Органы еще молодые, нервные клетки неизношены, ресурс самовозобновления клеток еще велик. А обмен веществ резко изменился, гормональная система искажена. Теперь энергия уже пускается только на сохранение индивида. Пускай он будет покрупнее, помясистее, пожирнее – его «личный» энергетический запас собирается и копится активнее, поддерживается на более высоком уровне.

Жирный тонкоголосый евнух – может быть хитер, коварен, жаден, но энергетика его подрублена непоправимо. Он может стать фактическим правителем – только если стоял «по службе» очень высоко к самому верху: был, скажем, начальником гарема и доверенным лицом султана. Чтоб вместе с парой друзей-евнухов удавить султана шнурком, а нескольких военачальников подкупить парой сундуков с золотом, много энергии не надо. Евнух может наслаждаться властью, захватив ее в каком-то готовом виде – а вот чтоб он совершил что-то заслуживающее внимания в мире – таких случаев не известно.

Импотент может быть богатым ростовщиком, если закон на его стороне и армия с полицией его защищают. А вот разбойничком, с ножичком и кистенем, на большой дороге состояние себе сколотить – это он уже не может. Он может быть значителен «по закону», а «по жизни», сам по себе в голом виде – нет-с, слаб.

Чиновником – может, рэкетиром – нет.

§7. Кастрация. Для любого нормального мужчины ужасна одна мысль о ней – даже если он обречен на пожизненное одиночное заключение, и с гарантией ему никогда уже не будет ни женщин, ни детей. Пообещай такому «условному зеку» в темнице – дать свободу, денег, ну любых благ, но – при условии кастрации: похолодеет несчастный от такого выбора, ох, а нельзя ли лучше ноги отрубить...

Особь лишается возможности иметь потомство. Заведомо убиваются все твои дети, внуки и правнуки. На биологическом уровне твое существование на земле лишается цели и смысла, ты в таком виде в природе уже как бы не существуешь. Тебе режут инстинкт сохранения вида – который в общем сильнее инстинкта сохранения индивидуума, т. е. инстинкта самосохранения. Сильнее понятно в каком смысле. Перефразируя Помпея, «оставлять потомство необходимо, жить самому не так уж необходимо».

Человек может не собираться иметь детей (тем более если уже имеет), и даже согласен дать обет целомудрия. Но инстинкт-то все равно остается при нем, куда ж он денется. И для его биологической сущности – это самое кошмарное, что может быть.

Трепетное отношение человека к своим гениталиям служит неисчерпаемой темой для шуток и анекдотов. Как бы и тема скабрзная, и органы неприличны для обсуждения, и служат только для личного наслаждения.

На самом деле любому ясно, что ничего смешного тут нет, да? Страх кастрации – это вариант страха смерти. Но если есть культ смерти и этика умирания – для воина, храбреца, христианина, философа и т. д., если смерть – это, как ни крути, дело житейское, естественное, ее никому не избежать, и жертвовать жизнью во имя того, что тебе дороже жизни – дело обычное, то, то, то кастрация – это категорически неестественно, необычно, ненормально, противоестественно. Ведь это как бы вырезают все твое многочисленное потомство – поголовно, до

скончания веков, со всеми их жизнями, свершениями, бедами и радостями. Но в подобных выражениях эту мысль не формулируешь, а просто холодеешь и с невероятной энергией стараешься избежать такого несчастья любой ценой.

Инстинктивный страх кастрации – это страх за уничтожение всего рода человеческого, здесь вопит не инстинкт самосохранения особи, но инстинкт самосохранения всего вида. (Ведь даже если останется всего одна пара людей на свете, как было с Адамом и Евой, даже потомство только одного человека, как было с Ноем, то человечество не погибло, существует, продолжает жить, все еще поправимо.) И каждый, каждый, каждый инстинктивно отвечает за существование всего человечества, каждый инстинктивно воплощает в себе будущее всего человечества.

§8. Продолжительность жизни сексуальной и биологической. В конце прошлого века возобладали теории, согласно которым мужчина был способен совершить в течение жизни определенное и ограниченное число половых актов – назывались цифры от 3 до 8 тысяч. Из этого следовали рекомендации беречь свою мужскую силу, а то израсходуется.

В середине этого века построили другую теорию: темперамент – вещь индивидуальная, поэтому ранняя и очень активная половая жизнь не ведет к половому истощению – напротив: кто рано начал и часто продолжает – тот сексуально более энергичен от природы, и закончит свою половую жизнь в возрасте более позднем, чем умеренный – умеренный потому и умерен, что менее энергичен, потому и начал позже, и продолжает реже.

А кроме того, постоянное упражнение развивает органы и поддерживает их в активной форме, такие «рабочие» органы будут функционировать дольше. Как бы – трахайтесь на здоровье, чем больше – тем и далее сможешь больше и дольше.

К концу XX века подспела еще одна теория (основанная все больше на опытах с мышами и морскими свинками, но вполне обоснованная теоретически): в воздержании особи живут дольше, поэтому для долголетия полезно сводить секс до возможного минимума.

Ученые – отличные и добросовестные ребята, и все у них здорово, но наряду с достоинствами имеется и недостаток: они углубляются в узкий вопрос и перестают видеть его связи с остальной жизнью.

С одной стороны: постоянный сброс семенной жидкости вынуждает и стимулирует половые органы вырабатывать вновь и вновь соответствующие клетки взамен покинувших организм. Этот ресурс возобновления не безграничен, организм «считает» свой биологический возраст по количеству возобновлений: совокупился, скажем, 9642 раза – и баста, организм решает: так, мой половой век прожит, моя функция на Земле выполнена, завязываем. В этом смысле старая теория права.

С другой стороны: без постоянного использования органы слабеют и частично атрофируются, тут организм «рассуждает» так: раз они не работают, так не больно и нужны, нечего зря на них энергию расходовать. Не упражняешь мышцы – хиреют мышцы и тают. Не упражняешь половой аппарат – мозговой центр не возбуждается, регулярный приток крови не происходит, запирающие мышцы не напрягаются, питание соответствующих клеток происходит слабее, половая функция ослабевает раньше. Вроде, ресурс возобновления половых клеток и близко не выработан, по этому показателю организм должен считать себя еще молодым и жить дальше и дальше. Но организм «судит» о своем возрасте еще и по состоянию активности своего полового аппарата. А он без постоянной тренировки ослаб и угас раньше. Ага – ослаб? угас? – значит, мы с тобой уже старики, давай стареть и готовиться к смерти.

Половая гиперактивность может вести к половому истощению и раннему старению, преждевременной смерти. Половое воздержание ведет – «с другой стороны» – также к преждевременному угасанию половой сферы и смерти раньше возможного предела. Ку-ку. (Не говоря о неврозах как следствии воздержания, а неврозы всегда «расшатывают» функции организма и укорачивают его век.)

А как же целомудренные отшельники, живущие в воздержании святые старцы? Верно, истощение укоротит твой век куда быстрее воздержания. Но не существует сведений, согласно которым все главные долгожители воздерживались от половой жизни. Все эти ветхие и славные столетние старички и старушки в свой срок делали свое дело и рожали детей. И ни фи́га им это жизнь не укоротило.

Короче – тут аналогия очень близкая: лошадь можно заездить неумеренными нагрузками, и она быстро сдохнет, но если ей вовсе не давать нагрузок – она тоже быстро сдохнет, хотя и не так быстро. В первом случае сдохнет от истощения мышц, от отравления тканей неудаленными продуктами распада, выделяющимися при работе, – во втором случае сдохнет от ожирения, перерождения мышечных тканей в соединительные, ослабления сердечно-сосудистой деятельности, падения сопротивляемости организма.

Или: обжора и лентяй рано помрет от ожирения и гиподинамии, а чемпион мира по бегу или по штанге рано помрет от разнообразных функциональных нарушений в организме вследствие когдатошних больших и явно вредных перегрузок. А долго будет жить тот, кто умеренно питается и умеренно двигается, регулярно занимаясь физкультурой для здоровья. Просто, банально, очевидно.

После всех великих научных открытий сексологов мы с изумлением приходим к древним рецептам: вот те самые с древности рекомендуемые 1—2 акта в неделю и есть оптимальный ритм с точки зрения продолжительности как половой жизни, так и жизни вообще. Это ритм той самой оздоровительной физкультуры в отличие от губительности рекордных перегрузок, когда можно умереть прямо на помосте (на дистанции), и в отличие от полного безделья с грядущим кондратием и захирением.

Так, но это все про шовинистов-мужчин, а что же про женщин, у которых половая жизнь с потерей и возобновлением клеток не связана?

Интермедия и интерлюдия. Наука давно ломает голову и строит объяснения следующему явлению. Мужчина обретает способность оплодотворить женщину к 15 годам (допустим), и сохраняет ее в среднем, ну, пусть до 60 (вполне бывает и дольше, и много дольше). А живет в среднем, возьмем на сейчас, 70 лет (бабушки, сегодня в России и до 65 не дотягивает, и даже еще меньше, – но, предположим, это мужчина, которому в нашем случае созданы хорошие условия для жизни, извержения вулкана не считаются). 45 лет из 70 он годится в дело – 0,65 примерно от всей жизни, $2/3$ то есть. А возраст плодородия женщины – ну, 13—48, лет 35—37, и это из 75 лет всей жизни, – $1/2$ жизни женщина есть женщина. В чем дело, почему несправедливость? Конечно, рожать – это тебе не оплодотворить, это нагрузка огромная. И – однако, однако, однако... В животном мире не так!!! В животном мире половозрелая особь всю свою взрослую жизнь именно половозрелая – рождает до конца, а с угасанием материнской функции угасают и все прочие: не можешь больше размножаться – не нужна больше природе. Такие дела.

М-да...

Это еще раз подтверждает, что: 1. Чем сложнее существо, тем меньшая часть его общей энергии реализуется как энергия размножения (см. 1). 2. Биологически женщина с ее материнством сложнее мужчины (с чем никто никогда, вроде, и не спорил). 3. Избыточная сверх половой энергетика человека сказывается у женщины в том, что и по завершении материнской функции она еще долго функционирует неплохо во всех прочих отношениях. 4. Рождение человека – акт настолько энергетически значительный, что, в отличие от прочих животных, способен только в расцвете всех возможностей организма. 5. Избыточная сверх половой энергетика человека сказывается у мужчины в том, что он ведет половую жизнь как бы «между прочим», не отрываясь от совершения всяких больших дел внебиологическим путем.

То есть. Половая энергия человека гораздо выше, чем у любого животного: он способен к акту круглый год в любое время суток без всяких ограничений, это тебе не весенний гон раз

в году и не течка пять раз в году. Половая энергия человека вообще выше необходимой: самка уже беременна, а самца не только подпускает, но даже и зовет часто до последних недель. Мужчина вообще энергичнее женщины, больше переделывает мир, раньше снашивается и умирает – а половая функция его от функции животного самца практически не отличается: он только сдает женскому организму мужскую зародышевую клетку. Но период внутриутробного развития сверх-энергичного существа – человека – требует от женщины столь высокого энергетического потенциала, что всю жизнь она выдать такой уровень энергопреобразования не может. Слониха родить слоненка может, а женщина человека – уже нет. Старость. А жить можно.

Условно говоря – как будто энергию размножения всей жизни слонихи собрали в одну половину жизни и тем самым удвоили по величине – и только тогда слониха обрела возможность родить качественно более энергичного, на порядок более энергичного ребенка – избыток энергии которого образует разум и несет в себе переделку мира.

И уровень этой энергетики таков, что когда она снижается ниже уровня возможности размножения – это одновременно ниже уровня жизни индивида, ниже уровня жизни особи. А у человека уровень энергии высок настолько, что когда она снижается ниже уровня размножения – на жизнь особи ее еще долго хватает.

Потому что это только внешне, только биологически эмбрион человека похож на эмбрион рыбы, свиньи и т. д. на разных стадиях своего развития. Но передать ему человеческий энергетический сверх-заряд, вырастить в нем этот сверх-заряд – для этого потребен качественно более высокий уровень энергетики материнского организма.

Как это определить на уровне клеток, на уровне их электропотенциалов, на уровне снабжения зародыша питанием и минеральными элементами – этого сегодня наука не знает, не умеет, не в курсе дела. Но в принципе дело обстоит именно так, закономерность соотношений чадородной и бесплодной частей жизни человека объясняется именно таким образом.

Однако вернемся к продолжительности сексуальной и биологической жизни женщины. Считается известным, что проститутки стареют раньше женщин порядочных, в том числе раньше монашек. Раньше это часто приписывали сверх-активному образу половой жизни.

Однако прославленная и блистательная Нинон де Ланкло вела жизнь уж куда более разгульную – однако и за пятьдесят прелыщала красотой мужской стар и млад. Э? Если много и постоянно выпивать и вообще вести беспорядочный и нездоровый образ жизни – состаришься раньше времени без всякой проституции.

Благотворная роль беременности и родов для женского организма медицине ясна и споров не вызывает. Клетки обновляются, организм имеет себя лучше. Это так считается. А если рожать каждый год? Тогда в сорок лет будет дряблая старуха. Изношен органон, да; он, по мнению природы, свое на земле уже нарожал.

«Биологический возраст» сорокалетних женщин – нерожавшей, дважды рожавшей и двенадцать раз рожавшей – разный.

Что такое рак шейки матки у проституток, а у них процент заболевания этого выше, чем у прочих женщин – и стопроцентное отсутствие его у монашек, не живущих половой жизнью? Это ткани соответствующего места у проститутки выработали свой ресурс «ремонта»: было много микрповреждений и их нормальных самозаживлений. Защитный механизм сообщает: э, уже сто ремонтов и семь капитальных, мы уже старые, с дефективными клетками бороться больше не можем, мы свое уже прожили – и примивные клетки, более активные и агрессивные, чем нормальные и здоровые, идут в рост и дают все кругом.

Слишком большая работа уже произведена этим местом. Слишком много энергии – энергии вообще, а в частном случае она тут носит и механический, и психический, и биохимический характер, и прочие аспекты найдутся – слишком много энергии уже преобразовано через это место. Жизненный цикл выработан, и запас его превышен. Ведь рак – это в основном

болезнь износа, в ремонтном бюро кончились клетки-запчасти, а иммунная система израсходовала определители «свой-чужой» и на исходе у нее уничтожители «чужих» клеток.

Монашка скудно ест, ведет абсолютно регулярную жизнь (кроме половой, которой вовсе не ведет), работает в садике-огорожке, и у нее все условия жить долго. Правда, у нее часто невроз от воздержания, но она молится, постится, это отвлекает и помогает.

А главные долгожительницы все-таки не монашки. Хотя и не проститутки. А нормальные женщины.

Благотворное влияние спермы на женский организм также общеизвестно. Белки, гормоны, питание и обмен веществ – масса благ.

(История «не для детских энциклопедий» утверждает, что секрет несравненной и неувядавшей красоты легендарной египетской царицы Нефертити состоял в следующем. Насладившись на завтрак вкусом изысканной трапезы, она после десерта извергала ее в поданный служанками золотой тазик – после чего на пустой, но подготовленный и освобожденный от растворяющих кислот желудочного сока желудок выпивала чашу спермы пятнадцатилетних мальчиков, штат которых специально для этого содержали. Мальчики были девственны, жили в строжайшем воздержании и питались «экологически чистой пищей», состоявшей из фруктов, дичи, настоек целебных трав и кореньев и ключевой воды. Не лишено.)

...Получается, что для мужчин, что для женщин – одинаково; все хорошо в меру. Сдержанно. Без излишеств. Выходит польза для здоровья и долголетия. Ах: ничего принципиально нового наша хваленая ультрасовременная медицина не открывает.

§9. Запах. У всех животных запах половых выделений самки является приманивающим и возбуждающим самца. Только не у человека.

Там, где культура секса была утончена и изощрена, как в древней Индии или Римской Империи, для женских половых органов перед любовным актом употреблялись благовонные «дезодоранты» на основе запахов мускуса, жасмина, розы или бергамота. В крайне редких случаях, что является индивидуальной спецификой обмена веществ, половые органы женщины могут так пахнуть «естественным образом». Но везде и всегда гигиена, если она на этот счет вообще существовала, справедливо предписывала тщательное подмывание перед тем, как.

После подмывания запах может быть нейтрален, и может быть в той или иной степени неприятен, вплоть до отвращающего мужчину и лишаящего его эрекции. Без подмывания запах неприятен практически всегда, порой просто непереносим. В таких случаях мужчина проводит половой акт, стараясь держать нос как можно дальше от половых органов женщины, предпочитая «абстрагироваться» от него и не думать, как бы его и нет вообще.

Почему, собственно? Зрение, осязание, слух (при разговорах на тему) работают на возбуждение и привлечение, а запах – первейший возбудитель в животном мире – работает скорее на отвращение и отталкивание, или, в хорошем случае, отнюдь не отвращает, но и не привлекает явно, а так, нейтрален (повторим, природное благовоние крайне редко, но и оно само по себе никак не стимулирует мужскую активность).

Предположение, что привлекательность запахов женских выделений для мужчины и есть индивидуальная избирательность и индивидуальная привлекательность разнополых особей, приходится отбросить ввиду явной его несостоятельности, это не получается. Во-первых, гинекологи и донжуаны подтвердят, что такой редкий приятный запах не субъективен, а объективен: не встречается такого, чтоб одному благоухало, а десяти воняло – если воняет, так уж для каждого, и если благоухает – тоже. Во-вторых, мужчина может очень хотеть женщину и возбуждаться ею, но запах выделений для него не более чем нейтрален – а может она ему нравиться весьма мало, но запах в том редком привлекательном случае скорее приятен, однако в их отношениях ничего не решает; и, стремясь видеть тело женщины, осязать его, говорить о нем, даже стремясь обонять запах ее кожи, волос, дыхания и даже пота подмышками, он совершенно не стремится обонять запах половых выделений.

Феномен «полового запаха» еще раз подтверждает избыточную энергетику человека и понятен только с этой точки зрения.

Во-первых, человек – это единственное «сверх-энергичное» животное, которое всегда переделывает окружающий мир, настолько оно «сверх-заряжено» энергией. А самый волнующий, сильный и привлекательный аромат всегда находится на грани благовония и зловония, что отлично известно парфюмерам, создателям запахов. В человеческом случае запах «избыточно привлекателен», в него «переложено» возбуждающей приманки, словно парфюмер «перестарался» с благовонием и свалился за грань зловония. В этом запахе «слишком много» того заряда, который в более слабом виде дал бы приятный букет. Это можно сравнить с тем, как слишком энергичный массажист переломал бы клиенту ребра и хребет. Или слишком обильная трапеза убила бы посредством заворота кишок. Словом, пущенная в запах энергия перешла меру.

Во-вторых, человек совершает акт не благодаря запаху, но скорее вопреки ему. Запах не подстегивает половую энергию – напротив, является препятствием. И для того, чтобы все-таки совершить акт, половая энергия должна быть «с запасом», выше необходимой. Вот животные – бегают и нюхают друг у друга под хвостом, и очень от этого возбуждаются. Если бы люди скакали на четвереньках и нюхали друг у друга под хвостом – то, будь они животные, вообще могли бы перестать совокупляться. Животное понюхает – воспламенится – совокупится. Человек же понюхает – аж заколдобится – но все равно совокупится. Что мы имеем? Мы имеем тормоз – там где у животных «ускоритель». Чтоб совершить акт «по запаху», нужно меньше энергетики влечения, чем совершить акт «против запаха». Нужна дополнительная сила влечения, чтоб иметь «вопреки» запаху. Запах – это дополнительная «заслонка» в человеческом резервуаре с энергией, и, преодолевая эту заслонку, энергия содержится и выходит под более высоким давлением.

В-третьих, изменение функции полового запаха связано, разумеется, с прямохождением человека. Медицина знает, что от этого прямохождения вообще много бед: внутренние органы давят вниз, вместо того чтобы располагаться свободнее и вольготнее в грудной и брюшной полостях и тихо себе отвисать по направлению к груди-брюху, как оно по животной нашей анатомии первоначально и «предусмотрено». (И это лишь один из аспектов скорее отрицательных – с точки зрения биологического здоровья.) Ходить на своих двоих куда труднее, чем на своих же четырех. Это тоже свидетельство подскока энергетики человека. Этот подскок биологической энергетики существа сказался во всем (мышление, работа и т. д.) – в том числе и вот в таком подскоке энергетики запаха – и этот подскок энергетики и определил изменение его функции, о чем мы только что и говорили выше.

§10. Извращения. Не было бы никакой надобности на них останавливаться – после того как сексология и сексопатология в течение ста лет пропахали интимную жизнь человека вдоль и поперек. Если бы только до сих пор не оставалось непонятым главное – это также свидетельства и аспекты избыточной энергетики человека, и в корне своем могут быть поняты только с этой точки зрения.

1. Гомосексуализм. Те 3–5 процентов населения, у которых, к несчастью, генный сбой – органы сформированы по мужскому типу, а влечение по женскому, – можно оставить в покое: брачок-с природы.

Гомосексуализм зеков в зонах и тюрьмах тоже понимать особенно нечего: невозможность полового удовлетворения естественным путем, во-первых, и самоутверждение себя через унижение, «опускание» другого, во-вторых: тут «прилично» быть только активом, позорно – пассивом (в точности как у некоторых обезьян – господствующий самец трахает в анус подчиненного самца, дабы тот знал, кто в стае хозяин, и не вздумал бунтовать и покушаться на самок, – анальный акт этот утверждает господство актива).

А вот в чем дело с гомосексуализмом «наведенным», «благоприобретенным»? Жил себе мужчина с женщинами, имел семью и детей, и вот как-то попробовал – и понеслось. На фига?

Стопроцентный гей женщину не хочет, она ему сексуально неприятна, он называет ее брезгливо «щель» и вожделеет к мужчинам. А наш «развращенный» орел в общем бисексуален, он может и с женщиной, и с мужчиной, причем мужчины предпочтительней – он ведь к ним от женщин и пришел.

Остренького хочется. Новенького. Запретненького, невозможненького. В нормальном сексе с женщинами – привычка сложилась, острота ощущений притупилась, пресыщение некоторое наступило. А поначалу-то – ахал, обмирал, голова кружилась, не может быть. И вот возникает, слабенькая поначалу, тяга: попробовать, познать, преступить запрет, взломать табу. Въехать в еще одну сторону жизни: а что ощущает женщина, имея дело с вожделенным ей половым членом?

Хочется новых ощущений и новых действий. Познать еще не познанное и сделать еще не сделаное. Это может быть даже и несколько противно, а все-таки манит.

Из ничего может получиться только ничего. Какое-то зерно гомосексуализма сидит в каждом нормальном мужчине. Внешне это часто проявляется в детском и подростковом возрасте, когда мальчики сравнивают и исследуют половые органы друг друга, иногда совместно мастурбируют и т. п. Здесь три момента: «интересно», «возбуждает» и «познать». Но при возможности выбора между сексуальными экзерсисами с другом либо с подругой мальчик без мига колебаний предпочтет подругу: о, сила желания и ощущений тут несравнима, просто обычно возможности нет и выбор такой не стоит. Приходит время – и он нормальный гетеросексуал.

И вот этот нормальный гетеросексуал в бане или общественном туалете обязательно бросает мгновенный взгляд на члены других мужчин. Сексопсихологи обычно поучают: это он подсознательно стремится сравнить свою мужскую мощь с достоинствами других, подсознательно хочет убедиться, что у него достаточно большой и толстый член, он всегда закомплексован на неуверенности в этом. Оно бы все и так, но иногда чужой член представляется мужчине привлекательным, и на какой-то ма-аленький процент он в ощущениях своих не прочь немного иметь с ним дело. Ага.

Юный девственник, имея возможность свободного выбора между мужчиной и женщиной для половых контактов, при всех прочих равных – не просто выбирает женщину, но и сами колебания на эту тему для него невозможны, не существуют. Если гей соблазняет юношу и делает его своим любовником – он обольщает всячески, лезет в душу и уговаривает, убалтывает, представляется лучшим другом, защитником, покровителем, заваливает подарками и оказывает разные услуги. А потом часто плачет, если был сильно привязан, и жалуется на неблагодарность и коварство любовника: все принимал, сволочь, а теперь взял и женился, гаденыш подлый.

А взрослый нормальный мужчина, имея тот же свободный выбор, может предпочесть женщине мужчину. И с хромосомным набором у него все в порядке, и с потенцией, и с любовницами. И главная, принципиальная причина здесь одна: ощутить, познать, сделать – то, чего еще не было, то, что обстоит не так, как сейчас, «до того».

(Гомосексуализм среди несчастных балетных танцовщиков «не считается»). Лет с 11, как раз начало созревания, мальчики начинают делать поддержки, поднимая и нося девочек под бедра, ягодицы, низ живота – естественно, где центр тяжести. А в приличном хореографическом училище традиционно существует весьма безжалостное правило: две жалобы девочки на то, что мальчик, нося ее, касался не только как груза и балерины, но с любым намеком на что-нибудь еще – и мальчик от греха подальше отчисляется из училища. Шутите, что ли? Закрытый пансион, общее житье, а беременность ученицы – это насмарку годы труда педагогов и брак вместо выпуска юной звезды балета: и это лишь чисто прагматический аспект проблемы.

Нагрузки-то ужасные в русском балете, тот же большой спорт: отстал в тренировках – и аут. Они ж практически все бездетными остаются, приличные балерины, только средний кордебалет может позволить себе детей. И так, что делать мальчикам, которые в возрасте вспенивания браги ежедневно часами общаются с девочками, одетыми в коротенькие белые трусики, и носят их за попку, ляжки и животик – а ничего и близко не смей, а система житья довольно закрытая, казарменная? Мальчики начинают производить опыты друг с другом... и склоняться к, гм, общению с преподавателями и взрослыми танцовщиками, которые это уже давно проходили. Бедолаги.)

(Однако что бы ни говорили сегодняшние призывы «гуманистов» к полному равенству сексуальных меньшинств с сексуальным большинством – в общем то самое физическое влечение мужчины к женщине имеет своей неотъемлемой обратной стороной физическое антивлечение мужчины к мужчине: нормальный гетеросексуал может партнерствовать и приятельствовать с гомосексуалом, умом соглашаться с равноправием, но физически чувствовать брезгливость и неприятие. Генерал Шварцкопф довольно справедливо выразился: «Солдат в бою должен быть спокоен за свою спину, прикрытую товарищем, а не бояться повернуться к нему задом».)

И вот здесь миф о «порочности господствующих классов» не лишен известных оснований. Богач, красавец, плэйбой, не имеющий никаких затруднений и препятствий с женщинами, пресыщается быстрее, конечно, чем бедняк, работяга, урод, – если кому и захочется «остренького», то ему скорее, чем другим.

2. Нарциссизм и эксгибиционизм. Если человек влюблен в свое тело и балдеет, лаская себя перед зеркалом, предпочитая это нормальному сексу, – это патология. Но если он вообще себе не нравится, норовит при акте свет гасить, одеяло натягивать и полностью не раздеваться – это тоже не есть здорово и нормально.

Секс – это наслаждение на двоих, «давать» и «брать» здесь одно и то же, две стороны медали, две половины целого. Почему от возбуждения партнера увеличивается возбуждение собственное? Потому что ты больше получаешь – и одновременно это означает, что ты больше даешь. Самоутверждение, самолюбие и самолюбование, нарциссизм в дозе здесь присутствуют всегда: ты должен быть убежден, что тебе таки есть что давать. Вы составляете в акте единое целое, и ты возбуждаешься от обеих половин этого целого, от всего происходящего. Ты желаешь того, в чем участвуют два тела, и наслаждаешься тем, в чем участвуют два тела – при этом невозможно наслаждаться только одним телом и вовсе не наслаждаться другим. Наслаждаясь другим, ты одновременно наслаждаешься и самим собой. В сексе ты любишь не только другого, но и себя самого.

Вот люди часто и переживают, что они недостаточно хорошо, по их мнению, выглядят, и такое недовольство собой весьма уменьшает возбуждение и наслаждение.

В норме человек нравится себе в сексуальном отношении, его устраивает его тело, самооценка достаточно высока, он считает, что тут есть на что посмотреть и что показать. Зеркала в ванной, в спальне, на потолке – к тому же: партнеры дополнительно возбуждаются видом своих тел и происходящим.

Вопрос: нужно это животным? Ответ: а на черта им это нужно.

Человек способен наслаждаться сверх необходимого, и способен предпринимать сознательные действия для возбуждения сверх необходимого. Еще раз кстати об избыточной энергетике.

В нормальной психике и нарциссизм, и эксгибиционизм присутствуют – в сбалансированных пропорциях. Патологией они становятся только при гипертрофии – когда влечение и удовлетворение только и сводятся к тому, чтобы обнажиться и продемонстрировать себе и другим, а больше ничего не надо. Перекосило, заклинило.

Движения нудистов, все эти лиги «Долой стыд», лозунги «природной естественности» и нудистские пляжи с их смешными и наивными попытками подбить философскую базу под обнажение половых органов, потуги доказать пользу загара лобков и сосков – на деле не более чем «цивилизованная» разновидность эксгибиционизма. И вуайеризма. Ну нравится людям себя показать и других посмотреть. Интересно, приятно. Это познание: ну-ка, посмотрим между прочим, у кого там что между ног и как у каждого устроено. Это самоутверждение: пусть-ка все увидят, как привлекательно все устроено у меня. А то что ж зря жизни проходить, добру пропадать. Хочу увидеть всех!

В сущности, это как бы крайняя разновидность сексуально привлекательного женского костюма: все эти обтягивающие юбки, поднимающие бюстгалтеры, шпильки и декольте придают женщине значительности: вот я такая, меня все должны хотеть, я многое в жизни могу, как скажу – так будет сделано, я ого могу вызывать какие ощущения. Любая нормальная женщина испытывает приятные ощущения, удовлетворение собой, уверенность в себе от демонстрации своих сексуально привлекательных прелестей в тех рамках, которые на сегодня дозволены обществом.

Конечно, на нудистском пляже (как и на обычном) ощущения довольно быстро притупляются: привычка приходит, элемент новизны и взлома табу уходит. Но не вовсе ощущения притупляются, будьте спокойны. Если бы половые ощущения могли вовсе притупляться, то все гинекологи были бы импотентами, чего в природе отнюдь не происходит.

3. Вуайеризм. Если бы возбуждение от вида обнаженных, а также совокупляющихся людей было патологичным, порнография не существовала бы – или же нужно признать, что все, кто хоть сколько-то потреблял когда-либо порнографию, психически ненормальны. Тогда ненормальные могут составить большинство, судя по тиражам и доходам порнографии, а нормальным останется меньшинство, – что поставит само понятие нормы с ног на голову.

Другое дело, что для нормального человека «лучше делать это самому, чем смотреть, как это делают другие», но кто же сказал, что одно обязательно должно исключать другое?

Если человек предпочитает смотреть, вместо того чтобы делать это самому – болен, бедолага, перетащило у него все сексуальное возбуждение на зрительный центр. Но обычно вуайеристы – люди с «неудачной сексуальной судьбой» – уроды, импотенты, закомплексованные неудачники – которые смотрят за неимением большего. При возможности нормальной половой жизни они предпочитают ее.

Сексологи и проститутки хорошо знают, что порнография может дополнительно возбуждать тех, кто слабо возбуждается естественным образом. Равно как наблюдение в натуре акта или его имитации.

У животных этого нет. Если оно хочет – так хочет, а не хочет – так не хочет, и никакие наблюдения тут ничего не изменят. Только человек с его рефлексивной центральной нервной системой, богатыми ассоциативными связями и избыточной энергетикой ощущений, способен возбуждаться и наслаждаться зрелищем и только. Вот уже дряхл и бесплоден старик, импотент давно – а «в воображении» желание все равно есть, смотреть все равно хочется и приятно.

4. Групповой секс. Аналогично предыдущему пункту. Способен давать большее возбуждение и большую разрядку – через большее количество возбудителей визуального и акустического ряда. Причем все это происходит сверх необходимого и целесообразного с точки зрения естественной природы и репродуктивной функции. Человек желает и способен испытывать ощущения более сильные, чем потребно просто для жизни, для «нормального» удовлетворения и размножения.

5. Транссексуалы. Вот уж чудо нашего времени. Очаровательная девушка обнажает свои сексапильные формы, снимает трусики – а там, вместо ожидаемого, основательный член. Неподготовленного партнера это способно ввергнуть в столбняк.

Самые дорогие проститутки – именно они. И то сказать, чудо стоит дороже обычного товара, даже экстра-качественного. Опять же – спрос рождает предложение. Есть, стало быть, спрос. И изрядный.

Все познать, познать даже чудо небывалое – это первый стимул, понятный.

Второй стимул чуть сложнее и, как бы выразиться, забавнее.

Древние греки были не вовсе неправы – они вообще ни в чем не были вовсе неправы, – полагая «условным идеалом» человека не обычного, земного, однополого, а гермафродита. Не обычного, реального то есть, а как высшее создание, соединяющее в себе женское и мужское начало одновременно. (От этого очень близко до того самого древнекитайского «Инь и Янь».)

Обладая транссексуалом (разумеется, он должен казаться достаточно красивым и привлекательным), мужчина как бы обладает женщиной и мужчиной одновременно. Здесь кроме «нормального» секса присутствуют также элементы гомосексуализма. (А зернышко гомосексуализма, повторимся, есть в каждом, причем – причем – оно естественным образом связано с зернышком же нарциссизма; нормального человека сколько-то привлекает собственное тело, и стремясь – пусть чуть-чуть стремясь, на тысячную долю процента стремясь, – обладать телом партнера своего пола, он одновременно стремится как бы к своему зеркальному отражению, воплощенному в другое тело.)

Противоестественное и невозможное сочетание женского тела с мужскими гениталиями – потрясает и может привести в сильнейшее возбуждение. (Отметим, что при нормальной психике и нормальном влечении это должно быть только при изрядном пресыщении традиционным сексом: приелось, остренького надобно.)

Что мы здесь имеем? Биполярность. Совмещение женского и мужского начал в одном человеке. Повышение энергетики объекта – не с точки зрения его биологического естества, тут-то как раз падение энергии, сведение полюсов воедино, разрядка и энтропия, по жизни транссексуал – и не мужчина, и не женщина, а так, существо третьего пола, унтерменш, мул, бессмысленное и бесплодное создание, ошибка природы. Повышение энергетики объекта влечения к себе. (Это аналогично повышенному влечению к женщине, выглядящей секс-бомбой и невинной девочкой одновременно: припомним гимназические платьица некоторых проституток.)

Общение с транссексуалом как бы снимает запретность и неприятие с гомосексуализма: вроде бы мужчина и с женщиной, а в то же время вроде бы можно и по ситуации естественно иметь дело с половыми органами партнера и удовлетворить любопытство, тягу к ним, ощутить себя в чем-то женщиной и познать, каково же удовлетворение от обладания членом партнера. (Аналогично это и любви втроем в варианте мужчина, женщина и юноша.)

(Под транссексуалом мы имеем здесь в виду, заметим во избежание ошибочного понимания, не лицо, полностью сменившее пол на противоположный, но того, кто полностью обрел женский облик за исключением мужских гениталий.)

Ни одному животному такие фокусы не могут быть нужны – незачем. Но человеку, избыточная сексуальная энергия которого есть аспект общей избыточной энергии – подавай то, что еще сильнее может возбудить его чувства; подавай то, что необычно, чего не может быть.

6. Онанизм. О нем уже столько всего написано, что, опять же, и упоминать незачем было бы, тем паче его уже не считают не только извращением, но и вообще поощряют как естественный начальный этап половой жизни. Если бы не пара моментов, оставшихся вне рассмотрения.

Онанизм – подготовка к нормальной жизни, утверждает современная сексология. О'кей. Но онанизм и нарциссизм – взаимонакладывающиеся кое в чем понятия. Рассматривание гениталий, мастурбация перед зеркалом, одобрительная оценка своих интимных подробностей – присутствуют всегда. Естественным образом совмещается это «краешком» и с эксгибиционизмом: мне нравится собой «заниматься» и на себя смотреть, у меня все неплохо устроено, –

пусть и другие увидят и оценят (положительно), я неплох по сравнению с другими и с тем, что вообще требуется (я самоутверждаюсь через демонстрацию себя, сексуально значительного и привлекательного).

Вот вам, кстати, и нудистские пляжи. И стриптизерши, получающие от этого известное удовлетворение. (Сказки о страшной вынужденности бедолаг заниматься стриптизом и проституцией оставим моралистам: ни одна работа не может вовсе не доставлять человеку удовлетворения, особенно если неплохо получается, такова психика человеческая, он не может ощущать себя униженным животным, он во всем будет находить элементы кайфа и точки опоры для своего достоинства; да и если работа вовсе не нравится, долго ею никто заниматься не будет, всегда есть хоть какая-то другая.

А отсюда недалеко и до «транссексуалофилии»: с прекрасной девушкой, тяга к которой естественна, обсуждать ее член, тяга к которому тоже в известной мере естественна (вот только мужика в придачу к этому члену вовсе не хочется).

7. «Флорофилия». Зачем распутнику обязательно девочки – есть такой разряд? А это более значительное действие, чем просто переспать с женщиной. Та и красива, и опытна, и темпераментна, и наслаждение умеет доставить – ан подумаешь, еще один акт, делов-то.

Ты делаешь девушке больно, ты делаешь ей это в первый раз, ты делаешь ее женщиной, она после тебя не такая, как была до тебя, и т. д. Первый раз для нее – это не то, что потом.

Девочку может быть и обольстить трудно, и в постели как холодное полено, и неприятностей потом не оберешься, если лет ей недостаточно – и вот, привлекает: трудность предприятия, сознание себя орлом, удовлетворение самолюбия, самоутверждение через то, что ты – первый, тебя не забудет.

Она меньше подходит для секса, чем искушенная зрело-молодая дама. Это и привлекает. Она меняется под тобой. Это и привлекает. Для нее это имеет большее значение, чем для женщины. Это и привлекает.

Что забавно – возбуждение здесь приходит через рассудок: да, так, – потому что именно рассудок анализирует расхождение между объектом и его предполагаемым назначением «девочка-секс», и именно рассудок оценивает величину поступка, величину действия: изменить существующее положение вещей, после тебя уже будет не то, что до тебя.

8. Аналогично может распалать некоторых мужчин сопротивление женщины: о, ты делаешь то, чего она не хочет, сейчас ты получишь наслаждение, пройдя предварительно через сламывание ее сопротивления. Да это почти то же самое, что изнасиловать первую приглянувшуюся на улице красотку. Познакомишься, привыкнешь, склонишь, распалишь, получишь – э, это уже рядом, все постепенно, не та острота ощущений, не тот путь пройден. А вот она еще незнакома, воображение вспыхивает, и тут же заголяешь ее и имеешь.

Ты получаешь то, что тебе не предназначалось, что считалось невозможным, ты развиваешь дополнительные усилия, от тебя требуется дополнительное возбуждение (не так легко взять сопротивляющуюся женщину, не потеряв в процессе борьбы эрекцию).

...Все как всегда, все как всегда: сильные дополнительные ощущения через значительные действия. И биполярность «сопротивление – соитие» как энергетический фактор, возбуждающий действие.

Но это патология? Да. Но – патология как гипертрофия зерна, которое содержится в любой нормальной психике. А иначе бы не было кокетства как завлекающего приема. Дозированное сопротивление увеличивает желание – какая же женщина этого не знает. Просто здесь (как и везде в патологии) мы имеем психический перекося – возбуждает уже не милое и невинное женское кокетство, ах, что вы делаете, противный, я этого совсем не хочу, не уходите, куда же вы, глупый, – а «кокетство» крутое, сильное: сейчас я сделаю тебя вопреки всему, вот это да, с ума сойти, аж голову пьянит, брыкается, ненавидит, какое наслаждение обладать ею.

§11. Секс и культура. Только человеку из всех животных потребно что-то выделять сверх нормальной половой жизни при полной возможности оной. Ему нужны еще какие-то ощущения, и в результате он предпринимает еще какие-то избыточные, сверх нужного, действия. Он додумывается до диких, удивительных вещей, и все это идет исключительно по линии «изменить то, что есть», «сделать не так, как было». А потом накручивает на эти изменения, произведенные им из его сущностной потребности изменять, витиеватые рациональные объяснения: мол, это очень нужно для чего-то.

1. Фаллические обряды. Из них самый распространенный и в наше время – обрезание. Ислам перенял его у иудаизма.

Вряд ли древний кочевой народ, имевший смутное представление о гигиене, ввел обрезание из гигиенических соображений. (У обрезанных практически не встречается рак головки полового члена. Медицина объясняет это отсутствием смегмы и продуктов ее разложения в складке крайней плоти под венчиком головки. А также огрублением нежной слизистой оболочки головки, что делает ее более стойкой к мелким механическим повреждениям. Многократные напряжения и мельчайшие незаметные повреждения уздечки, крайней плоти по круговой линии прикрепления к члену под головкой, и самой головки при мастурбации и сношениях вырабатывают ресурс восстановления ткани нормальными клетками, и в конце концов могут вести к появлению злокачественных новообразований. Заметим еще раз, что рак – болезнь преимущественно пожилого возраста – это болезнь снижения энергетики организма; примитивные раковые клетки менее дифференцированы, чем нормальные, им требуется меньше энергии на построение себя.) Воды мало, колодец – охраняемая ценность рода, мытье не шибко принято у полудиких пастухов, медицина как таковая отсутствует. Да в аналогичном климате жили и до, и одновременно с древними иудеями такие высокоцивилизованные народы, как египтяне, ассирийцы, персы, культура быта у них была намного выше, и прекрасно обходились они без обрезания.

Обряд в сущности варварский. Имеет что-то общее с обычаем некоторых океанийских островитян, где мужчины ходят нагими, упрягивать член в этакую берестяную трубочку – иногда длиной до полуметра и изогнутую, подвязанную самопальной веревочкой к талии. Чтоб в джунглях не повредить ответственное место? Но соседние племена и без таких чехольчиков упомянутое место неплохо содержат в целости.

Наиболее загадочным и бесполезным представляется ученым обычай австралийских аборигенов: юноше по достижению зрелости делается вдоль нижней стороны члена продольный разрез, рассекающий мочеиспускательный канал почти от основания до головки. Таким образом моча (и сперма) изливаются в основном через этот разрез, а не через мочеиспускательное отверстие в головке. На фига?! И австралийский абориген присаживается мочиться на корточки, как женщина. Ну никакого же тут смысла усмотреть невозможно: ни тебе гигиены, ни тебе никаких дополнительных удобств при сношении, ни тебе украшения себя (все равно этого в общем никому не видно).

Дорогие друзья. Чем, кроме всего многочисленного прочего, отличается человек от животных? Он себя украшает. Как же он себя украшает? В основе, в принципе – он делает себя не таким, каков он «по-простому», в натуре. Тряпочки, камушки, шнурочки, блески, раскраски. Он себя *изменяет*. Через это он ощущает себя более значительным, и таковым же его оценивают и остальные.

У первобытных народов, живущих в теплом климате, не требующем одежд, все сводится к изменению своего тела: надрезы, татуировки, раскраски, подпиливания зубов.

Взросление подростка-дикаря сопровождается атрибутикой: вместо наручных часов, или автомобильных прав, или вечернего костюма – соответствующие насечки, узоры и т. п.

Фаллические обряды как часть и разновидность инициации, т. е. перехода-посвящения во взрослое состояние, в принципе ничем не отличаются от насечек, подпиливаний, татуиро-

вок и т. п. – тело человека должно подвергнуться какому-то изменению и обрести какие-то внешние знаки отличия. Что и насколько урезаем – один черт, если это не мешает жить и получать удовольствие от жизни.

Но чем отличается фаллос от прочих органов? Это «корень жизни» – вся биологическая энергия рода человеческого, который «в идеале» стремится заполнить своим потомством, т. е. своим веществом, всю планету, как бы сосредоточена здесь. Именно этим и обусловлено для мужчины ощущение необыкновенной ценности фаллоса по сравнению со всеми прочими органами. Здесь сосредоточен весь смысл его биологической жизни за пределами самой себя, т. е. за пределами собственной особи – толпы грядущих потомков и все их свершения; здесь твои будущие дети и внуки, их свадьбы и подвиги, любовь к ним и забота о них, и вообще в твоих чреслах все будущее человечества, часть которого и порождение ты есть, слуга и господин одновременно, звено в цепи. Нет звена – нет цепи, и природа позаботилась, чтоб пуще всего ты берег себя как это звено.

А что такое религиозная жертва? Это дать неким условным высшим силам что-то хорошее и ценное – чтоб их задобрить, чтоб с ними дружить, чтоб они тебя не забывали, помогали, покровительствовали. Смотри, Бог, – я дарю тебе часть своей еды, одежды, драгоценностей, я тебя люблю, верю в тебя, я твой верный слуга, делаю тебе добро всем, чем могу, – ты знай это и относись ко мне соответственно, я этого заслуживаю.

А чем больше я буду тебе давать – тем ты будешь иметь больше всего, и будешь могучее. И с обратной же стороны – чем ты могучее, мой Властелин, тем бо льшая доля всего добра причитается тебе с меня, так заведено в мире, а то ты разгневаешься на жадного и нерадивого раба своего, и отвернешься от него, и покарать можешь, и будешь прав.

Я на все готов ради Тебя – вот убиваю пленных и рабов, теперь они будут твои в Высшем мире. Плохи наши дела, мало мы тебя умилостивили, грозного, – так мы отдадим тебе наших первенцев (Ваал) – самое дорогое, что у нас есть, бери.

А можно – крайний вариант – посвятить своему Богу член, а можно член вместе с яйцами (скопцы): возьми все, возьми будущее, возлюби меня, ибо я возлюбил тебя превыше своих потомков и главного наслаждения, и теперь страсти не будут отвлекать меня от главного и единственного занятия – любить тебя и служить тебе.

Слушайте, евреи очень хитромудрые. Они решили принести в жертву своему единому, суровому и всемогущему Богу самое интимное и драгоценное, свой мужской корень жизни вечной народа – но не целиком, а только кусочек. Так, чтобы себе тоже осталось и жить не очень мешало; чтоб, опять же, можно было «плодиться и размножаться», как Он же и завещал, – не то вымрет избранный народ, и некому будет служить Ему и исполнять заветы. Смотри, возьми, я жертвую Тебе от плоти своей, причем от самой драгоценной ее части. (Все справедливо, – «Если от многого отнять немножко, это не грабеж, а просто дележка».) А теперь мы с тобой родственники, правда? (Вариант стариннейшего обряда братства на крови.) А для отца – это как бы жертва Богу своих сыновей, их плоти и крови. (Авраам уже практически принес Исаака в жертву, но Бог явил, что достаточно и готовности к этому в сердце своем, и символически подменил в последний миг на алтаре под жертвенным ножом сына агнцем, которого тут же охотно и принял: то есть все в порядке, если ты для Меня на все готов – так ведь и Я же тебе отплачу добром, нечего сыновьями разбрасываться.)

Опять же: мы Тебе отрезаем понемножку, но всем народом, так что у тебя в общем больше этой плоти и крови в сумме, чем у любого из нас.

Да вообще: как ты доказываешь свою любовь и преданность любимому существу, товарищам, делу, Родине (а также Партии из советских анекдотов)? – А вот готов сделать то-то и то-то, пожертвовать ради него (нее, них) тем-то и тем-то, «а если надо – не колеблясь отдать саму жизнь», как говорилось всегда во всех присягах на верность королю, царю и т. д.

(Японцы вот в знак преданности начальнику в некоторых ситуациях мизинец себе рубили, и иногда на письме ставили им кровавую печать, – якудза и сейчас так делают. А русские зеки, клянясь в крутом споре, могут рубать ножом себе по предплечью, тоже шрамы на всю жизнь на руке остаются.)

Что такое клятва на крови? Это клятва, подкреплённая жертвой собственной крови, – причем кровь тут всегда является синонимом жизни.

Так что обрезание – это жертва собственной плоти и клятва на своей крови.

Все остальное придумано и накручено талмудистами и гигиенистами.

...Ну, а с прочими разнообразнейшими обрядами – от языческого (мужчина орошает весеннюю пашню своим семенем) и древнеегипетского (молодой жрец или доброволец на празднестве отсекает себе эрегированный член и публично посвящает его богине плодородия Изиде) до современных японских фаллических шествий – дело обстоит несложно, тут загадок и противоречий нет. Или это явная и понятная разновидность жертвоприношения, или символика жизни и плодородия, над чем тут голову ломать.

2. Вагинальные обряды. Вагинальные в строгом смысле этого слова с точки зрения познания, опять же, малоинтересны, ибо достаточно понятны. Типа: египетская жрица на религиозной церемонии всовывает во влагалище член принесенного в жертву животного (коня, осла, барана), и это символизирует оплодотворение лона царицы небесной, которая теперь должна одарить земных подданных всяческим плодородием природы.

У некоторых южноамериканских индейских племен девочке по достижении зрелости пожилые женщины разрывают девственную плеву. Тут тоже все понятно: ты уже большая, вступаешь в половую жизнь.

Интереснее обычай некоторых африканских племен, где принято девочке, приближающейся к возрасту зрелости, отсекают клитор с малыми половыми губами. Операция достаточно калечащая и, как нетрудно догадаться, очень болезненная. Рациональное объяснение: муж – он воин и охотник, часто отсутствует по необходимым мужским делам, ну так жена не должна быть похотлива, чтоб ждала спокойно в верности и воздержании, а то у африканцев темперамент горячий, сдерживающие центры слабые, и она может от сексуального голода под любого залезть, в отсутствие мужа-то. Эдакий дикарско-драконовский вариант пояса верности.

Почему, интересно, народы более развитые до этого никогда не додумывались? Да и соседние черные племена живут без этой вивисекции вполне благополучно.

Нет, ребята. Природа создала женщине самые эрогенные зоны и органы полового чувства совсем не для того, чтобы старуха с острым обломком раковины или бамбуковой щепкой их отрезала и выкидывала.

Что мы здесь имеем? Человек «подправляет» природу – изменяет, делает не так, как было. Причем на самом главном, «причинном», интимном и нежном месте.

Это разновидность инициации; так. А что такое любая инициация? Это: потерпи боль, показав свое мужество и готовность к трудной взрослой жизни, и получи знак, отметину, что ты прошла обряд и теперь взрослая, достойная. А где ж можно получить отметину более болезненную и значимую, чем на половых органах.

И это сродни украшению; так. Изменить свой естественный вид каким-то намеренным обрезом. Иначе будет некрасиво, противно, подруги будут смеяться, а юноши – брезговать.

Главному в природе это не противоречит: совокупляться, рожать и мочиться можно. Что касается наслаждения от секса – ну, так оно приобретает чисто вагинальный характер. Наружные ласки и возбуждения уже не те? Ну так при мужском обрезании головка члена покрывается вместо крайне чувствительной слизистой оболочки грубоватым эпителием, это тоже снижает чувствительность, но ничего, народ обходится.

Принцип, мотив, побудительный импульс в основе женского обрезания лежит все тот же: энергоизбыточное существо человек желает делать над собой что-то, изменяющее его. Он

голый дикарь в Африке, возможности к изменению мира и себя у него очень скудные. И вот он смотрит по сторонам, размышляет, прислушивается и присматривается к себе; что бы такого сделать значительного? Он инстинктивно ощущает (как ребенок), что сделать такое женское обрезание – это дело значительное, серьезное, что-то будет изменено: вот есть в этом какой-то смутный смысл. Понять этот смысл он не может, и выдвигает объяснения, лежащие на поверхности (в чем, надо заметить, не отличается от ученых-этнологов).

Смысл же только в том, что он еще раз являет свою человеческую сущность: совершать избыточные действия, которые он сам придумал, и через это ощущать свою значительность, свою над-природную сущность. Примерно так сосредоточенно играющий ребенок придает важный смысл каким-то финтифлюшкам, и поднимает отчаянный рев, если не въехавший в смысл его действий взрослый что-то нарушает.

Черт возьми, да «человеческий мир» вообще очень условен, но сколько смысла для человека в этих условностях!

Гениталии – это важное место. Всему, что с ними происходит, человек придает важное значение. Любое их изменение для него очень важно. О них он особенно заботится, бережет, ухаживает, прикрывает, услаждает. Иногда как бы почти очеловечивает, а в некоторых религиях вообще обожествляет. Место жизни, как ни верти. Вот и изгиляется: татуировку на член, шарики под кожицу, «прическа» на лобке, колечки в половых губах. Ну и у дикарей аналогично.

3. Религиозные оргии. Все эти сатурналии, дионисии, ночи на Ивана Купалу с обнаженными игрищами и массовыми совокуплениями и пр. – в ту же струю. Человек ощущает огромное значение совокуплений – большее, чем просто наслаждение и рождение детей. Насчет повышения энергообмена, передела мира и смерти-рождения Вселенной он еще ничего не знает, – зато его инстинкт знает, что будущее человечества – это ключ и запал к самопреобразованию Вселенной. И вот этому дивному удовольствию траханья придается мистическое, над-человеческое значение. Формы выражения – смешные, наивные, зато и приятные. А суть: товарищи боги, силы всевышние, мы живем, плодимся-размножаемся по вашим заветам, посвящаем вам свои самые главные действия, в этом есть нечто высшее. Гм, и попробуйте им возразить.

4. Половая стыдливость и акцентирование внимания на гениталиях. Почему собственно, да? Какая условность, мы же люди цивилизованные и все понимаем. Долой стыд! Что естественно, то не стыдно, чем член в принципе отличается от локтя или живота, что его прятать надо?! Можно не прятать, можно...

Вот, значит, старая история, как блаженствовали невинные Адам и Ева в раю, отведали яблока с того самого древа познания добра и зла, узрели свою наготу – и прикрылись фиговыми листочками. Прикрыли именно те места, которыми друг от друга отличались.

Именно что отличались. Заметьте, до обнаружения этих отличий они не размножались и ничего не делали. Строго говоря, да они еще не были людьми. Никакой функции, никаких действий. Где биологическая энергия, где передел мира, где энергопреобразование, где познание и где созидательно-разрушительная деятельность? Так, гибрид полубогов с бесполоыми трутнями.

«Процесс пошел» с обнаружения полового различия; есть энергия, запущено действие! Разнополюсность как биполярность, как основание наличия энергии.

Стыдливость, табу на показ и разговор о гениталиях – это подчеркивание их значения, верно? «Наибольшей ценностью у людей полагается совокупление, но об этом не принято упоминать», – как отметил Марк Твен, не вдаваясь в анализ.

Чем больше разность потенциалов – тем больше заряжена батарея. Чем менее изолированы друг от друга ее полюса – тем больше перетекают заряды с одного полюса на другой, и батарея разряжается безо всякого совершения работы.

Прикрыть гениталии – и, естественным образом, если остальное тело голо, взгляд прежде всего устремляется туда: прикрытие одновременно работает украшением и приманкой. А воображение всегда рисует нечто более манящее и привлекательное, чем может быть на самом деле, ибо вообще воображение имеет дело с неизвестностью и поэтому для него нет пределов, оно ожидает чего угодно, оно рисует идеально желаемый объект, а идеал всегда превосходит реальность, она-то ограничена конкретной формой, а он-то «подогнан» в точности под желание, плюс «люфт» неизвестности обещает тебе возможность получить еще больше и лучше, чем ты даже можешь себе представить.

Не видишь желаемого и интересующего – еще больше хочешь видеть. Не познал этого – еще больше хочешь познать.

Здесь мы имеем запрет как стимул. Дополнительная плотина для накапливания более высокого уровня энергии.

Прикрывание и неупоминание гениталий – это 1. Признание и подчеркивание их исключительной важности. 2. Дополнительная стимуляция полового влечения. 3. Действие сверх необходимого, что есть аспект избыточной энергетике. 4. И одновременно подъем энергетике (человека) на более высокий уровень посредством искусственного сознательного действия.

5. Секс и табу. Вот уж ни на что не было столько разнообразнейших запретов у человечества, как на секс в самых разных его аспектах. (О сути табу см. главы «Табу и его разрушение» и «Искушение».) Оно и понятно. Главное наслаждение, главная ценность и главное направление биологической энергии к размножению.

Табу на показ гениталий. Хотя у спартанцев юноши и девушки занимались гимнастикой обнаженными и совместно, но такая нагота «не считалась». Так же, как в скандинавских странах вплоть до I Мировой войны были совместные общественные бани.

Табу на совокупление замужней женщины вне брака. Много веков в христианской Европе, а во многих исламских странах и сейчас это каралось смертью.

Табу на совокупление вне брака вообще, что также в ряде стран средневековой Европы каралось смертью.

Табу на совокупление с недостижими зрелости по закону, даже если биологическая половая зрелость достигнута и все произошло по взаимному влечению – в большинстве стран за это можно и сейчас огрести тюремный срок. Обычно закон смотрит на такие вещи сквозь пальцы, но если кто дал жалобе официальный ход – пиши пропало: он плачет, она плачет, судья вздыхает, руки держать за спиной и под конвой.

Табу на полигамию – везде, кроме ислама и дикарей.

Табу на обнажение различных частей тела в разные времена – ног, бедер, бюста, плеч, ягодиц. Еще в начале века ведь мужчины щеголяли на пляжах в комбинезончиках до колен, а дамы – в изящных рубашках до ступней.

Табу на групповой секс – почти всегда и везде, формулировки лепили типа «нарушение общественной морали», «развратное поведение», «порча общественных нравов» и т. п.

Табу на однополую любовь – эти статьи сняли из уголовных кодексов только в конце XX века, и только в «белых» странах.

Табу на онанизм. За это не сажали, но порицалось всячески, считалось постыдным, мерзким и безнравственным. А Бог за это Онана вообще пришиб.

Табу на изображение обнаженного тела, половых органов, совокуплений.

Табу на совокупление с животными.

И так далее, и тому подобное, и др., и пр. Из каковых запретов следует, что некоторые люди всегда стремились так поступать – иначе и запрещать незачем было бы.

И даже у первобытных племен в райских лесах и на блаженных островах, где люди наслаждались друг другом почти вовсе свободно и бегали почти вовсе нагими, табу существовали. Скажем, племя делилось на четыре клана, и мужчины одного клана могли совокупляться с жен-

щинами только другого определенного клана, а за нарушение полагались репрессии – изгнать, побить камнями, зажарить и съесть.

Или – женщины племени ходят голыми, а мужчины обязаны прикрывать перед и зад, и если приходит малознающий гость из другого племени, где ходят с голым задом, то вовсе голые женщины бешено хохочут и тычут пальцем на его ягодицы.

Сторонники табу норовят доказывать, что они имеют смысл, а противники норовят доказывать, что все это глупости, пережитки и суеверия.

Смысл некоторых табу очевиден и безусловен. Прежде всего – во избежание инцеста, браки между кровными родственниками ведут к вырождению, штука известная.

Некоторые же запреты явно условны – типа что можно обнажать и что нельзя. Относительность их подчеркивается зависимостью от места и времени: на пляже или на дипломатическом приеме, сейчас или в Средние века.

Но все они сводятся к искусственной, через разум, регуляции всего, что связано с половой жизнью и половыми различиями.

Что служит причиной этой регуляции? Повышенное внимание ко всем вопросам секса, ощущение их важности, потребность вмешаться в «естественный», то есть в «свободно-желательный» ход вещей и тем самым явить свою значительность через изменение мира, изменение «свободно текущего» процесса бытия. Энергоизбыточность, действия сверх необходимого.

К чему ведет эта регуляция и что она означает? Она означает более высокую степень структурализации общества, усложнение поведения – что ведет к повышению энергетики общества, как более высокая организация в противоположность энтропийному хаосу. Можно – нельзя, хочется – запрещено, поощряется – наказывается, хорошо – плохо: мы имеем сдерживание, накапливание, регулируемость энергии, направляемой уже под более «высоким давлением» по определенным каналам.

Абсолютно свободный секс может «съесть» изрядную часть всей энергии человека, пускающая ее в чисто биологическое русло (на уровне ощущений, размножение здесь «автоматически подстегнуто» природой к субъективному желанию человека). Ограничения же одновременно и возбуждают энергию, и ставят ей заслонки, аккумулируя. Что остается делать энергии? Идти на всякие дозволенные «человеческие действия». (Это очень близко к «теории сублимации», ошибочность ее лишь в том, что человек и его психика – не перпетуум мобиле, который генерирует энергию сам из себя и выдает наружу, а скорее турбина, которая преобразует энергию через себя, получая ее извне и выдавая наружу же. Так что «созидательная» и «творческая» деятельность – это воплощение не сексуальной энергии, которая пускается в другие русла и трансформируется в другие виды, а общая, универсальная, так сказать, энергия человека, которая приходит с пищей, водой, воздухом, светом, преобразуется в организме, но ей перекрываются «широкие» ходы через сексуальные центры, и она может идти только на что-то другое. Разница такая же, как если выгнать бесшумных и фанатичных профессиональных танцоров из танцевального зала в поле копать картошку – или закрыть двери зала на замок и оградить пикетами, которые погонят в поле на картошку людей, которые вообще-то шли с желанием потанцевать, это приятнее полевых работ, но раз не пускают в зал и гонят в поле, так что ж делать... силы и время есть, раз не танцевали. Но из того, что люди больше хотят танцевать, чем копать картошку, еще нельзя делать вывод, что энергия копания картошки – это сублимированная энергия танцев: это одна и та же энергия, которая пускается на то либо другое.)

А теперь давайте уберем к черту все табу, и посмотрим, что из этого получится.

Чего так сразу убирать, у некоторых народов их и так почти нет. У эскимосов не было запретов на половую жизнь детей, на публичное совокупление – дети весело и принародно играли пипками друг дружки, а взрослые тут же с рычанием друг друга имели, не снимая мехов. И то сказать, много ли радостей у эскимосов в ледяной заполярной Гренландии. И что? И вот вам аморфный и вялый народец, сил которого еле-еле хватает на выживание в этих суровых

условиях. У папуасов не было табу на обнажение, на свободные любовные игры (муж жене может, конечно, морду набить, но это и все) – и они сладко резвились друг с другом, «объедаясь лотосом», – на хрена что-то делать, если и так хорошо.

Упрощение структуры системы ведет к понижению ее энергии. Это движение в сторону хаоса, энтропии, бессилия.

Что такое «разврат и упадок Римской империи»? А это – все можно, живи в свое удовольствие, так на хрен что-то делать, да и сил и желания уже меньше.

О. Вот то, что мы сейчас, в конце XX века, имеем в «белой цивилизации». Лесбос – пожалуйста, гомосексуализм – пожалуйста, онанизм – приветствуем, сожитительство вне брака – святое и законное право личности, порнография – кто смеет ограничивать взрослых людей в их безвредных для других желаниях, стриптиз – почему же нет, проституция – древнейшая профессия, почти абсолютное обнажение на пляжах – не надо стыдиться своего тела, непристойные упоминания половых органов и соития в кино и литературе – мы не ханжи, и вот уже «художник» какает на вернисаже, объявляя это «хэппенингом», актом искусства. И то сказать, нагадить под чужой картиной проще, чем нарисовать свою.

Приходят гости, нарядно одетые люди пьют за накрытым столом чай или вино, говорят друг другу всякие приятные вещи, и в это время телевизор рекламирует им женские прокладки, чтоб слизь и моча не пачкали трусы и не воняли. И каждый невольно задумывается, какая прокладка в трусах у миловидного создания рядом. Приятного аппетита.

И что? И то, что мусульмане натягивают на своих баб паранджу, сплевывают с гневом и презрением в сторону европейцев, захватывают и взрывают самолеты с пассажирами и готовы отдать жизнь за то, что почитают ценностями большими, чем жизнь. А евроамериканцы не могут посулить своим людям ничего, кроме потребления и личного благополучия. Кто более энергичен? Кто способен больше дел наворотить? Кто более готов умереть, но защитить свою «честь», «закон» «благопристойность»? Ага. За тем и будущее.

«Культурный» русский считает «дикого» чечена да, именно дикарем и бандитом. Обнажит чеченка бюст публично, хоть и на пляже? Да вы с ума сошли, это позор рода, ее камнями забьют. Дикость? Гм. Но одновременно – это высочайшая энергетика народа. И не может победить стотридцатимиллионная Россия менее чем миллионную Чечню. Духу не хватает.

Табу и позор его нарушения – это повышенная энергетика. Вседозволенность – это пониженная энергетика. А, все можно, и нечего переживать, и не надо дергаться.

И вот выясняется, что у нынешних скандинавов, потомков отчаянных и яростных викингов, у этих современных пионеров гомосексуальных браков и бесплатных шприцев для наркоманов, у мужчин и объем эякулита меньше, и содержание сперматозоидов в нем ниже, чем еще полвека назад. Вырождение-с. Зато все можно.

Вот кубический деревянный ящик. В нем под давлением содержится энергия. И под этим избыточным давлением выходит в дырочки в стенках. Давление высокое, струйки аж свистят. И совершают всякую работу – турбинки крутят, тросы на блоки наматывают и так далее. И вот мы взяли – и убрали стенки. И энергия пошла во все стороны. И ее избыточное давление рассеялось в окружающем пространстве. И больше она ничего не может. Считаю, нет ее.

Похожим образом обстоит дело с обществом и табу.

Рост импотенции. Рост бесплодия. Рост сексуальных меньшинств. Падение рождаемости. Упадок института брака и семьи. Всеобщий пофигизм. Это мы, Господи. Зато мы современные свободомыслящие люди, и всяких глупых табу у нас почти уже не осталось.

Короче, снятие сексуальных табу является показателем снижения биологической, психической, человеческой энергетики общества – и, одновременно, само снятие снижает эту энергетiku. Ку-ку.

б. Культура секса. Изощрение, продленность и т. п. Все это прекрасно, и все за. Инструкций, пособий и наставлений – полно. «Что мы будем делать теперь, когда ты затащил меня

в спальню». «Как удовлетворить и сделать счастливой любую женщину». «Эрогенные зоны и предварительные ласки». Увеличение члена хирургическим путем и восстановление девственной плевы (если она кому нужна) таким же путем, но уже гораздо дешевле (и то сказать, всему своя цена).

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. А также икону, киот и стену в церкви. Потому что лоб у него удивительно твердый, а усердия хоть отбавляй. Мир в основном состоит из дураков. Таки что можно сделать, остается констатировать.

Культура секса – это прекрасно. «Но есть же, черт возьми, вещи, которые не говорят вслух!!!» – завопил выведенный из себя Наполеон.

Открытое и публичное акцентирование внимания на культуре секса – это один из моментов общего сексуального детабуирования, того же падения энергетики общества.

Другой момент: продление акта ведет к ускорению импотенции мужчины и развитию опухолей простаты. От природы этот орган не рассчитан стоять по часу и полтора: застой крови и секретов внутренних органов, функциональные нарушения ведут к физиологическим.

А пресыщение ведет к уменьшению желания. Так же как прозаические и неэмоциональные, «деловые» обсуждения сокровенного. Волнующая и возбуждающая сокровенность частично подменяется эдаким бытом типа урологически-гинекологического обследования.

Ничего не уметь – плохо. Но гнать обсуждение и научение сексу на уровне кулинарной книги и обретения приличных манер – тоже идиотство. Цивилизованные народы, склоняясь с вершины к упадку, отлично умели все делать в постели – но будущее было за немытыми варварами, неискушенными, но с грубой и напористой силой.

К чему я призываю? Я ни к чему не призываю, я не призыватель, у меня другая специальность, я отыскиваю в темной комнате кошку и называю ее кошкой.

Культура секса отделяет ощущение от действия – наслаждение соитием от деторождения. Пиюли и безопасные дни. Все большее «окультуривание» природы. Все более энергоизбыточные действия сверх необходимых, причем здесь действие идет по линии получения ощущения «напрямую», сродни онанизму, наркомании и нажиманию педальки столь знаменитой крысой. Рассеивание энергии без результата в окружающем мире.

Кое-где в древней Индии культура секса находилась на необычайной высоте. «Кама сутра» и храмовые барельефы стали учебником секса для белого мира XX века. И где величие той Индии, где ее энергия? Рассеялись в пространстве. Индия пошла по интравертному пути: ощущать и осознавать, но не делать и изменять мир. И в свой час стала легкой добычей грубых и энергичных европейских варваров, чья культура чувств и интеллекта индусским в подметки не годилась.

Почему культура секса существует? Потому что человек стремится к ощущениям, а здесь достигаются ощущения «высшего сорта».

Почему культура секса – ценность и часть общей культуры? Потому что ценностная шкала человечества субъективна, оно все оценивает с точки зрения хорошестьи, приятности, желанности для себя.

Почему культура секса – выпуск пара в свисток? Потому что ощущения и разум «с точки зрения природы» нужны лишь для того, чтобы переделывать мир, совершать максимальные действия, все больше повышать уровень энергопреобразования всего окружающего.

Наслаждаться всеми преимуществами упадка цивилизации бывает необыкновенно приятно, но надо же и отдавать себе отчет в том, что к чему и почему.

Мужчина и женщина

Хотел бы я знать, что было написано в раззолоченном томе с аналогичным названием, который так любил почитать Васисуалий Лоханкин. Но поскольку каждый человек в свой срок задается мучительными вопросами типа несправедливости природного и социального неравенства полов, поскольку наше время дает примеры удивительного стремления уже не к равенству, но к одинаковости полов в их социальных функциях, есть смысл обозреть все опорные точки проблемы и сделать вывод.

1. Возникновение полов. У простейших живых существ деления на мужские и женские особи нет. Нет микроба-самки и микроба-самца. Амеба размножается делением. У низших организмов деление происходит на клеточном уровне.

Но уже у растений появляется разнополость, не говоря о фауне начиная с простейших насекомых. А усложнение организации особи и повышение ее энергетичности – суть одно и то же. Уже само по себе разделение живой системы на два пола – есть повышение ее внутренней энергетичности, определяемой самим наличием дипольности.

Здесь дипольность подобна разделению энтропийного Хаоса Демиургом на свет и тьму, материю и пустоту и т. п. Абсолютная однородность не просто ничего не может – она вообще в принципе не существует, ибо в ней (при ней) нет самого пространства-времени.

Можно, конечно, разделить нечто не на две половины, а на несколько или множество равных или неравных частей, но это уже будет усложнение сверх необходимого, что противоречит генеральному принципу природы: энергетической целесообразности процесса. Множество частей всегда будут испытывать две противоположные тенденции: увеличить свое число и разделиться на еще более мелкие – и слиться воедино в одно целое; причем обе тенденции «с разных концов» ведут к одному и тому же: сплошной однородности, то есть бесплодности, энтропии. Предельно крупная и минимально возможная часть целого – половина, противоположная другой половине: ее единственный возможный «союзник» для слияния – одновременно является отталкивающим ее «врагом». Два полюса батареи и т. п.

Так что допущения фантастов о существах с пятью и более полами – не более чем мелкая интеллектуальная игра.

Понимание сущности двух половин целого в Природе давно нашло выражение в символике Янь и Инь.

Дипольность возникла по мере повышения энергопреобразования вещества Земли и есть ее логичная эволюционная стадия.

2. Развитие полов. Вынашивание, развитие, рождение организма – или, говоря шире, вся подготовительная работа материнского организма по явлению на свет организма дочернего – процесс куда более сложный и трудоемкий, чем собственно акт зачатия. А природа, еще раз повторяем, очень экономна, просто скупердяйка иногда, и своих целей достигает минимально возможными средствами. Итого – что мы видим у насекомых? Мы видим, что самец – это просто самодвижущийся придаток для оплодотворения самки. Кто летает, жужжит и пьет кровь? Комариха. А комар-муж? Малявка однодневная, подлетел, сделал свое дело и сдох. Комариха и сама отлично выживет и размножится, ее только оплодотворить надо.

И жрет новобрачная богомолиха женишка-богомла, и закусывает ошастливленная паучиха молодым мужем. Осы, пчелы, стрекозы, еще много кто – используют отдельную мужскую особь только для оплодотворения. Потому мужичок мал и ничтожен.

Но чем сложнее организм – тем сложнее процесс деторождения, тем больше на него требуется энергии. И мужская особь подключается к процессу: кормить самку, сидящую долгие дни и недели на яйцах, оберегать гнездо от конкурентов и хищников. И тогда уже оказывается, что родить-то – дело сравнительно нехитрое, тут уже природа сама обо всем позаботилась, а

вот отвоевать себе место под солнцем – потруднее будет, и от твоих личных качеств многое зависит. И вот мы видим у птиц и животных, что самец – крупнее и сильнее обычно.

Чем проще организм, тем больше его биологическая энергия являет себя через простое его размножение. Что может комар? сосать да размножаться. Чем сложнее организм – тем сложнее механизм его взаимодействия с окружающей средой, тем большая часть его биологической энергии идет на энергопреобразование окружающей среды через целесообразные действия индивидуума. От вороны отбиться, от ястреба удрать, мошек наловить, гнездо построить, соперников отгонять – аж спина мокрая, гуаном с ветки – кап! – почву удобряем. И тут на самца приходится большая нагрузка, чем на самку. И «по жизни» зависит от него больше.

И вот уже здоровенный бизон, или лев, или орангутанг обзаводится целым гаремом самок: оплодотворить недолго, да и выносить и родить несложно, а вот прокорм и безопасность семье обеспечить – это потруднее, тут конкуренция, опасности, надо проявлять умение и силу. И мышцы его массивнее, и скелет, и, гм, мозг тоже чуток побольше будет.

А чем сложнее организм и чем выше его «энергопреобразовательная рабочая мощность» – тем дольше он развивается: месяцы и годы, сравнимый с человеческим сроком.

3. Детство. Несколько общеизвестных фактов. При рождении в среднем мальчик весит чуть-чуть больше девочки. Но развивается девочка быстрее. Раньше начинает ходить, раньше начинает говорить, раньше достигает половой зрелости, перед этим некоторое время обгоняя мальчика в росте и весе. Вообще-то это говорит о том, что мужчина устроен чуть-чуть сложнее и достигает «общей жизненной мощности» чуть-чуть большей.

4. Конформизм. Девочки послушнее – мальчики капризнее. Девочки – в младших и средних классах как правило – лучше учатся. Девочки старше своих сверстников не только биологически, но и умственно: они легче и быстрее усваивают устройство мира в том виде, в каком получают все сведения о нем от старших. Они усидчивее и старательнее, они аккуратнее, они не хулиганят (в среднем, в среднем...).

То есть: они легче вписываются в этот мир, органичнее, он устраивает их больше, чем мальчиков, у них меньше моментов несогласия и протеста. И в детстве они за счет этого преуспевают больше мальчиков.

У мальчика же больше пунктов несогласия с этим миром. Еще в младенчестве он был крикливее девочки, орал больше и дрыгал ногами по любому поводу. Он спорит, озорничает.

Девочка более утверждает себя через свою «взрослость», рассудительность, «правильность», она значительна именно своей инкорпорацией в мир «настоящих» взрослых ценностей и представлений. И оценки и похвалы и согласие взрослых укрепляют ее в этой самооценке. Ведь взрослые, умные и значительные, хозяева мира, и она ближе к ним, чем мальчик.

5. Негативизм. Об этом написаны библиотеки для социологов и педагогов, а слезы лил каждый родитель независимо от того, умел ли он вообще читать. Мальчик-подросток – это же тихий ужас! Он вечно имеет свое мнение, он выкидывает фортеля, у него ужасная компания во дворе, у него синяк под глазом и запах табака изо рта. И т. д.

Мальчика не устраивает этот мир. Он хочет «чегой-то» делать не так, как есть. Его негативизм – не более чем проявление избыточной энергии – той самой, благодаря которой через несколько лет он действительно начнет переделывать мир.

6. Физические данные. У мужчины значительнее. А вдобавок, черт возьми, у него в среднем крупнее голова и мозг.

7. Умственные данные. Следует ли из этого, что мужчина умнее женщины? Если брать показатели в науках и искусствах – да, мужчина получается интеллектуальнее. Но давно отмечено, что женщина мудрее мужчины. Не насчет философии, а насчет жизни. В решении семейных, бытовых, житейских проблем и споров женщина как правило достигает своей цели чаще и вернее мужчины. Трудно сказать, мужчины или женщины впервые пустили в оборот выражение «женский ум», что означает простую хитрость, здравый расчет, наблюдательность и высо-

кую способность к анализу простейших окружающих вещей. Во всем, что касается семейной жизни, устройства своего положения, рождения и воспитания детей – женщина более «здрава», чем мужчина.

Если ум мужчины более направлен на преобразование мира, то ум женщины успешнее справляется с обеспечением сохраняющей функции. Здесь умнее она.

Разница в некоторых функциях левого и правого полушарий мозга у женщин и мужчин – следствие обеспечения разницы в их функциях в жизни.

8. Социальная разница. Перед законом, слава Богу, во всех цивилизованных странах мужчины и женщины сейчас равны. Из этого часто следуют глупости эпохи – но какая эпоха обходилась без глупостей, – типа женщин-полицейских и женщин-солдат, успешно побеждающих мужчин в рукопашных боях; правда, это происходит в основном в голливудских фильмах, нежели в действительности, и направлено на то, чтобы удовлетворить чувство социального равенства женской аудитории и вызвать у мужской симпатию к победе слабого над сильным.

В политике, управлении, бизнесе – т. е. там, где энергия индивидуума резко увеличивается путем подчинения и использования энергий множества других индивидуумов – женщина крайне редко достигает заметных вершин, а исключения типа главы крупной фирмы или государства лишь подтверждают общее правило. Честолюбие, властолюбие, потребность самоутвердиться через высокую социальную роль у женщин в среднем гораздо слабее, чем у мужчин.

Матриархат где-либо и когда-либо в прошлом есть скорее произвольные умпостроения историков – никаких достоверных аргументов в его пользу нет. То, что женщины меньше рисковали жизнью и поэтому дольше жили – лишь повод к предположению, что именно по женской линии могли передаваться знание и имущество, а вместе с ними и власть. Равно как и фантастично-недостоверны мифы о разнообразных амазонках: если мужчина в бою, в том числе и как лучник, в принципе в среднем сильнее женщины, то с чего бы взяться этим легендарным женским «легионам смерти», наводящим ужас на врагов-мужчин.

Материнская, сохраняющая, функция женщин определяет все.

9. Секс и двойная мораль. Главная часть собаки зарыта именно здесь. Именно двойная мораль возмущала всегда чувство справедливости думающего человека: почему общество позволяет мужчине больше, чем женщине?!

По порядку.

А). Слостолюбие и чувственность. Мужчина гораздо более женщины вообще стремится к наслаждению, к получению сильных положительных ощущений. Сладкоежки в основном мужчины, а не женщины, вопреки трафаретному обычаю дарить лакомства именно женщинам, а не мужчинам. Среди как гурманов, так и обжор, женщины среди подавляющего большинства мужчин встречаются крайне редко.

Подавляющее большинство пьяниц, алкоголиков, наркоманов – мужчины, а не женщины.

Склонность к игровым развлечениям – картам, нардам, костям, домино, кеглям и т. д. – гораздо более свойственна мужчинам. Социальная заданность или просто общественная традиция здесь ни при чем: в настоящее либеральное время равенства, в равном коллективе типа студенческого и т. п., мужчины все равно предаются развлечениям гораздо больше, женщины гораздо пассивнее и менее азартны.

Почти все спортивные болельщики – мужчины.

Из всего этого следует вывод, что центральная нервная система мужчины активнее, мощнее, требует больше нагрузок, и если их нет – изобретает для их получения условные поводы.

Мужчина – энергичнее.

Б). Самоудовлетворение. Статистика свидетельствует, что в период созревания и ранней половой зрелости онанизмом занимается 95% юношей и лишь 30% девушек. Юноша гораздо чувственнее.

В). Диапазон раздражителей. Почти вся эротическая и порнографическая продукция производится для мужчин и потребляется ими.

Вид обнаженного женского тела, будь то на сцене, на фотографии или на экране, возбуждает почти любого мужчину. Бизнесмены, наживающиеся на издании порнографии, давно решили гнать порно для женщин, с упором на мужское тело, мужской стриптиз и т. п. Результаты исследований оказались малообнадёживающими: лишь 5—7% женщин возбуждаются при виде специально для того обнаженного тела «мужчины вообще», пусть даже очень сексуального, но «абстрактного».

То же относится к порнографической литературе.

Часто говорится, что «мужчина любит глазами, а женщина – ушами». Глупости! Мужчина любит ушами еще больше, чем женщина. На всех «горячих» телефонных линиях обслуживаются почти одни только мужчины, чрезвычайно возбуждаемые вербальной порнографией в свой адрес. Почти любая женщина может возбудить почти любого мужчину, просто говоря ему эротические вещи. Просто обычно мужчина уже и так возбужден, а женщину ему еще надо возбудить, вот он ей и наборматывает, нашептывает. (Механизм возбуждения женщины от комплиментов иной, он связан с избирательностью ее сексуального чувства.)

Крайне редко встречается у женщин фетишизм, т. е. возбуждение вплоть до оргазма при лицезрении или касании каких-то предметов, которые через ассоциативные связи задействуют сексуальные центры.

По старому анекдоту, рядовой Иванов думает о женской половой штучке, глядя на кирпич, потому что он о ней всегда думает. Мужские сексуальные ассоциации гораздо богаче женских по простой причине большей вообще мужской сексуальности.

Г). Извращения. Несравненно чаще мужчина живет с козой, нежели женщина с кобелем. Мужчине больше хочется, вот он и сдвигается на заменителях чаще.

Д). Избирательность. Обычный мужчина не прочь перетрахать всех женщин, которые кажутся ему сколько-то симпатичными. Они могут быть вообще ему незнакомы: шел, увидел, поимел. Женщина же испытывает к мужчине влечение с первого взгляда отнюдь не в большинстве случаев. Ее физическое влечение, как всегда все знали, более связано с узнаванием, его умственными и духовными качествами и т. д.

С точки зрения целесообразности продолжения рода, отношения к созданию семьи и воспитанию детей это совершенно понятно и многократно проговорено: он может оплодотворить кучу женщин, а ей надо иметь поддержку и защиту для их рождения и выращивания и т. д.

То есть: он накидывается на все подряд, его роль от природы активна, ему больше хочется – а она отбирает себе подходящего кандидата. Почему и говорится, что на самом деле выбирает не мужчина, а женщина: ему откажут из двадцати девятнадцать, а она предложит себя почти кому хочет – и ляжет он с ней, как миленький.

Мы опять же имеем большую от природы активность мужчины.

Е). Сила чувства. Оргазмы мужчины весьма нивелированы по своей остроте и силе ощущений. Зависимость высоты пика оргазма от способа удовлетворения и партнерши разумеется есть, но разность этих пиков вполне соизмерима, а акт достигает оргазма практически всегда (мы берем нормальных мужчин и женщин, разумеется).

Женщина испытывает оргазм далеко не всегда (не говоря уже об условных 30% фригидных женщин). Но «зато» сильный оргазм темпераментной женщины гораздо мощнее мужского, сильнее потрясает ее чувства: женщина буквально теряет сознание, не может сдерживать произвольные стоны и крики и т. п.

В принципе, на уровне ощущений, нервная система женщины реагирует на «желанный» половой акт сильнее, чем мужская. На уровне первичном, базовом, уровне прямых ощущений, для женщины акт есть большая величина, чем для мужчины. Для нее это большее событие, больший поступок, он имеет больший вес, большую ценность. (Это отнюдь не в большинстве

случаев, разумеется, это в том лучшем варианте, о котором каждая женщина мечтает, и который практически для каждой нормальной женщины возможен; уже другое дело, что на практике это бывает далеко не всегда – но как бы потенциально существует.)

Так что уже вне зависимости от морали, социума и целесообразности для продолжения рода, а на уровне самих ощущений (а уровень ощущений прежде всего вылезает в подсознательный уровень!) половой акт есть для женщины большее, чем для мужчины.

Ж). Степень готовности. Мужчина «может» только тогда, когда он «хочет», а хочет он почти всегда (если только партнерша не приелась, это у мужиков, увы, дело обычное...). Женщина хочет гораздо реже, ну, далеко не всегда – зато всегда способна выполнить роль второй стороны. От природы женщина способна к выполнению пассивной роли практически всегда, и на способность к зачатию и деторождению это сказывается мало и непринципиально.

Увы, можно констатировать «природное неравноправие»: мужчина готов всегда, когда он хочет – а женщина готова всегда, когда, опять же, он хочет. Чисто технически, так сказать, на уровне физических возможностей.

А наоборот нельзя?..

З). Степень активности. Если мужчина хочет, а женщина нет, он ее всегда может (физически): подпоить, изнасиловать, подкупить, уговорить и т. д. Если женщина хочет, а мужчина нет – хоть ты тресни, она его не получит, эрекции у него не будет.

Она может вызвать его желание разными способами: возбудить руками, распалить речами, стриптизом, алкоголем, – но у него должно возникнуть желание, и все тут, добивайся хоть как. Против желания она его иметь не может.

Как мужчина насилует женщину. Просто: всовывает.

Как женщины насилуют мужчину? (Что случается в женских колониях, общежитиях и т. п. при резкой нехватке мужчин.) Механически возбуждают половой член и перетягивают его у основания шпагатом, леской и т. п., чтоб воспрепятствовать оттоку крови, после чего могут «пускать на хор». Процесс уже сложен, поступенчат. Последствия обычно тяжки, вплоть до некроза и ампутации. И случаи изнасилования женщиной мужчины редки, исключительны.

И). Степень ответственности. Саночки возит женщина, тут с природой не поспоришь... Ей беременеть, ей носить и рожать, ей поднимать детей одной, если мужика нет.

.....

Вопрос: так может ли женщина соревноваться с мужчиной в том, что свойственно более мужчине, а не женщине? Ответ: может-то она может, да результат будет не в ее пользу.

Есть два полюса, два начала, два пола, с «маленькой разницей» в устройстве и предназначении. «Двойная мораль» отражала и культивировала эту разницу.

Как самоутверждается мужчина в сексуальном плане, чем он может выделиться как значительный среди себе подобных? Сексуальной мощью, количеством связей, числом женщин, которыми обладал. Да все это в основном по молодости, когда влечение огромно, а у большинства юных женщин влечение еще толком не развилось, и если ты ею обладал – значит покорил, уломал, добился, обольстил, потому что она ведь под каждого не ляжет, нет, ну ты гигант, твоя сексуальная значимость велика.

А если женщина равным темпом пойдет по мужикам? Да любой и так готов, и переспать со всеми подряд ничего не стоит. Здесь и достигать нечего, и никак свою значительность ты этим не утвердишь. Вместо уважения и зависти окружающих ты получаешь пренебрежение.

Слон и гепард не могут самоутверждаться через одно и то же, условно говоря. Один утверждается через силу и величину, другой – через скорость бега, и каждый может гордиться этим перед другим.

Женщина не может самоутверждаться в сексе «мужским» способом – это означает пытаться переть против очевидности природы. Если один пол противопоставлен другому, то и самоутверждается он через противопоставленное поведение. Наряды, прически, косметика, украшения, кокетство, обольщение – увлечь и распалить как можно больше поклонников, и никого не подпустить! Они все сходят по мне с ума, на все готовы, а я верчу ими как хочу, и выберу того, кого захочу и когда захочу.

К). Двойная мораль. Итак: есть активный, неизбирательно чувственный мужчина – и пассивная, избирательно чувственная женщина. И утверждается каждый через то, в чем он сильнее другого. Мужчина сильнее в том, чтобы взять, – кого угодно, независимо от ее желания. Женщина сильнее в том, чтобы не дать – кому угодно, независимо от его желания. И чем больше эта разность между двумя полюсами – тем выше энергетика напряжения.

Сильное – слабое, активное – пассивное, большое – маленькое, твердое – мягкое: эта диалектическая пара подобна паре полюсов заряженной батареи. Больше разность – больше энергии – возможность совершить большую работу.

Люди это всегда знали, более инстинктивно, нежели осознанно. Больше энергетика – больше жизни, всегда хорошо и правильно; меньше энергетика – меньше жизни, всегда плохо и неправильно.

Двойная мораль – лишь аспект половой дуполярности общества, которая противостоит хаосу и гибели, небытию. Зафиксировать, культивировать, развить противопоставленность одного другому!

Заметки на полях:

(Голова и шея. Можно сказать, что мужчина переделывает мир посредством себя, а женщина – посредством мужчины. В этом плане женщина является высшим существом, более сложным, способным на большее энергопреобразование путем использования многих мужчин, и путем небольших усилий заставляя мужчин делать большие усилия.

Кулыт прекрасной дамы – один из случаев и примеров – рыцарь посвящает свои подвиги и т. п.

«Лисистрата» – женщина может добиться от мужчины чего угодно, в этом ее сила.)

.....

(А двойная мораль есть мораль двух начал, призванная увеличить их разницу и дать большее энерг. напряжение между ними.

И – если ты не можешь утвердиться в одном, то можешь утвердиться в другом. Суть – выбрать, найти, определить аспект, в котором ты сильнее других. Женщина сильнее мужчины в том, чтобы не дать. Соблазнить ее труднее и т. п.)

Несовпадение вершин

Пик мужской сексуальности приходится на 18—23, а женской – на 30—35. Зачем, почему, отчего?

Таким образом юноша страдает от неудовлетворенности. Он готов к совокуплению всегда и в любой момент. Постоянной партнерши у него как правило нет. Устройство жизни несет его в армию, в путешествия, в замкнутые мужские коллективы, где отсутствующими женщинами просто бредят. По ночам у него поллюции. Семью содержать ему не на что. Социально он еще незрел. Общество ранние мужские браки в принципе не одобряет, уклад и обычаи им не способствуют.

Когда же он в этом возрасте женится, он стремится иметь несколько сношений за ночь и в любое время суток. Молодая жена мощь его страсти обычно разделить не в силах. Ее сексуальная потребность гораздо меньше. От столь активной половой жизни она часто чувствует себя разбитой, ей столько не надо, она относится к этому как «к исполнению супружеского долга», тяжелой женской повинности. Скандалы делаются обычны: он крайне болезненно реагирует на то, что она сейчас совсем не хочет, а ее достает и возмущает то, что вот он вдруг опять захотел, а с ее решительным отсутствием желания в данный момент ну никак же не желает считаться, что за гадский мужской эгоизм.

Проходит десяток лет, и ситуация меняется. Женщины жалуются подругам и врачам на неудовлетворенность. Их сексуальная потребность теперь выше того, что они получают от мужа.

Вопрос: а где же гармония природы, черт возьми?

Традиционно, почти всегда и везде, мужчине рекомендовалось вступать в брак около 30, а женщине – около 20. С социальной точки зрения это понятно: он должен «войти в силу», «стать на ноги», найти свое место в обществе, иметь возможности обеспечивать и защищать семью. А она к 20 давно полностью готова ко всему, чего ж ей зря вянуть и пропадать.

О'кей. Тогда почему бы, черт возьми, ее половому влечению не достигать полного развития в 20, а его – в 30?..

Опять же: девушка формируется и взрослеет раньше, не только физически, но и, в силу женского конформизма и лучшей обучаемости, умственно раньше, в 18 лет она уже взрослая женщина, рассудительная и зрелая, по своему мировоззрению она готова к самостоятельной жизни гораздо лучше горячих и незрелых сверстников. Где же ее половое влечение, равное мужскому? И – на кой черт ей нужна в 35 лет большая половая потребность? Кажется бы: солидная замужняя особь, семья есть, дети рождаются, что получила от мужа – на том и спасибо.

И почему бы тогда мужчине в 20 лет не быть полуфригидным, а в 40 становиться сперматозавром и ломать с женой супружескую кровать? Увы, увы.

А что, если женить 20-летних юношей на 30—35-летних женщинах? Не получится. Все приличные женщины до 25-летнего возраста (ну, в среднем, условно) будут разобраны, обольщены, соблазнены, взяты замуж. Да и что ж ей, основную и лучшую часть жизни полноценным человеком не быть и детей не рожать?..

Тогда логично узаконить сексуальные связи юношей со зрелыми женщинами. Муж им покажет связи! Головы отвинтит! И общество всегда будет на его стороне.

Вождедеющий юноша и истомленная женщина могут счесть, что вообще общество устроено неправильно, несправедливо. Зарабатывание денег, барахло, положение – короче, частная собственность виновата, что не могут милые любить друг друга в шалаше свободно и без забот. На теплый остров бы, под пальму с бананами, любить друг друга на песке у прибоя, свободные и невинные, как дети природы.

Много вы понимаете в детях природы. Увы-увы, нет гармонии и там. Моржи и волки, обезьяны и львы, лошади и антилопы – тоже несчастливы. Могучий матерый вожак гоняет прочь горячих юных самцов и сам удовлетворяет гарем самок. А юноши страдают, облизываются и мечтают его свергнуть, самим занять сладкое место.

Там, скажете вы, естественный отбор. Самый приспособленный передает свои гены. Логично.

У людей, получается, тоже всегда попахивает естественным отбором. Сначала докажи по жизни, что ты мужчина! Стань могуч, влиятелен, знаменит – и тогда появится масса претенденток на тебя, и свои победительные гены ты передашь кому нравится, да еще и не одной.

Это, конечно, хорошо, ну а где же мощное половое влечение юных претенденток? Они готовы и замуж, и просто в постель, но не потому, что им с победителем именно совокупляться хочется, а вот как-то более абстрактно и платонически: быть с ним, принадлежать ему, разделять его судьбу, иметь с ним семью... А он трах – и поехал в следующий город.

Если разбираться в чисто социальном аспекте, то все понять нетрудно. Целесообразность вступления в брак в разном возрасте обусловлена общеизвестным: деньги, возможности, положение, мы это все только что говорили.

Биологический аспект с социальным связан плотнее некуда, ибо все социальные действия в конце концов основаны на энергии биологического происхождения. Первое: перекрыть юноше сексуальные каналы реализации энергии, и он пустит свою энергию в разные дела: путешествия, войны, открытия, зарабатывание денег, карьера и т. п. Условно говоря, сублимация. Недаром тренеры часто не допускают своих спортсменов до женщин, а обычаи разных эпох и народов рекомендуют мужчинам в период серьезной работы и всяких свершений воздерживаться от супружеской спальни. Тут можно сказать, что юношеская «гиперсексуальность» – это юношеская гиперэнергия вообще, которая самым «природным» способом направляется первым делом в естественное биологическое русло размножения, а цивилизованное человечество норовит направить эту гиперэнергию в осмысленное, человеческое, созидательное русло. А также – второе. Раз девушка не хочет, а юноша – хочет, ему надо приложить немало усилий, и даже изобретательности, чтобы преодолеть ее сопротивление и приступить к процессу, от которого рождаются дети. То есть лишь сильный, приспособленный, значительный будет допущен к лону. И здесь его сверхжелание и ее нежелание способствуют естественному отбору.

Очень хорошо. Логично. Правильно. Но некоторые вопросы остаются.

Если уж она его приняла – то почему ее сексуальному аппетиту не достигнуть полной мощи и сравняться с мужским уже после первых сношений? К чему эти несовпадения, скандалы и головная боль в голове и животе? Нет же – пик достигается лишь через много лет обычно.

Второе: зачем же ее аппетит растет по мере того, как его аппетит убывает? Какая такая в этом целесообразность?

Можно зайти с такой стороны: ее повышение компенсирует его понижение. Теперь уже она его тормозит, провоцирует, стимулирует, и он лучше осуществляет свою медленно остывающую половую функцию.

Да? А почему он на сторону смотрит, скотина? Ну, это отдельная тема, и о ней – в другом месте, рядом: о женском постоянстве и мужском непостоянстве, и о силе и следствии привычки у мужчин и женщин. Это не меняет того, что он все равно может и хочет меньше, чем в молодости.

Дорогие мальчики и девочки. Мы тут ничего не поймем, и ученые дяди из университетов нам тут ничего не объяснят, пока мы не обратимся к, так сказать, сути и кульминации проблемы: к разнице в ходе полового акта для мужчины и женщины и к разнице мужского и женского типа оргазмов.

Уж этот вопрос ныне исследован так, что дальше некуда. Правда, выводов не сделано, как обычно.

«Дикий», «естественный» мужчина приступает к половому акту быстро и с короткой «подготовкой» или вовсе без подготовки, без предварительного разогревания и возбуждения женщины. Проводит акт очень активно и быстро, стремясь напрямик к достижению оргазма. Оргазма достигает в норме всегда, и если никак не сдерживается – то «естественным» путем через несколько минут. После достижения оргазма резко делается пассивным: падает пульс, давление, возбуждение, хочет он только покоя и часто непроизвольно засыпает.

Женщина возбуждается медленно. Это возбуждение до оргазма поднимается медленно. И с «естественным» мужчиной она часто вообще не успевает дойти до оргазма. И лежит рядом страдающая и неудовлетворенная. А если и дошла – то снижается ее пик возбуждения гораздо медленнее, чем у мужчины. И после сношения ей потребны всяческие ласки и понижающиеся возбуждения, соответствующие ее медленно приходящему успокоению. А он? Он уже храпит, скотина. А у нее слезы на глазах от его эгоистичного жлобства.

Черт, а где же природная гармония физиологии?! Поэтому современная сексология настоятельно рекомендует мужчине ласкать долго и изощренно и до, и после, а сам акт затягивать, сдерживая себя и думая о наслаждении женщины, и тогда ей будет хорошо. И пачками выходят наставления по технике секса. И «сексуально культурный», высокопотентный и умелый мужчина может вести один акт, с прелюдией и эпилогом, по часу и более. И все говорят, что это хорошо.

Все говорят, кроме урологов. Они говорят, что от этого развивается опухоль простаты. Еще полста лет назад она встречалась сравнительно нечасто. А сейчас у мужчин, вступающих в пожилой возраст – буквально у каждого второго, если не чаще, простата патологически увеличена. Что часто ведет к операции по ее удалению, операция типовая, «поточная».

Потому что мужской половой аппарат не рассчитан на столь долгие возбуждения. Слишком долго застаивается кровь в гениталиях, слишком долго они находятся в напряженном, возбужденном состоянии. Это является причиной опухоли простаты, перерождения тканей, импотенции: весь механизм пещеристых тел полового члена не может так долго держать перекрытыми сосуды для оттока крови, поддерживать в кавернах такое давление крови, начинают отмирать периферийные нервные клетки, мышечные клетки начинают заменяться клетками соединительной ткани и т. д.

Короче, ты «подправляешь» природу – и она отвечает тем, что что-то портится, искажается, заболевает. Природа, понимаешь, сама знает, что естественно, а что нет. Не любит она насилия над собой. Любое действие против естественного природного желания организма даром не проходит. Это так азбучно звучит... странно, если б было иначе.

Природой мужчина запрограммирован на короткий бурный акт, такие дела... А женщина на что запрограммирована?! На то, что у природы нет плохой погоды, и каждая погода – благодать?..

Так что мы имеем на этой картинке? Мы имеем, что возрастное несовпадение мужчин и женщин в пиках сексуальной потребности сопровождается вообще несовпадением для них хода полового акта и достижения оргазма.

А вывод?

А вывод из этого следует такой, что от отрицательных ощущений никуда не денешься. Что даже в необходимейшем осуществлении прямой биологической функции – размножения – одним наслаждением как приманкой, одними положительными ощущениями не обойдешься. Для осуществления своей функции природа прибегает не только к положительным ощущениям, но и к отрицательным.

А уж функция размножения человеку полностью присуща и совершенно необходима, без нее никак. Но осуществляет он ее, разумеется, не рационально, типа «оставлю-ка я потомство,

ведь так надо», а чувственно, непосредственно: «Хочу! Хочу близости так, что сил нет, и плевать на все остальное!».

Врожденная, безусловная потребность в страдании, в отрицательных эмоциях наряду с положительными – вот что все вышесказанное значит. Человек хочет наслаждения – и одновременно вместе с ним получает страдание. И до, и после, и кроме, и вместо – по-всякому.

С точки зрения диалектики – нет одного без другого, любая медаль имеет две стороны, нет наслаждения без страдания. Ясно.

С точки зрения устройства центральной нервной системы человека – это означает необходимость страдания, стремление к страданию. Слово «страдание» можно заменить оборотом «отрицательные ощущения». Отрицательные ощущения наряду с положительными от природы входят в главнейший, базовый механизм центральной нервной системы – в механизм осуществления размножения.

Не бойтесь страданий. Не будет вам от них избавления, потому что они есть часть вашей сущности. Вы все в жизни должны испытывать, вы на самом деле к этому и стремитесь. Еще раз повторим: сама способность испытывать страдание уже есть причина к тому, чтобы их испытывать. Через все ощущения центральной нервной системы реализуется инстинкт жизни – полной жизни, реализации всех своих способностей и возможностей, которые все в конечном итоге и сводятся к ощущениям.

Вот поэтому и для этого несовпадения сексуальных пиков. Если рассматривать на уровне человека как такового и смысла его жизни. Вот в этом смысл несовпадений.

Дон-Жуан

Мужчина может быть привлекателен своей силой, храбростью, могуществом, властью, славой. Богатство также привлекательно – не только тем, что сулит возможность разнообразных удовольствий и комфорта; и не только тем, что одаренная богатством женщина ощущает себя избранной, ценной, более значительной в жизни, чем другие; но и тем, что богатство – во многом эквивалент и даже синоним силы, мужества, власти, всемогущества. Любят хозяина и переделывателя жизни, всемогущего повелителя мира, а если в цивилизованном обществе он иногда приобретает вид денежного мешка – что ж, такова одна из особенностей цивилизации и ее условностей. Женщина может искренне любить неказистого богача – не за богатство, любят ведь не за что-то, – а потому, что за этой «маской» – истинный повелитель мира. Суть важнее маски. Поэтому столько сказок о любви к чудовищу, которое на самом деле – заколдованный принц: в любом чудовище женщина может разглядеть заколдованного принца.

Мужчина переделывает мир посредством себя и своей страсти. Женщина переделывает мир посредством мужчины и той страсти, которую она ему внушает.

Поэтому женская красота как способность уже самим своим видом внушать страсть мужчине всегда так ценилась и воспевалась, и здесь к слову «красота» никаких спецэпитетов обычно не прибавляется. А от мужчины красота менее требуется, или не требуется вовсе, как выразился Бальзак – «Если мужчина чуть красивее обезьяны, он уже красавец», и есть «спецопределение» «мужская красота», что подразумевает выражение силы и мужества, но отнюдь не миловидность черт.

Женщина вселяет страсть мужчине самую собой, от нее не требуется для этого никаких поступков и возможностей. Мужчина вселяет страсть женщине скорее своими возможностями и поступками, его сила, храбрость и власть существуют не сами по себе, но в своих проявлениях в окружающем мире.

Но есть тип соблазнителя и дон-Жуана, который может ничего не представлять из себя в жизни, но «сосредоточиться» исключительно на внушении страсти женщинам самим своим видом, манерами, речами, использованием знания женской психологии.

В аспекте различия полов дон-Жуан – это женский тип отношения к противоположному полу. Женский в том смысле, что он не может дать партнеру ничего, кроме себя самого, и успешно ограничивается этим. Характерно, что у мужчин такой тип «пустоцвета-соблазнителя» вызывает высокомерное презрение. Он может понять и признать справедливость любовной неудачи, если любимая предпочла ему героя, силача, или богача («увы, она предпочла деньги, конечно, тут мне с ним не тягаться»), или человека бедного, но благородного и справедливого («он лучше меня...»), или явного красавца («что ж, ее можно понять... он эффективней, с ним лучше»). Но если она сходит с ума по явной же во всем заурядности, причем не она первая, да эти бабы кретинки, в нем же ничего нет!!!

Правильно, ничего нет. Он даже в постели-то может быть не шибко. Кроме одного: способности внушать женщине страсть! А ей того и надо, она же не рассудком выбирает объект любви.

Дон-Жуан – это своего рода трутень-имитатор, он подсекает женщину на том уровне, на котором людей и влечет друг к другу – на уровне страсти. А семья, дети, преобразование мира, свершение дел, реализация себя? Увы, здесь он бесплоден. Нет, ребенка сделать, конечно, может. Но-но-но: он всегда не тот, за кого себя выдает. Подсознание женщины обманывается им, как окунь обманывается блесной.

Он не дает ничего, кроме самой страсти.

Строго говоря, по природе он не мужчина – он блестящий эрзац, суррогат, фаллоимитатор для тела, души и сознания.

В принципе это можно считать патологией, искажением и перекосом в распределении энергии: он самореализуется и самоутверждается исключительно через внушение страсти женщинам. Он добивается их не силой, не славой, не деньгами, не доблестью, – он добивается их «напрямую» самим собой. Потому мы и можем говорить о женской психологии этого типа.

Разумеется, были политики и спортсмены, герои и артисты, ученые и черт-те кто, которые норовили иметь ровно столько женщин, сколько могли, а могли много, потому что толпы мотыльков слетались на огонь их деяний и славы, и вообще – им было чем поразить женщине воображение. Но дон-Жуану нечем поразить ее воображение! Сейчас мы не имеем в виду легендарного красавца, храбреца, дворянина и дуэлянта. Мы имеем в виду зауряднейшего по всем показателям человека, который примечателен только своим необыкновенным и целенаправленным успехом у прекрасного пола.

Он – любит?.. О... Он ведет себя именно так, как нужно вести, причем с несколькими в один день, путаясь в плотном графике. Он лишь изображает любовь, и его искренняя радость – это радость тщеславия и самоутверждения плюс среднее сексуальное удовлетворение.

Чудовище умильно врет, что оно – заколдованный принц.

За маской нет лица.

Женщина остается благодарной ему за то, что он дал ей познать страсть. Горя полно, но и счастье было.

Страсть, страсть, страсть! вот что нужно человеку. Не в том дело, чтоб ты был герой, а в том, что к тебе чувствуешь.

Дон-Жуан – это зеркало страсти, где женщина видит отражение собственной потребности. Это зеркало приближается осторожно, приоткрывается постепенно, настраивается умело, – и жаждущая душа получает именно те ощущения, какие ей нужны. Тем более что нужно всем практически одно и то же, надо лишь знать диапазон и правильно перебирать отмычки.